

Джон Уэйн
МАЛОЕ НЕБО

J. Wain
A SMALLER SKY
1967

Перевод А. НИКОЛАЕВСКОЙ
Редактор Н. ФЕДОРОВА

Анне

Едва показались высокие стальные арки вокзала, поезд начал тормозить, зато в вагонах темп жизни стал быстрее. Только что пассажиры спокойно листали газеты или негромко переговаривались, а сейчас нетерпеливо поглядывали в окна, складывали вещи, вставали с мест и надевали пальто. Шестьдесят пять миль поезд шел, не сбавляя скорости, и в том, что теперь он замедлил ход, им чудилась какая-то волнующая новизна, похожая на прелюдию к самым неожиданным происшествиям.

Из яркого света осеннего дня состав не спеша вполз в ровный вокзальный полумрак. Колеса еще медленно вращались, а двери уже начали открываться, и в тот самый миг, когда поезд замер, они широко распахнулись, и, еле сдерживая нетерпение, пассажиры хлынули под стеклянную крышу платформы. В этом людском потоке оставался неприметным мужчина в темно-сером пальто и костюме того же цвета. Его лицо было умным и сдержанно добрым; высокий лоб и седеющие волосы с плешинкой на маковке скрывала мягкая темно-зеленая шляпа.

Направляясь к входу в метро, мужчина внезапно замедлил шаг возле ряда скамеек в зале ожидания, на лице его застыла вежливая, вопрошающая улыбка. Он увидел знакомого и подошел ближе к этому человеку, своему ровеснику, в плаще и серой твидовой кепке.

— Хелло, Артур! — радостно воскликнул он.

Десять лет назад он бы наверняка сказал: «Хелло, Джири!» — но, идя в ногу со временем, он усвоил новомодную привычку звать по имени даже малознакомых людей. Мужчина, с которым он поздоровался, сидел скрестив руки на груди и о чем-то напряженно думал; услышав приветствие, он поднял глаза, узнал окликнувшего и ответил:

— Хелло, Филип! С поезда?

— Да. А вы?

— Нет. — Джири молчал, с интересом глядя на собеседника и ожидая, что еще тот скажет.

— Понятно, — Филип слегка помялся. — Вы не хотите выпить со мной чашку кофе? Я частенько захожу в вокзальное кафе, там гораздо лучше, чем в поездах, да и дешевле.

— Точно. В кафе на первой платформе он крепче, — угрюмо подтвердил Джири. — А всюду тут дают какую-то бурду, куда хуже, чем в поезде. Что ж, — заключил он подымаясь, — время у меня есть. Пойдемте, выпьем по чашке.

Они прошли по перрону в кафе, и Джири заказал две чашки, отклонив вежливую просьбу Филипа Робинсона позволить ему расплатиться за себя самому. Они сели друг против друга и стали рассеянно оглядываться по сторонам, словно подыскивая тему для разговора.

— Так вы говорите, приехали не этим поездом?

— Нет, — ответил Джири. — Я тут уже порядочно.

Робинсон хотел что-то сказать, но не решился, поднес чашку к губам, сделал глоток, помедлил еще несколько секунд и наконец осмелел:

— Как вы себя чувствуете?

— Довольно сносно.

— Нас с Дженифер весьма огорчила вся эта история, — мягко заметил Робинсон.

Джири пожал плечами:

— А что оставалось делать?..

— Да, но... это всегда трудно дается. Где вы сейчас живете?

— В гостинице, — ответил Джири.

Робинсон помолчал, раздумывая, стоит ли продолжать разговор на такую тему. Он никогда не был близок с Джири. Вроде сказал достаточно — а просто обойти молчанием всю эту историю было бы невежливо.

- Вы ездите из города? — спросил он. — В институт, я имею в виду.

— Из института я ушел.

Это сообщение поразило Робинсона.

— Без вас им будет трудно.

Джири невозмутимо пил свой кофе, сдувая дрожащий парок над чашкой.

— Мне пора. — Робинсон сделал последний глоток и встал. — Вы идете? Я беру такси до Саут-Кенсингтона. Нам не по пути?

— Нет, благодарю, — улыбнулся Джири. — Я останусь тут.

Робинсон испытующе посмотрел на Джири. Неужели он решил провести на вокзале весь день? Заболел, что ли? Правда, выглядит он вполне нормально — цветущий, элегантный, подтянутый. Значит, все в порядке, успокоился Робинсон и попрощался, сказав учтиво, что неплохо бы как-нибудь снова повидаться.

Когда Робинсон исчез из виду, Джири вышел на перрон, купил в киоске газету, пробежал глазами заголовки и не спеша вернулся в буфет к своему недопитому кофе. Официант, вестиндец, подвез тележку и забрал пустую чашку, но Джири продолжал сидеть за столиком, погруженный в чтение, — обычная картина: спокойный мужчина средних лет, которому некуда торопиться.

Робинсон рассчитывал успеть на поезд, отходивший в половине пятого. Однако говорливый председатель затянул заседание комитета почти на три часа, хотя предполагалось, что оно продлится не больше двух; потом такси попало в пробку, и до вокзала он добрался только в самый час пик, что вконец вывело его из себя.

На улице смеркалось, помещения вокзала заливал холодный электрический свет. Вечер выдался туманный и знобкий. Если смотреть из теплого, удобного вагона, то погружающиеся в сумрак улицы кажутся знакомыми и безмятежными; желтые квадраты окон напоминают о домашнем уюте, о чае с гренками; потом, когда город уже позади, наслаждаешься зимним покоем темнеющих равнин; а сам вокзал — как пограничный пункт, как преддверие ада. Сгорбленные фигуры, изможденные лица, шаркающая походка — каждый влачит свое тело в потоке других таких же тел, заточенный в свое одиночество среди тысяч себе подобных. В равнодушном ожидании застыли поезда. Гигантские, словно гробы, локомотивы, жаркий запах машинного масла.

С «дипломатом», оттягивающим руку, Робинсон пристроился в длинной очереди у турникета, преградившего выход на платформу. Он смотрел на состав, нетерпеливо ожидая, когда можно будет наконец спокойно сесть на свое место. Казалось, пока контролер закомпостирует его билет, пройдет вечность. Очередь постоянно прорезали шныряющие по вокзалу пассажиры, длинный хвост то и дело распадался на отдельные кучки, пропуская бесконечную вереницу лениво ползущих почтовых тележек, которые тянул за собой небольшой красный автокар. Бестолковая суэта была на руку ловкачам — они смело вклинивались в голову очереди, и Робинсон, простояв почти двадцать минут, не сдвинулся с места. Раздражение его сменилось злостью; вытянув шею, он стал заглядывать поверх голов тех, кто стоял впереди. Он видел поезд, медлительного бестолкового контролера и вдруг — снова заметил Джири.

Джири стоял у турникета. Может, сел на тот же поезд? Непохоже. Джири не спеша прошагал мимо, в своей серой твидовой кепке он смахивал на уважаемого господина, вышедшего в осенний вечер прогуляться. Куда он собрался? Забыв о своем возмущении и даже о том, что спешит

домой, Робинсон принялся наблюдать за Джири. Тот шел вдоль турникетов, а когда на его пути возникла толпа суетливых пассажиров, изменил направление и двинулся вместе с толпой, она несла его, словно волна пробку. Но вот перед ним выросла стена очереди, и тогда он так же спокойно пошел назад и стал прохаживаться около очереди, повернувшись спиной к турникету. Судя по всему, он не торопился уезжать.

Джири почти вплотную подошел к Робинсону, и тот отступил, опасаясь, что будет обнаружен. Робинсон решил понаблюдать за ним немного, не выдавая своего присутствия. Ни о чем не подозревающий Джири невозмутимо прошагал буквально в метре от него. Он оживленно глядел по сторонам, ничего не выпуская из поля зрения, словно шел на рыбалку. В какой-то момент Робинсон успокоил себя мыслью, что Джири ведет себя как вполне нормальный человек, просто ждет нужного поезда, потому и слоняется бесцельно по вокзалу, чтобы скоротать время. Робинсон поспешил уверить себя в этом — очень уж хотелось очутиться в вагоне и поехать домой. Очередь все-таки продвинулась вперед на три-четыре ярда, и он отчетливо увидел платформу, темную неподвижную громаду состава, тут же представил себе свой дом, садовую дорожку в полосках света, падающего из окон, огонь в камине, ужин и — о господи! — собирающихся к столу гостей и домочадцев. Он обещал вернуться вовремя, чтобы жене не пришлось хлопотать одной. А тут этот Джири, бродит как лунатик, вызывая неприятие. Ведь он, Робинсон, порядочный человек и не может наплевать на то, что происходит с Джири. Раз Джири в беде, ему надо помочь. Нельзя оставлять его одного в этом тревожном полумраке, никому не нужного, среди чужих людей.

Робинсон вышел из очереди. Стоявшие позади него тотчас заполнили пустоту, и цепочка сомкнулась. Обратной дороги нет. Узенький Рубикон перейден. Он позвонит жене, потом позаботится о Джири, а поезд уйдет без него.

Пока он следил за серой твидовой кепкой, маячащей в толпе, в нем росла уверенность, что Джири не ждет никакого поезда, и свидания он ни с кем не назначил, и не ищет никакого справочного бюро или парикмахерской, просто разгуливает по вокзалу, только и всего: разгуливает по вокзалу.

Робинсон стоял у телефонной будки, наблюдая за вереницей неподвижных затылков и профилей. Его поезд отойдет через девять минут, через семь, шесть, пять. Дверь открылась, теперь телефон свободен. С монеткой в руке Робинсон бросился в будку.

— Алло?

— Алло?

— Дженифер, это я, Филип.

— Что-нибудь случилось? Ты едешь домой? Надеюсь, ты не надумал именно сегодня вечером...

— Послушай, дорогая. Это очень серьезно. Я только что встретил Артура Джири. Ему худо.

— Что значит худо? Разве нельзя все это выяснить по дороге?

— Он не едет со мной.

— Очень жаль. (Джулиан, не трогай! Пойди скажи Джулиану, чтобы он ничего не трогал. Быстрее!) Слушай, Филип, не волнуйся ты за Артура Джири. Приезжай домой.

— Дорогая, разреши, я объясню. Похоже, у него нервное расстройство. Слоняется просто так по вокзалу. Я еще утром видел его здесь — видно, он провел на вокзале целый день.

— С чего ты взял, что целый день? (Джулиан! Не трогай, кому говорю!!!) Он сам тебе сказал?

— Не совсем так.

— Что значит не совсем так? Ты что, не едешь шестичасовым? Что происходит?

— Вечером я с ним не говорил. Только видел. Короче говоря, я сейчас за ним слежу.

— Ты не говорил с ним, но уверен, что он провел целый день на вокзале, уверен только потому, что видел его утром и теперь он там же. Так, что ли?

— Дженифер, выслушай меня. Я звоню, чтобы сказать тебе, что не еду шестичасовым.

— Не едешь?! Неужели ты забыл, что Кит и Элис...

— Нет, не забыл, но я поеду следующим и буду дома полдевятого...

— Полдевятого?!

- Я должен отвести его к врачу, должен помочь ему. Хотя бы поговорить с ним и выяснить, что случилось...

- Филип, бога ради, поторопись, ты еще можешь успеть на шестичасовой, ты нужен мне, неужели не ясно?

- Артур Джири...

- Ты женат на мне, а не на Артуре Джири, — прошипела сквозь зубы Дженифер. — У тебя есть обязанности передо мной и перед семьей. Раньше тебя почему-то не трогала судьба Артура Джири, а сейчас, стоило мне попросить...

Робинсона лихорадило, он нажал на рычаг и бросил трубку. Американец сказал бы — «сыграл отбой». Да, он сыграл отбой, бросил трубку, а ведь это его жена, с ней он прожил девятнадцать лет. Что для

жены звучит оскорбительнее? Бросил трубку. Сыграл отбой. Он толкнул дверь и отправился на поиски Джири.

Серая кепка все еще маячила возле киоска. Поезд прогудел на прощание, и Робинсону в этом гудке почудилась насмешка. Он коснулся плеча Джири и взволнованно выдавил:

— Добрый вечер.

— Опять встретились, — раздался беспечный ответ. Джири был воплощением покоя в этом море суеты.

— Опоздал на поезд, — объяснил Робинсон. — Чертовски неприятно, у нас сегодня вечером гости. Жена будет... — Он даже взмок. — Пойдемте выпьем пива, если вы тоже ждете.

В конце фразы Робинсон слегка приподнял брови, как бы желая, чтобы Джири понял деликатный намек его полувопроса. Робинсон остался доволен собой — намек прозвучал весьма ненавязчиво, без тени фамильярности, зато Джири может воспользоваться случаем и объяснить, как сочтет нужным, отчего он до сих пор еще на вокзале. Но Джири словно и не подозревал о том, что от него ждут объяснений.

— В кафе сейчас не протолкнуться, — ответил он. — Но думаю, мы что-нибудь найдем. Вон то, мне кажется, самое подходящее.

Он кивнул в сторону вывески над дверями в углу зала ожидания: «Спиртные напитки», и они отправились туда. Лавируя среди людей, то и дело сталкиваясь с ними, Робинсон чувствовал, что в нем закипает гнев. Раз уж попал в такой переплет, и все ради того, чтобы помочь Джири, пусть тот хотя бы не артачится.

В кафе стояла банная духота. У левого края стойки продавали чай и кофе, у правого — спиртное. Народу было полно. Одни поспешно хватали рюмки и залпом выпивали содержимое, словно их поезд вот-вот отойдет, другие бережно обнимали рюмки пальцами и угрюмо зыркали по сторонам, словно опоздали на поезд и теперь должны торчать здесь уйму времени. Посетителей обслуживали двое пожилых флегматичных барменов; хотя и неторопливо, но они делали свое дело исправно, ни на что не отвлекаясь. Робинсон и Джири заказали пиво. Молча подождали, когда их обслужат, потом с трудом выбрались из толпы, разыскали в углу зала банкетку, на которой им удалось уместиться вдвоем — тесновато, зато по крайней мере можно поговорить.

— Будьте здоровы, — сказал Робинсон.

— И вы будьте.

Робинсон выпил, затем посмотрел Джири прямо в глаза.

- Надеюсь, вы не сочтете меня назойливым. Все нормально?

— Не понимаю.

Я хочу спросить, — пояснил Робинсон, взвешивая каждое слово, — у вас все нормально? Джири задумался.

— Разве я неважно выгляжу?

- Сознаюсь, я не сел на поезд, поскольку тревожусь за вас.

— Весьма тронут, Филип. Спасибо.

- Послушайте, — Робинсон расправил плечи, — боюсь, мы рискуем запутаться в недомолвках.

— Слишком сильно сказано, — улыбнулся Джири.

— Не сочтите за труд сообщить мне, — решительно продолжал Робинсон, — сколько времени вы провели на вокзале?

— Девять дней.

Наступила пауза. Наконец Робинсон выдавил из себя:

— Девять дней?

К своему стыду, он почувствовал явное облегчение, прямо от сердца отлегло. Да, Джири действительно сошел с ума! И Дженифер непременно простит ему, что он не успел к ужину.

— Но почему? Почему? — с горячностью спросил он, спеша погасить эту отвратительную вспышку радости.

— Меня это устраивает.

— Но... — Робинсон в недоумении развел руками. — Вы же не станете утверждать, что провели на вокзале все девять суток?

- Нет, — ответил Джири. — Я ночую в гостинице. Спать ложусь в одиннадцать. По утрам не тороплюсь: сюда прихожу обычно полдесятого.

— В какой гостинице?

— В привокзальной.

- Стоп. Дайте разобраться, — сказал Робинсон. — Вы ночуете в привокзальной гостинице и целыми днями гуляете по платформам?

- Иногда гуляю, иногда сижу. А ем в кафе, их тут хватает. И вам теперь могу посоветовать, куда лучше пойти.

— Нельзя ли узнать, зачем вы это делаете?

- Я мог бы объяснить, — ответил Джири, — но при всем моем почтении к вам, Филип, не вижу причины, почему я обязан делать это.

- Тогда ответьте мне только на один вопрос. Вы что-то изучаете здесь, обследуете? Чего ради вы здесь торчите?

— Вы хотите сказать, послал ли меня сюда кто-нибудь. Нет, никто. Я на вокзале по своей доброй воле.

— Вы собираете какую-нибудь информацию?

— Не в том смысле, какой вы подразумеваете.

— Что ж, — сказал, вставая, Робинсон. — Если вам; хочется

находиться здесь — дело ваше. Но, полагаю, вы догадываетесь, как это выглядит со стороны.

— А как?

— Так, словно у вас расстроены нервы и вы не в состоянии поступать разумно, — резко ответил Робинсон.

— Поступать разумно, — повторил Джири. — Вы, надеюсь, вкладываете в это понятие конкретный смысл. Или же хотите сказать — поступать, как все?

— Не запутывайте нашу беседу еще больше, Артур. Вы отлично понимаете, что я имею в виду.

— Если бы на всех больших вокзалах постоянно жили сотни людей, вы бы привыкли к этому и не считали это неразумным, — заметил Джири. — Вы ведь на каждом шагу сталкиваетесь с куда более странными явлениями и принимаете их.

Робинсон порывисто поднялся. Вечер испорчен, дома теперь мира не восстановишь несколько недель, если не месяцев, а этот Джири, человек, которому он от души желал добра, отказывается от помощи. Он смотрел на серую твидовую кепку Джири — спокойствие, которым от нее веяло, приводило его в бешенство.

— Что ж, Артур. Я опоздал на поезд, потому что встревожился за вас, но, судя по всему, вы считаете, что я понапрасну теряю время.

— Я тронут вашим вниманием. И мне было приятно побеседовать с вами. Жаль, что вы опоздали на поезд.

— Знаете, что меня больше всего пугает в вас? — Робинсон наклонился к Джири. — Ваше спокойствие.

Джири взял свой стакан и отхлебнул немного.

— А почему бы мне не быть спокойным? Вы спросили меня, сколько времени я уже на вокзале, и я подумал: лучше сказать правду, чем играть в прятки. Я ведь знаю, вы чуткий, доброжелательный человек. Вы не будете стараться упечь меня в психушку только из-за того, что я поступаю не так, как обычно поступают другие.

— Раз уж речь зашла о психушке, — гнев Робинсона еще не остыл, — могу сказать, что я думаю по этому поводу. Если вы останетесь на вокзале, вы сойдете с ума. Бесконечные толпы людей, отсутствие удобств и крыши над головой — все это доконает вас. Бога ради, смейтесь надо мной, но через три месяца вы свихнетесь.

— Хотите поспорим? — с улыбкой спросил Джири.

— С удовольствием, — ответил Робинсон. — Только каким образом я получу свой выигрыш, когда вам выдадут свидетельство о невменяемости?!

Это слово — «свидетельство» — вырвалось у Робинсона нечаянно.

Лучше было бы сдержаться, оставить его при себе, ведь и так все ясно. Оба на секунду замолкли, потом Джири спросил:

— Вы в самом деле так считаете?

— Я считаю, — размеренно произнес Робинсон, — что у вас сильное нервное истощение, вы переутомлены и потому, вероятно, не в силах судить, что вам на пользу, а что во вред.

— Иначе говоря, я душевнобольной, — заключил Джири. Снова наступила пауза. Он нарушил ее первым: — Вы были знакомы с Джеффри Уинтерсом?

— Где-то слышал это имя. А я мог его знать?

— Он был микробиологом.

— Что же с ним произошло?

— Джеффри был бесконечно одинок, другого такого я не встречал. Он говорил, что в разладе со всем миром и ничего не может с этим поделать. Привязан он был лишь к нескольким людям, больше всего, мне кажется, к своей жене и ко мне. Но ведь этого мало. Он чувствовал себя так, словно большую часть суток проводил вне земной цивилизации, на какой-то другой планете, где, кроме него, не было ни одной живой души.

— Что с ним случилось?

— Он покончил с собой, — без всякого выражения ответил Джири.

Робинсон снова наклонился к нему:

— Зачем вы рассказали мне об этом?

— Предположим, Джеффри нашел способ избавиться от этого ужасного одиночества, хоть и несколько странный. Не лучше ли было оставить его в покое и не принуждать вернуться к тому, что вы называете разумным образом жизни, тем самым обрекая его на невыносимое одиночество? В итоге как-то утром он отравился на своей кухне.

Робинсон продолжал стоять, склонясь над Джири и пристально всматриваясь в его лицо.

— Что вы пытаетесь мне внушить? Что покончите с собой, если вам не разрешат оставаться на вокзале?

— Нет, конечно. — Джири рассмеялся. Казалось, все это искренне забавляло его. — Ничего такого я о себе не говорил и вовсе не желаю, чтобы мне приписывали подобные глупости. Просто я вам рассказал случай, в котором модель разумного поведения, как вы это называете, не очень-то помогла.

Робинсон выпрямился.

— Пожалуй, я пойду. Вы недвусмысленно дали мне

понять, чтобы я не вмешивался не в свое дело. А с другой стороны, ни с того ни с сего вспоминаете о судьбе своего друга, покончившего с собой

от одиночества. Вот что у вас на уме, и тем не менее вы утверждаете, что здоровы.

— Вовсе я не утверждал. Кто нынче может этим похвастать? Вы снова договариваете за меня.

— Ладно, я пойду.

— Как хотите, Филип, но ваш поезд не так уж и скоро. Может, посидим и закажем еще пива? Народ схлынул, и мы мирно побеседуем.

— О чем? — спросил Робинсон. — О самоубийстве? Он выскочил на перрон, решительно прошел через здание вокзала и зашагал по грязным улочкам с ветхими постройками. Куда глаза глядят, лишь бы вырваться из этого кошмара. Он вернется минут за пять до отхода поезда, не раньше. Он не намерен снова сталкиваться с Джири. Жалость, недоумение, раздражение, тревога переполняли его, потом вдруг нахлынула бесконечная усталость и поглотила все остальное. Длинный день сегодня выпал.

Джири вернулся в кафе, заказал стакан портера и не спеша развернул вечернюю газету.

Джири потягивал в кафе портер, а тем временем его жена — в шестидесяти пяти милях от него — разговаривала по телефону.

Красивой Элизабет Джири никогда не была. В молодости она обладала, как принято выражаться, привлекательностью, в сорок — почти не утратила этого качества. На лице — ни морщинки, а округлость бедер лишь придавала ей аппетитность, удачно сочетавшуюся с несокрушимым душевным спокойствием. Рядом с телефоном лежал блокнот, на каждой страничке которого умещались дела трех дней, сейчас она заглядывала в него не потому, что договаривалась о встрече, а так, по привычке.

— Спасибо. Я справлюсь, — говорила она. — В сущности, все идет своим чередом, и дети в порядке, единственная перемена в моей жизни — буду работать только за деньги. Я уже беседовала в министерстве, просила, чтобы меня взяли в штат, мне обещали подыскать что-нибудь не позднее Нового года. Так что это улажено.

— Вы весьма храбрая женщина, — отвечала собеседница; в сущности, ее вовсе не интересовали беды Элизабет. Она звонила по делам комитета, в котором они обе состояли. Миссис Джири входила в несколько комитетов. — Не представляю, как бы я справилась на вашем месте.

— Справились бы, дорогая, жизнь бы заставила. Одно утешает: даже в наше ужасное время такое случается не часто. Большинство мужей не бросают своих жен. Встречаются, конечно, люди вроде Артура, им вдруг втемяшивается в голову, что они должны уйти из дома и жить сами по себе...

Даме на другом конце провода очень хотелось выведать, не ушел ли Артур Джири к какой-нибудь девице, и она буквально вцепилась в слова «сами по себе», решив проверить, правду ли ей говорят.

— Как же он один? Представить себе не могу.

— У меня нет такой информации, — отрезала Элизабет Джири, заглядывая в блокнот. — Пока мой адвокат не сочтет нужным связаться со мной, я даже не стану узнавать, где Артур живет. В материальном отношении он поступил, что называется, порядочно — оставил нам с детьми наличными, сколько мог, — она закончила, как подобает «храброй женщине», — и пока я больше ни о чем не позволяю себе думать.

— Конечно, конечно, я понимаю вас, — отвечала собеседница, гадая, означает ли услышанное, что Артур Джири ушел к любовнице, имеющей в банке небольшой капитал. Тихоня небось, такие всегда тихони, размышляла она. — Я вас не подведу, подготовлю эти данные ко вторнику, Элизабет, а тем временем вы, может быть, познакомитесь с теми, кто будет проводить опыты, и разузнаете, что они намерены делать. — Тебя, звучало в ее словах, это немножко отвлечет, бедняжка, без мужа ведь теперь.

— Мне они обещали представить отчет ко вторнику, — сказала миссис Джири. Хлопнула дверь, она оглянулась и увидела свою пятнадцатилетнюю дочь Анджелу. Только она так влетает в дом. — Простите, мне пора уходить. У вас еще что-нибудь?

Элизабет резко оборвала разговор, и ее коллега, поспешив заверить, что ей все теперь ясно, попрощалась. Четким, уверенным жестом миссис Джири положила трубку и целиком переключила свое внимание на дочь.

— Мамочка, — заканючила Анджела, — ты все еще не решила?

Миссис Джири вздохнула. Не успела Анджела остаться без отца (во всех отношениях), как стала уговаривать ее переехать в Лондон.

— Ведь мы жили в этом гадком захолустье из-за того, что у папы здесь институт. Не понимаю, почему теперь мы не можем устроиться, как все нормальные люди?

— А что, нормальные люди живут только в Лондоне? — спросила миссис Джири. Она хотела, чтобы в голосе ее была слышна ирония, но поняла, что это не очень удалось. В глубине души она и сама сознавала, что глупо не жить в столице государства, гражданином которого ты являешься. В таком городе есть возможность расширить свой кругозор, а именно широта кругозора привлекала ее в людях. Потому-то ей и не удалось остудить пыл Анджелы своей отрезвляющей, ледяной иронией.

— Анджела, дорогая, — голос ее окреп, — ты прекрасно знаешь, что теперь не время обсуждать подобные вопросы. Мы пока ничего не решили. В принципе я не против переезда в Лондон, но сначала надо во всем

разобраться. Если мы с твоим отцом будем разводиться, — она произнесла слово «разводиться» небрежным, будничным тоном, словно говорила о факте, который следует принимать как таковой и не более того, — мы, конечно, решим и финансовые вопросы. А на что нам можно рассчитывать, я не представляю, особенно теперь, поскольку, как я слышала, твой отец ушел из института.

— Мамочка, — спросила Анджела, вертя головой, чтобы увидеть свою спину, — почему папа от нас уехал?

— Я уже говорила тебе, дорогая. Не знаю. В возрасте твоего отца мужчины иногда совершают странные поступки. Ему ведь сорок пять, — добавила миссис Джири, стараясь быть точной.

Теперь Анджела пыталась взглянуть себе на спину через другое плечо. Очень хотелось увидеть, хорошо ли сидит новое платье.

— И он ничегошеньки не сказал? Просто поднялся и ушел без единого словечка?

— Дорогая, у тебя в спальне большое зеркало. Что ты вертишься, как волчок? Он сказал, что ему одиноко.

— Одиноко? — Анджела выпрямилась и посмотрела на мать. — Мы же все время были с ним!

— Так он сказал.

— А жить одному, выходит, не так одиноко?

— Не знаю. Для меня это такая же загадка, как и для тебя.

— Мам, а он один живет? — осенило Анджелу.

— Насколько мне известно, один, — с завидным самообладанием ответила миссис Джири.

— Но ты не знаешь точно? Спорим, скоро выяснится, что он опять собирается жениться. Может, на моей ровеснице. Мужчины ведь так обычно поступают, да? Ох уж эти мужчины... Вот увидишь, как он ступается, когда станет знакомить меня с ней. Наверняка он тратит кучу денег и шикарно одевает ее, так что она знает себе цену... Если бы мне новую юбку, одну-единственную. А ты все тянешь, тянешь, целую вечность...

— Анджела, детка, — сказала миссис Джири, вставая со стула. — Зачем ты клянчишь у меня кожаную юбку, она ведь в три-четыре раза дороже обычной, у тебя в голове все перемешалось: юбка и сумасбродные фантазии о браке твоего отца с пятнадцатилетней девчонкой, о вашем соперничестве и борьбе за отцовскую любовь. Мне остается лишь сказать, что тебе пора в постель. В твоём возрасте надо побольше отдыхать.

Дэвид лежал у себя наверху в спальне, натянув простыню до

подбородка. Он отчего-то проснулся, и теперь вот никак не удавалось заснуть снова. И он решил поразмышлять о том, о сем. Ведь только ночью и можно подумать, а днем — быстрее вставай, быстрее собирайся, быстрее беги в школу, торчишь там целый день, потом домой за уроки, а там и спать пора. Дэвид ненавидел такую жизнь; одно утешало — вечно так не будет. Это папа ему сказал. Однажды, давным-давно, когда ему было лет семь или даже шесть, папа заметил, что он ходит кислый, посадил к себе на колени и поговорил с ним. «Знаешь, жизнь меняется, — сказал он. — Проходит несколько лет, и она меняется, становится совсем другой. И нет такого несчастья, которое длилось бы вечно. Так что шагай вперед, не унывай. Запомнил?» Дэвид ответил «да» и вправду запомнил отцовские слова.

Комнату заливал мягкий свет ночника. Дэвид немного подумал об отце, но очень скоро переключился на уток. Он часто ходил кормить их на круглый пруд в парке. Неподалеку от пруда протекала речка, и утки иногда разнообразия ради перелетали туда поплавать, но каждый раз возвращались на свой пруд. Когда Дэвид был совсем маленьким, на пруд его водил кто-нибудь из домашних, а теперь он ходит туда сам. На кухне у него был мешочек, в который он собирал остатки хлеба и печенья; все это он уже делал сам.

Утки качались на воде, как игрушечные лодки. На самом деле там были утки и селезни. Он знал про это. Только никогда не увидишь, как они занимаются этим. Может, ночью, как люди. Самое удивительное в селезнях — их окраска, перышки так и переливаются на свету, пока они плавают. Пятна бензина на гладкой мутной воде. Заросли высохшего камыша зимой.

Почему так весело кормить уток? Бросишь им хлеба, и они начинают отнимать его друг у друга, нырять за ним. Порой ему казалось, что какой-нибудь утке почти ничего не доставалось; те, что проворнее и смелее, выхватывали корм прямо у нее из-под носа. Тогда он принимался бросать хлеб специально для той, невезучей. Если же ей все равно не перепало, он хитрил — бросал несколько кусков подальше от стаи, чтобы невезучка подплыла туда, а уж там ей свобода. Интересно — бросишь кусочек вбок, а утка за ним, как за магнитом. Все равно что шахматные фигуры переставляешь. Или все равно что бог. Бог может выбрать кого-нибудь и повести его одной дорогой — где болезнь подстерегает, или другой — где счастье ожидает. Так и здесь. Захочешь — можно заставить утку оторваться от стаи и стать доброй. А захочешь — можно сделать, что она разозлится. Гоняй ее по пруду и все время бросай кусочки хлеба впереди нее, но чуть дальше, чтобы она не сумела их сразу схватить: пока подплывет — они уже утонули. А бедняжка плывет и плывет голодная. Бог тоже мог бы так сделать, если б захотел. Но утки не умеют молиться. А если б умели, что бы

они просили?

Он — вроде как бог, но он будет добрым богом. Утки привыкнут к нему и поймут, что раз Дэвид бросает им хлеб, так это для того, чтобы они ели, а не для того, чтобы заставить их гоняться за кормом. И тогда на крошечном пятачке вселенной, на круглом пруду с густым камышом, восторжествуют добро и справедливость.

Он расскажет об этом папе. Папе понравится его план. Если только они увидятся когда-нибудь, он непременно ему скажет: пруд с утками — счастливое место. Это я так сделал. И тогда папа обязательно улыбнется ему.

— Спасибо, дорогая, я не голоден, — сказал Филип Робинсон жене. — Я подумал, что тебе, вероятно, будет легче не ждать меня с ужином, и перекусил по дороге.

— Я держала для тебя ужин на огне, — сердито бросила она в ответ. Безусловно, если бы не гости — Кит и Элис Доултон, — жена обрушила бы на него огонь всего оружия, которым располагают женщины.

— Прошу прощения, — улыбнулся Робинсон гостям. — Дженифер, надеюсь, объяснила, почему я задержался.

— Там что-то приключилось с Артуром Джири, — ответил Кит Доултон, спокойный коротышка, кутивший трубку под стать его росту.

— Надеюсь, сейчас он уже в безопасности, — подхватила Элис Доултон, стараясь по мере сил разрядить обстановку. Ей было абсолютно безразлично, что случилось с Артуром Джири, безразличие это проглядывало в каждом ее слове, как проглядывают сквозь тонкий лист бумаги буквы, напечатанные на обратной стороне. — Вам удалось успокоить его?

— О, в этом не было никакой нужды! — воскликнул Робинсон, наливая себе изрядную порцию виски. Он старался не смотреть на жену. — Его спокойствию позавидуешь.

— Я так поняла, что он не соглашается покинуть вокзал, — продолжала Элис. — Мы уж представили себе, как он воюет с полицией.

— Никто и не пытался силой выпроводить его оттуда, хотя бы потому, что никто не знает, что он проводит там дни и ночи напролет.

— Никто, кроме тебя, — ядовито вставила жена.

— У нас же свободная страна, — бесстрастно заметил Доултон.

— Сумасшествие не имеет никакого отношения к свободе, Кит. — Виски придало Робинсону смелости, он говорил отрывисто и уверенно.

— Сумасшествие? — Глаза Доултона округлились. — Полагаете, даже так?

— А мне слышалось, вы сказали, что он совершенно спокоен, — вмешалась Элис Доултон.

— Ну и что же, все зависит от того, о какой форме сумасшествия говорит Филип, — сказал ее муж. — Как известно, при некоторых формах больной внешне абсолютно спокоен.

— У него маниакальное состояние или еще что-нибудь? — спросила Элис Доултон. — По-моему, скорее всего, он нарочно придумал какую-нибудь небылицу и заморочил Филипу голову.

Естественно, думал Робинсон, у такой женщины на все готовы словесные клише. Откинувшись на спинку кресла, он разглядывал своих гостей, полуприкрыв глаза, испытывая почти наслаждение от острой неприязни к этим людям. Миссис Доултон была тощей, похожей на птицу, нос клювиком, таких в юности называют «малышка», «живчик». Ее миниатюрная фигурка весьма гармонировала с коротенькой фигуркой мужа; парочка эта, казалось, выпорхнула на прогулку из кукольного домика. Они сидели в деревянных позах, словно игрушки, и были готовы болтать о Джири так же, как о сенсации, вычитанной из газет.

Дженифер Робинсон, высокая, надменная женщина, чье выражение лица, как правило, почти ничего не выражало, оставаясь непроницаемым, даже когда она радовалась или сердилась, спросила у Элис Доултон: Элис, а для чего Артуру Джири придумывать?

— Вы же знаете, — с готовностью ответила миссис Доултон, — он ушел из дома.

— Они расстались с женой, это ясно, — сказал Робинсон. — По-моему, это ни для кого не секрет.

— Ну так вот, — продолжала Элис Доултон, — будет развод, наймут детективов, судебный чиновник подготовит дело, начнутся всякие разбирательства. — В глазах ее забегали огоньки, она обожала смаковать подобные темы. — Естественно, что, встретив на Паддингтонском вокзале знакомого, Артур Джири тут же решил замести следы.

Робинсону лень было отвечать, и разговор снова поддержала Дженифер:

— Вы знаете его жену? Меня познакомили с ней как-то, но я не запомнила ее имени.

— Элизабет, — тотчас ответила миссис Доултон. — Я не знаю ее, но кто-то, помнится, рассказывал мне, как она прелестна и какой у них чудный дом. Я даже запомнила слово в слово: «Элизабет Джири удивительно организованная женщина, не знаю ей равных».

— Сомнительный комплимент, — заметил Доултон с улыбкой.

— Знаю, что у тебя на уме, — парировала жена. — Любая женщина с

чувством долга перед мужем и семьей для тебя питон, чудовище какое-то, норвящее задушить всех домочадцев. Ведь так, я угадала?

— Мужчины воображают, что в доме все делается само собой, — добавила Дженифер Робинсон. — Они уверены, что, когда уходят утром по своим делам, мы сушим волосы или листаем журналы, а в доме все получается само собой.

Объединенные возмущением по поводу угнетенного положения женщины в семье, обе дамы сурово смотрели на своих мужей.

— Вернемся к Артуру Джири, — начал Доултон. Все ждали, что он скажет дальше, а он принялся раскуривать трубку-коротышку; пришлось дожидаться, пока он сделает затяжку, одну, другую, третью, и табак потемнеет. Наконец он бросил спичку и закончил фразу: — Лично я не принимаю версии Элис. Не станет он ничего придумывать, поскольку это легко проверить. Если он все время торчит на вокзале, значит, живет либо в привокзальной гостинице, либо в какой-нибудь другой поблизости, и детектив сможет все выяснить за полчаса.

— При чем тут детективы? — Терпение Робинсона лопнуло. — Да все детективы мира сойдутся на одном: Артур Джири попал в беду. Это ясно как день. Я не слишком хорошо с ним знаком, не берусь судить, что с ним произошло, но, видно, ему несладко и он потерял способность трезво оценивать происходящее.

— И поэтому он живет на вокзале, — усмехнулась миссис Доултон. — Он что, заиклился на поездах и всем прочем?

— Интересно, как он устроился с финансами, — сказал Доултон. — Я к тому, что, зная это, можно судить, насколько он утратил связь с реальностью.

— С чего вы взяли? — возразил Робинсон. — Некоторые сохраняют поразительную трезвость мысли в финансовых вопросах, но живут при этом в мире чистейших фантазий.

- И все же, — продолжал Доултон, попыхивая трубкой, — если он оставил жене достаточно денег, значит, чувство долга в нем не притупилось.

Нет, притупилось, — упрямо перебила Элис Доултон. — Уйти из дома, свалить все заботы на жену — это безответственно с любой точки зрения. Деньги еще не все, если хочешь знать, Кит.

Робинсон снова налил себе виски, не обращая внимания на жену, которая слегка вскинула брови. Он чувствовал, что еще немного — и они признают душевнобольным его самого.

— Послушайте, не про то мы говорим...

- Джулиан, — резко перебила его миссис Робинсон, — ты давно там?

Все посмотрели на полуоткрытую дверь. Растрепанный мальчик в пижаме, босой, замер в темном холле футах в шести от двери.

— Входи, Джулиан, — снизошла миссис Робинсон. Фигурка нехотя приблизилась к дверной щели. Джулиан оглядел присутствующих, но в гостиную не вошел.

— Почему ты не в постели? — спросила миссис Робинсон.

— Мне хочется есть. Спустился, чтобы взять печенье.

— И что же — взял?

Джулиан, помедлив, разжал руку — на ладони лежала недоеденная половинка печенья.

— Иди наверх. Спокойной ночи, — мягко сказал отец.

— Спокойной ночи. Папочка!

— Да?

— Ты укроешь меня?

— Ты уже большой, — вмешалась миссис Робинсон.

— Но у меня все сбилось в кровати.

— Пойдем поглядим, — сказал Робинсон и поднялся. Жена и так вне себя, оттого, что он опять поступал ей наперекор, хуже не станет; он знал, она не любит, когда их девятилетний сын вдруг начинает вести себя как маленький. Но он-то понимал, каково Джулиану. Мир такой неудобный и холодный, кому иногда не хочется, чтобы его уложили в постель и поцеловали?! Он поднимался по лестнице за Джулианом, и хрупкое тельце ребенка неожиданно вызвало прилив жалости в сердце этого бесстрастного человека. Он представил себе Артура Джири в тревожном полумраке вокзала: одинокий, затерянный в ледяном море времени, Джири вдруг начинает понимать, что обречен цепляться изо всех сил за немую, мертвую и мрачную скалу — за этот вокзал. Артуру Джири когда-то тоже было девять, как сейчас Джулиану. Робинсон ужаснулся при мысли, что Джулиан живет в том самом мире, который довел Джири, человека преуспевающего ж талантливое, до такого состояния... Он поцеловал мальчика, аккуратно подоткнул одеяло (постель сбилась самую малость) и, преисполненный твердой решимости, вернулся в гостиную.

— Я знаю, что надо делать, — сказал он.

— Господи, да сколько же можно об этом Артуре Джири, — возмутилась жена. — Мы говорили уже совсем о другом, и, поверь, нам было не скучно.

Робинсон не сводил с нее глаз.

— Можешь говорить о чем угодно. А я пойду звонить Морису Блейкни.

— Морису Блейкни? — Доултон наморщил лоб. — Сотруднику

Грейсона?

Местную психиатрическую клинику, официально называвшуюся «Больница и клиника Чарльза Грейсона», все именовали просто «Грейсон».

— Он принимает больных и без направления, — добавил Робинсон и стоя допил виски. — Мы с Дженифер немного знаем его.

— Ты собираешься позвонить ему и рассказать об Артуре Джири? — недоверчиво спросила Дженифер.

— Если он дома. Если нет, позвоню завтра утром. Нельзя терять времени.

— Боишься, что Артур Джири бросится под поезд или совершит еще что-нибудь?

— Что Артур Джири может сделать, а что нет, меня не касается, — отвечал Робинсон, сознавая, что, если теперь не настоит на своем, жена так и будет командовать им всю жизнь. — Я только знаю, что он болен и об этом следует известить врача-специалиста.

— Будьте осмотрительней, — предупредил Доултон. — Как бы с вас не взыскали за оскорбление личности.

Он робко улыбнулся, сжав зубами трубку.

— По мне, лучше пусть взыщут, чем думать, что я был рядом и не помог больному.

Он вышел в холл, где находился телефон, надел очки и набрал номер доктора Блейкни.

В привокзальной гостинице Джири снимал номер с ванной. Поначалу он было хотел взять себе другой, но дня через два решил, что иметь для ночного отдыха уютный уголок с маленькими удобствами вовсе не помеха его жизни на вокзале.

Было одиннадцать вечера того самого дня, когда Джири встретился с Робинсоном. Он только что принял ванну и обтирался полотенцем. Уже приготовил пижаму — собирался лечь пораньше. Стал вытирать спину — и вдруг понял, что лечь так рано нельзя. За весь день он ни с кем словом не перекинулся. Ранним утром, разглядывая витрины киоска, он наткнулся на интересную книжку, автор которой в свое время работал с ним в одном институте. Книжка была научно-популярная, но в ней были кое-какие свежие мысли, и Джири давно собирался ее прочитать. Купив книжку, он тут же, за завтраком, начал читать, да так и читал целый день и размышлял над ней. Вот время незаметно и пробежало, а сейчас, стоя возле кровати, он почувствовал, что его тянет к людям, и решил спуститься в кафе выпить чего-нибудь на сон грядущий.

Он начал одеваться. Чашку чая или кофе? И то и другое взбодрит его, потом не уснешь, а пить на ночь алкоголь, чтобы успокоиться, у англичан

не принято. Горячее молоко? Блестящая идея. Надо бы прихватить с собой фляжку и плеснуть в молоко чуточку виски. Конечно, чтоб никто не заметил, а то ведь у англичан так не принято. Он даже улыбнулся, завязывая галстук. Горячее молоко, люди, глоток виски, ну, может, пролистать еще раз книжку бывшего коллеги. Там есть кое-какие места, которые он хотел перечитать внимательнее. Тогда она прочно осядет в мозгу, и можно будет не спеша поразмыслить над ней.

Джири сунул в карман плаща фляжку с отличным шотландским виски. Умиротворенный и довольный, он спустился в лифте и вышел на вокзал. Там еще толпился народ. Платформы пустеют лишь после полуночи. Но Джири после полуночи, как правило, уже в постели.

Он толкнул дверь ближайшего кафе. На вокзале их три, а это — самое неуютное — закрывалось позже остальных. Ясно, администрация решила, может и не отдавая себе в этом отчета, что опоздавшие пассажиры должны радоваться тому, что есть, и вовсе не обязательно предоставлять к их услугам просторное и радующее взгляд помещение. Джири частенько заглядывал в это кафе, там было два зала. Пройдешь с подносом вдоль стойки, где тебя обслужат, по проходу, отгороженному перилами, и можно сесть за столик в этом же зале или перейти под аркой в соседний. Наверняка это помещение, как и вся старая часть вокзала, предназначено было для других целей. Зато из-за стойки второй зал не был виден, поэтому можно разрешить себе какую-нибудь вольность, например после одиннадцати часов плеснуть виски в стакан горячего молока, официанты не заметят.

По этой и другим схожим причинам посетители предпочитали второй зал, там им никто не мешал. Хватившие лишку заходили сюда вздремнуть часок-другой, уронив на столик голову. Бродяги обменивались тумачами, а подростки в темноте под столиками покупали и продавали героин.

Джири взял стакан горячего молока, прошел во второй зал, сел и осмотрелся. Ему хотелось понять, что именно делает зал таким отталкивающе уродливым. Остановиться на чем-нибудь было трудно, здесь все уродливо — формой, цветом или тем и другим вместе. Да, глаз задержать не на чем: в этот притон стекались люди усталые и издерганные, странно еще, подумал Джири, что прямо здесь не происходят то и дело самоубийства.

Ему-то было очень даже весело. Он устроился в дальнем углу и видел весь зал как на ладони — и наконец понял, что самое безобразное тут — стулья, стоявшие у противоположной стены. Их металлические ножки были привинчены к полу, плоские вращающиеся сиденья обтянуты искусственной кожей. Джири разглядывал стулья, и казалось, они

доверительно делились с ним всеми тайнами современного массового общества. Ты не имеешь права двигать стулья по залу: они закреплены на одном определенном, положенном им месте, но ты можешь их вертеть. Куцая свобода! Ничего для утешения, все — для удобства. Металлические стулья-грибы скалились, как вставные зубы, в зловещей ухмылке.

Джири не спеша опустил руку в карман и нащупал фляжку. Отвинтил крышку и, отмерив ровно две порции виски, вылил их в горячее, исходящее паром молоко. Он вообще любил выпить немного виски на ночь; но теперь главное — не пристраститься к выпивке. Не поддаваться искушению увеличить вечернюю дозу.

Закончив эту операцию, он завинтил крышку, поднес стакан к губам и тут сообразил, что к нему кто-то обращается.

— Вот это в самом деле друг в этакую холодрыгу. Это уж как пить дать.

Джири обернулся. Старик ирландец весьма дорожил такой дружбой, это было заметно по его тяжелому багровому носу и желтым полуприкрытым белкам глаз. Он расплылся в радостной улыбке и проковылял к столику Джири.

— Что и говорить, богом забытая страна, — заметил он, проворно выхватив фляжку из рук Джири, — негде горло промочить, коли устал и на сердце тяжело.

Он понес было фляжку к губам, но Джири сжал его запястье.

— Налей себе сколько хочешь, но из горла пить не стоит.

Ирландец понимающе хихикнул:

— Боишься, лишнего тяпну? Но ты вроде бы сказал «да», и на том спасибо. Бог простит коннемаров, они-то прямо из ведер хлестали. — Он взял оставленную кем-то чашку, понюхал ее. — Хм. Чай. Сойдет. Если бы кофе, другую бы нашел. А чай доброму солоду не помеха. — Он набулькал почти полчашки. — За твое доброе сердце. Хоть и англичанин, а с понятием к ближнему. Сразу видать, порядочный человек. Пускай господь хранит мою Коннемару. Мою отчизну. Неплохо бы теперь податься туда.

— Неплохо бы, — кивнул Джири.

— Сердце у тебя доброе. Перевелись нынче башковитые люди. Вот раньше — славное было время. Слишком много черных расплодилось по стране. А белый человек работы себе найти не может, готов на четыре точки встать, что твоя лошадь.

Он налил себе еще. Джири захлопнул книжку и огляделся, раздумывая, как бы избавиться от непрошеного собеседника. И встретился взглядом с рослым парнем в грязной спецовке и тяжелых сапогах, тот сидел неподалеку на стуле-грибе и с лютым подозрением следил за Джири.

— Кругом чернота, — продолжал гражданин Коннемары. — Только не на тяжелых работах. Если белому человеку нужно подработать, он должен лезть под землю, что твой крот. Я вот нынче так работал. Спустили меня в люк, в длиннущую трубу, потом туда же — провода какие-то, водища на меня лилась в три ручья.

- Да, не очень приятно, — сказал Джири.

— И ни одного черного поблизости, — продолжал старик. — Они-то быстрехонько смываются, когда им что не по вкусу. Мне шестьдесят семь. Я должен бы им втемяшивать, что и как делать, а не лезть в дыру в этот потоп. Сердце твое бы разорвалось глядеть на такое. Бедная моя матушка, увидь она меня там, восстала бы из гроба. Не думал я, что в землю придется зарываться, пока не стукнет смертный час. Но не вечно же так будет, господь услышит меня. И покарает этих черных мерзавцев язычников.

— Я не совсем понимаю, в чем они виноваты, — заметил Джири.

— В чем? — Лицо старика перекошилось от ярости. — Да в том, что белый человек им в отцы годится, а должен ползти, как суслик, под землю, да еще вода на голову льет. Они кокаином балуются, сам видел, как они его нюхают. Ни один христианин не употребляет наркотики. Так ведь? Отвечай! — Он привстал, навалившись на стол, и впился в Джири скошенными от злобы глазами. — Растолкуй мне, отчего это и почему, мистер, если можешь. Я видел, как они его нюхали своими черными носами. Скоты.

— Выпей еще. — Джири понимал, что лучше дать старику поскорее опорожнить фляжку, чем терпеть его болтовню: пока виски не кончится, от него не избавишься.

Он вылил ему из фляжки почти все, старик из Коннемары совсем опьянел и стал агрессивным. Проглотив виски, он сел, тяжело дыша, полные обиды глаза уставились на Джири.

— Я в отцы им гожусь, а когда я вылез из норы и разогнулся, десятник заявил, что меня уволили. Спрашиваю — почему это, а он отвечает, что я, мол, устроил себе перекур во внеурочное время. А эти «ерные нечестивцы прятались за сараем и нюхали кокаин. Небось подкупили его. Вот ему и в голову не пришло сказать, что он увольняет их.

— Послушай, — начал успокаивать его Джири, — у тебя сегодня был тяжелый день, тебя здорово обидели. Почему бы тебе не пойти домой и не лечь спать? А завтра...

— Спать! — вскричал гражданин Коннемары. — Издеваешься, что ли? Я тебе в отцы гожусь. Ты же отлично знаешь, мне некуда идти, у меня нет дома. Дьяволу спать в той дыре, где сплю я. Смеешься надо мной, английская морда! — Он громко зарыдал.

— Да нет же, не смеюсь. — Джири совсем растерялся. Краем глаза он видел, как рослый парень поднялся со стула и направился к ним. — Я ведь не знал, что ты бездомный, — увещевал он рыдающего старика. — Откуда мне знать?

— Перестань издеваться над ним, — негромко и зловеще произнес парень, наклоняясь к уху Джири. Он говорил с тем же акцентом, что и старик.

- Правда твоя, Падди, — хлюпал старик. — Сперва черные измывались, а теперь он. Жуткий день, это уж как пить дать, — хныкал он над своей чашкой.

— Ну-ка, поди сюда, мистер. Поглядим, кто тут зубоскалит, — сказал молодой ирландец. Джири взглянул на него — на вздувшейся от гнева шее отчетливо проступали толстые узлы вен.

— Я не... — заикнулся было он.

— Можешь выйти, можешь остаться, и здесь свое получишь, мне без разницы, — выдохнул парень. Он быстро огляделся, прикидывая степень опасности, которой ему грозила стычка. Опасность невелика: в зале было всего двое, да еще в углу спала старуха, положив голову на столик. Те двое, в длинных плащах, едва различимые в полутьме зала, поставили свои чашки и исчезли. Джири смотрел им вслед, судорожно пытаясь найти выход из создавшегося положения, но ничего не мог придумать.

Все произошло мгновенно. Молодой ирландец сказал спокойно, словно в беседе: «Ты мерзкий английский ублюдок» — и кулаком ударил Джири в лицо; хлынула кровь, покрывая темными пятнами рубашку и пиджак.

Джири соскользнул со стула, закрыв лицо руками. Он лежал на полу, а ирландец бил его сапогом — один удар, второй, третий. После каждого глухого удара Джири издавал громкий, звериный крик. Парень повернулся и неторопливо направился к дверям, вышел из кафе и растворился в полумраке вокзала. Старик поднялся, испуганно бросил растерянный взгляд на неподвижное тело Джири и заковылял за парнем.

- Падди! Падди! — жалобно гнусавил он. — Подожди меня!

Голос его вскоре замер.

Старуха в углу проснулась, оторвала голову от скрещенных на столе рук и увидела Джири. Он опирался на здоровый локоть, другая рука безжизненно повисла, как крыло искалеченного насекомого.

— Боже мой! — завопила старуха. — Убили, убили! Голоса в соседнем зале стихли.

— Убили! — снова закричала она. — Пустите меня! Я ничего не видала! Я не знаю, как это случилось! Я спала!

В дверях показались люди. При виде Джири, истекающего на полу кровью, они на миг замерли, потом подбежали и подняли его. Вызвали врача. Привели с улицы полицейского. Джири осторожно уложили поудобнее. Он что-то невнятно бормотал, из носа все еще текла кровь. Дыхание было неглубоким. Ему, да и всем остальным, казалось, что прошла вечность, пока наконец не приехала «скорая помощь».

Больница находилась рядом. Дежурный врач-травматолог тотчас же сделал все необходимое. Смыли с лица кровь, остановили кровотечение, на ребра наложили пластырь; Джири пришел в себя и даже умудрился выпить чашку чая. Нос каким-то чудом уцелел. Молоденькая медсестра, пряча робость и неопытность под накрахмаленными манжетами, передником и шапочкой ослепительной белизны, заполнила историю болезни.

— Вас сегодня не отпустят, — сказала она. — Если хотите, позвоните домой и предупредите.

— Спасибо, не надо, — ответил Джири. — Лучше я позвоню в гостиницу, попрошу, чтобы мой номер оставили за мной.

— Мы сами можем это сделать. Какая гостиница? Он назвал.

— А доктор не сказал, когда отпустит меня?

— Думаю, завтра. Просто мы хотим, чтобы ночь вы провели у нас. Ничего серьезного нет. Небольшой шок, вам ведь так досталось. — Она с состраданием взглянула на него и отправилась к другим больным.

Джири лежал на спине. Шок? Разве он испытал шок? Он стал мысленно ошупывать себя, осторожно, по миллиметру: нет ли где перелома или ушиба. Он был совершенно спокоен. Может, ему ввели транквилизатор? Этого он не помнил. Во всяком случае, одно он знал наверняка: надо как можно скорее вернуться на вокзал. Больница, конечно, неплохая, ночь здесь продержаться можно. Палата большая; на всех кроватях спят больные; длинная комната с высоким потолком погружена в плотную тишину, она словно коварное море, в котором плавают злобные акулы боли и на водной поверхности видны лишь плавники. То и дело кто-нибудь вскрикивал. «Ой, — доносилось из глубины палаты, — больно, боль... больно мне». В душе Джири царил мир. Среди всех этих страдальцев он мог немного отдохнуть, поддаться своим физическим страданиям. Но надо будет поскорее выбираться отсюда. Больные, унылые, умирающие не могли быть ему настоящей поддержкой.

На следующее утро к его кровати подошел полицейский. Это был крепкий и плотный мужчина, он достал из металлического футляра очки, приготовил блокнот.

— Надеюсь, вы поможете нам. Если у нас будет словесный портрет этого человека, мы его быстро найдем.

Что ж, Джири готов помочь.

— Их было двое. Обоим около тридцати пяти. По-моему, они профессионалы. Говорил только один, другой, судя по всему, добровольно уступил инициативу напарнику. У того был ланкаширский акцент.

— Хм. А не похоже было, что он нарочно так говорил?

— Нет, голос звучал вполне естественно.

— Во что они были одеты?

— В плащи. И кепки надвинуты низко на глаза. Один потолще, но оба не слишком крепкого телосложения. Среднего роста, среднего веса.

— Цвет волос?

— Они не снимали кепок. Может, даже и лыдые, кто их знает.

— Как же это произошло?

— Они вошли и сели за мой столик, подождали, пока в зале никого не останется — только старуха в углу спала, — и потребовали у меня мой бумажник. Тот, что с ланкаширским акцентом, сказал мне тихо: «Отдавай кошелек, мы тебя не тронем». Я старался оттянуть время, притворился, что роюсь в карманах и ищу кошелек, а сам поглядывал на дверь. Но не успел я вскочить и убежать, как они оба навалились на меня и начали бить.

— Чем? Просто кулаком?

— Одним ударом сбили меня с ног, а потом пинали ногами.

При этих словах боль исказила лицо Джири — напоминали о себе поврежденные ребра.

Полицейский сидел молча, перечитывая записи. Наконец он поднялся, посмотрел с высоты своего роста на Джири и заключил:

— Не густо, нам это не ахти как поможет, верно? А ведь вы рассчитываете, что мы его найдем.

— Если не найдете, я не стану предъявлять к вам никаких претензий.

- Значит, вы будете первым таким.

Полицейский ушел. Джири лежал на спине, ждал, когда его отпустят из больницы, и раздумывал, догадался ли полицейский, что он лжет. Потом мысленно пожал плечами. Лги не лги, а надо постараться, чтобы полиция не вышла на след ирландцев. Если их поймут и станут судить, на процессе будут присутствовать репортеры. А Джири не хотелось привлекать к себе внимания. Пусть его оставят в покое, скорее бы вернуться на вокзал.

К концу дня он подъехал к гостинице на такси. Ему должны были выделить санитарную машину, но он не стал ее дожидаться и добрался до гостиницы сам. Правда, движения его были скованными, и человек бывалый сразу бы определил, что ребра его стягивает пластырь. В больнице он договорился, что будет лечиться амбулаторно сколько потребуется. Перед тем как подняться к себе в номер, он таким же скованным,

осторожным шагом дошел До киоска и купил еще один экземпляр книжки, прочитанной накануне. Ту уже не вернешь: он уронил ее у столика в кафе, и ее, в пятнах крови, определенно давно уже выбросили.

— Джири исключается из нашей компании, — сказал Джулиан Робинсон.

— Почему же? — удивился долговязый веснушчатый парнишка. — Он ведь всегда был вместе с нами.

— Был да сплыл, — угрюмо ответил Джулиан. Утро у него выдалось скверное, и теперь он жаждал отомстить, заставить помучиться другого. — Он слишком глуп для нас.

— Что же я такого глупого сделал? — спросил Дэвид Джири с напускным безразличием. Он стоял у дощатого забора около школьных ворот; враждебность улицы там, за забором, холодный взгляд Робинсона вызывали в нем страх. Пятеро мальчишек нерешительно переглядывались.

— Ты трус, боишься драться, — сказал Джулиан Робинсон. — Мы берем в компанию только тех, кто не боится драться, а ты — боишься.

— А ты сначала подерись с ним, раз считаешь его трусом, — предложил веснушчатый.

— Ладно. — Джулиан бросил ранец на землю. — Когда — сейчас или после школы? — спросил он Дэвида Джири.

— Почему обязательно драться? — поинтересовался Дэвид.

— Видите, — сказал Джулиан, обращаясь к ребятам. — Он трусит.

Побагровев от злости, Дэвид подскочил к нему и ударил кулаком в лицо.

- — Ты свинья, без предупреждения! — завопил Джулиан, отскакивая назад. — Убью!

— Попробуй!

Они дрались с остервенением. Силы пока в них особой не было, и потому они не переломали друг другу костей, но, одержимые жаждой сделать противнику больнее, пускали в дело кулаки, толкались, пинались ногами, буквально рвали друг друга на части. А потом, прямо как собаки, утратили всякий интерес к поединку. Закончили они драку перебранкой.

— Ты нечестно дерешься!

— Зато лучше тебя, — заключил Дэвид.

— Ничья, — предложил веснушчатый миротворец.

— Нет, он не будет с нами, — уперся Джулиан. Он еле сдерживал слезы от боли и досады. — Он дурак. И вся семья его такая. А отец, так тот шизик. Он-то думает, мы ничего не знаем, а мы все знаем. Все знают, что его отец псих, он ведь чокнулся.

— О чем это ты? — с ужасом спросил Дэвид. Сердце его бешено заколотилось. Перед таким ударом он оказался беззащитен.

— Я слышал, как мамыны и папины знакомые разговаривали. Говорили о твоём отце, что он, мол, лишился рассудка. А потом я слышал, как папа звонил психиатру и сообщил ему, что твой отец сдвинулся. Живет на вокзале и нипочем не желает уходить оттуда. Они собираются упрятать его в психушку. — На каком вокзале?

— На Паддингтонском, — ответил Джулиан. — Не придуривайся, будто не знаешь. Он все время там торчит, потому что он сумасшедший, такой же идиот, как ты.

С искаженным от ярости лицом Дэвид подскочил к Джулиану и вцепился ему в волосы.

— Возьми свои слова назад! — зарычал он, дергая его голову из стороны в сторону. — Возьми назад! Возьми назад!

— Отпусти, свинья! Я не собирался драться! Отпусти!

— Возьми свои слова назад! — орал Дэвид. — Возьми назад!

— Да уймись ты, дурак! — вмешался было веснушчатый.

— Скажи: «Твой отец нормальный». Ну же, или я убью тебя!

— Ты еще получишь за это!

— Говори!

— Твой отец нормальный...

— Еще!

— Твой отец нормальный...

Дэвид разжал пальцы. Джулиан отступил на несколько шагов, потирая голову, потом неожиданно подскочил к Дэвиду, норовя ударить его ногой в солнечное сплетение. Но веснушчатый долговязик оттолкнул его.

— Кончай! — цыкнул он. — Кончай драку! Будет!

Его буквально тошнило от этой звериной ненависти и жестокости. К тому же отчего-то ему было жалко Джири. Он ни минуты не сомневался, что отец Джири вправду спятил. В сущности, с ума сходят все отцы, каждый по-своему. Его собственный кипит от злости, да-да, буквально кипит, когда читает «Дейли телеграф».

Элизабет Джири предстояло решить довольно важную проблему. Она все еще колебалась, укоротить ей свой выходной костюм или нет. Бежевый, вельветовый, он очень ей шел. В нем она разом сбрасывала несколько лет, хотя в конечном счете сбрасывать нужно было не так-то много. Но, с другой стороны, в этом и заключалось неудобство. Выходной костюм, хорошая косметика — и вот она выглядит так молодо, что юбка ниже колен имела несколько странный вид. Все женщины до тридцати пяти уже

укоротили по моде платья и юбки; юбка, прикрывающая колени, какой бы элегантной она ни была, теперь воспринимается как старушечий наряд. Если бежевый вельветовый костюм делает ее моложе на несколько лет, наверное, стоит его укоротить. Но вдруг она будет тогда выглядеть диковато и тем самым подчеркнет, что ей за сорок, а значит, вернет свои годы назад?

Она стояла в спальне перед большим зеркалом, то приподнимая юбку, то опуская ее, и недовольно хмурилась. Элизабет завидовала дочери — в этом сезоне та выставляла на всеобщее обозрение чуть ли не целиком свои длинные, как у жеребенка, ноги. Вообще-то она была женщиной уравновешенной и не терзалась из-за своей внешности. Она тщательно продумывала туалеты, все на ней сидело превосходно, и этого было для нее достаточно. Но завтра вечером ей предстоял экзамен. В доме ее соседа, который очень любил принимать гостей, от шести до восьми состоится коктейль; повод — встреча Адриана Суортмора.

В сороковые годы, до того как она вышла замуж за Артура Джири и стала примерной хозяйкой благополучного дома, Элизабет работала в газете — не корреспондентом, а личным секретарем главного редактора. В то послевоенное время у них в газете, завоевавшей себе славу солидного органа как у лондонских читателей, так и у читателей одного из крупных провинциальных городов, работало много энергичных, талантливых молодых людей. Да, бурное было время, думала теперь Элизабет Джири. Все тогда жили глобальными событиями, все прислушивались к голосу Англии; страна постепенно залечивала чудовищные увечья, нанесенные войной, но моральный авторитет ее был еще весьма высок; рычание льва еще не потонуло в шуме музыкальных автоматов в ресторанах. В то яростное время все знали, зачем живут, но ни у кого это знание не было таким точным, как у Адриана Суортмора. Уже тогда было ясно, что ему тесно в искусственных рамках «солидной журналистики», имевшей узкий круг читателей. «Ты должен сделать так, чтобы тебя слышали другие, — любил повторять он, сжимая одну руку в кулак и ударяя им в ладонь другой. — Это значит, тебя должны услышать люди в очереди на автобус».

Элизабет боготворила Адриана Суортмора. И сейчас, глядя в зеркало, вспомнила его лицо — страстное, волевое, скуластое, его подвижные, полные губы. Адриан жил журналистикой. Подобно корове, которая щиплет траву только затем, чтобы тут же переработать всю ее в молоко, он собирал людей, мнения, события с одной лишь целью — делать их тотчас же достоянием общественности. Он недолго сотрудничал в той газете, распрощался с ней раньше, чем Элизабет. Вероятно, пустота, возникшая после ухода Адриана, скука, овладевшая ею, как только она лишилась

общества этого яркого человека, толкнули ее к тихому, спокойному Артуру Джири, с которым она познакомилась примерно тогда же. Нет, они не были близки с Адрианом. Раза два он приглашал ее поужинать, когда номер был подписан в печать и делать в редакции было нечего. Может, в глубине души она надеялась... Или, скажем, так: если бы Адриан Суортмор сделал ей предложение, если бы он ухаживал за ней, как ухаживал у всех на виду за той рыжеволосой девицей из Глазго, что работала в секретариате, или как за той американкой, с которой он в конце концов сбежал в Лондон... Нет, Элизабет нельзя было причислить к разряду девиц, позволяющих себе мимолетные романы. Но с Адрианом у них могло бы быть нечто более серьезное, нежели простая интрижка. Как бы то ни было, попытка — не пытка. Эта откровенная, бесстыдная мысль удивила ее.

Она даже покраснела, застав себя врасплох, и отвернулась от зеркала. Юбку она оставит, как было, доверится своей женственности. Адриан Суортмор, несомненно, помнит ее. Профессия наверняка развила в нем отличную память: он общался с сотнями людей и помнил каждого. Его взлет был весьма впечатляющим. Все эти годы, пока она прозябала рядом с человеком, сбежавшим теперь из дома и бросившим ее на произвол судьбы в этом болоте, Адриан Суортмор ловко взбирался вверх, ступенька за ступенькой. Он вел в газете колонку, пользовавшуюся успехом; некоторое время, хотя и недолго, был членом парламента; держал контрольные акции нескольких провинциальных газет; создал внушительную, правда средних размеров, империю. Но предметом подлинной его любви был не бизнес и даже не деньги. Больше всего на свете он жаждал славы. Этому кумиру он был предан всем своим существом. Когда на первый план выдвинулось телевидение, он стал преклоняться перед ним — заискивал даже перед самыми рядовыми телепродюсерами, домогался дружбы и льстил телекритикам, ничтоже сумняшеся хватался за любую возможность появиться на экране, пусть в самых мелких и банальных ампулах. Он не задумываясь брал интервью у политических деятелей во время их визитов в страну, участвовал в разных играх и викторинах, рекламировал печенье для собак, беседовал с угрюмыми подростками.

И в этом — о чем не могла подозревать Элизабет Джири — была трагедия Адриана Суортмора. Он из кожи вон лез, но его телевизионная звезда никак не достигала зенита. Сколько он ни расточал улыбок и, демонстрируя свое добросердечие, ни соглашался на все, сколько он, изменив тактику, ни угрожал и ни насмехался, улыбки других были привлекательнее, насмешки — остроумнее. Конечно, он был популярен, но главные роли ему почему-то не доставались. Он был на вторых ролях, и многие уже начали это замечать. Ему хотелось полностью завладеть

вниманием зрителя, к примеру всю зиму вести серию актуальных репортажей. Чтобы зрители по-настоящему привыкли к его лицу и голосу. Тогда они в силу привычки станут нуждаться в нем...

— Ма, почему ты не подкоротишь юбку? — спросила Анджела Джери, внезапно появившись в дверях спальни.

— Потому что я не твоя ровесница, — отрезала миссис Джери.

— Какая разница? — не унималась Анджела. — Миссис Коркорен разгуливает в юбке короче моей, а ведь ей сто лет.

Пока Элизабет Джери придирчиво изучала в зеркале свои колени, а Артур Джери мирно сидел под вокзальными часами, Адриан Суортмор с нетерпением ждал шефа в приемной «Консолидейтед телевижн лимитед». Здесь было несколько стульев из искусственной соломы, на низком столике лежали журналы, но Адриан Суортмор не мог ни сидеть, ни читать. Он слишком нервничал, вот и торчал посередине приемной. Если бы, кроме него, здесь находились другие посетители, ему пришлось бы изображать спокойствие и безразличие, но он был один и мог не насиловать себя; он метался по комнате, короткими рывками преодолевая лежащий на полу ковер, снимал и надевал очки, хрустел суставами пальцев, с сопением глубоко втягивал воздух, чтобы унять расшалившиеся нервы. Он ждал приема у сэра Бена Уорбла.

Сэр Бен Уорбл был вершиной, наивысшей точкой «Консолидейтед телевижн». К тому времени, когда возникло коммерческое телевидение, у него уже было много денег; в капиталах, ушедших на организацию влиятельного лобби в парламенте, была и его доля; а теперь он разбогател еще больше. Люди, во всяком случае те, кто поддерживал сэра Бена, благоговейно понижали голос, если речь заходила о его деньгах.

Адриан Суортмор упорно пытался получить аудиенцию у сэра Бена, и несколько раз ему это удавалось. Сэр Бен терпеливо выслушивал прожекты Суортмора относительно новой серии передач, которая привлечет внимание зрителя к новостям. Но не более того. Он выслушивал Суортмора и оставлял его слова без ответа, ограничиваясь лишь согласием вернуться к этому вопросу при более благоприятных обстоятельствах. Но сегодня именно такой день. Сегодня все должно решиться.

— Я больше не могу ждать, Бен, — репетировал вполголоса Адриан Суортмор. — Сейчас я в самой лучшей форме. Глупо держать меня на полке. — И, опять-таки для тренажа, расплывался в своей неожиданной, ослепительной улыбке.

Интервью были важной частью его работы. Он обучился приемам этого ремесла, постоянно выручавшим его — перед камерой и без нее,

иногда совсем без нее. Секрет этих приемов был прост. Главное — полностью сосредоточить свое внимание на человеке, у которого берешь интервью, отключиться от каких бы то ни было посторонних мыслей и ловить каждое слово, во все глаза следить за малейшей переменной настроения у твоей жертвы. И тогда жертва начинает верить, что все вокруг — пустяки в сравнении с тем, что он — или она — думает, чувствует, говорит или делает. Это все равно что пойманный увеличительным стеклом солнечный лучик; Суортмор всякий раз разжигал пламя таким способом.

Сработает ли это с сэром Беном? Должно сработать.

— Чувствую, что момент настал, Бен, — продолжал Суортмор негромко. — Интуиция подсказывает мне, что я постиг психологию зрителя. Именно сейчас. Я знаю, что им интересно, что заставит их фантазию воспламениться. Мы завоюем рекордное за всю историю телевидения количество зрителей. Ну скажите мне, Бен, разве я когда-нибудь ошибался? Я, старый ястреб индустрии новостей?

Нет, последние слова выбросить. Закончу, как собирался раньше, решил он.

— Пойдемте, мистер Суортмор, — сказала подтянутая юная секретарша, она беззвучно вошла и, стоя за спиной Суортмора, должно быть, слышала, как он репетировал, во всяком случае, конец его монолога наверняка достиг ее ушей. Она плавно скользнула к лифту, он последовал за ней, пожав плечами. Ну и что страшного, если эта глупышка услышала, как он разговаривает сам с собой? Он отрабатывал беседу с Беном, все продумано, он чувствовал, что находится в форме, что готов штурмовать эту крепость.

Сэр Бен сидел в своем кабинете, настороженно поглядывая на посетителя из-под тяжелых век. На письменном столе светлого шведского дерева стояла только большая стеклянная пепельница. Ничего больше — ни чернильницы, ни пресс-папье. Заранее продуманный эффект: сэр Бен слишком важная персона, чтобы что-нибудь делать, достаточно, что он сидит за своим столом, курит сигары и стряхивает пепел в большую стеклянную пепельницу. Ему вовсе не надо вести деловые записи или телефонные переговоры. Он размышляет и курит, вот и все. В кабинете постоянно пахло гаванскими сигарами; когда Суортмор вошел, сэр Бен в знак приветствия выпустил изо рта колечко дыма.

— Вы знаете, Бен, чего я добиваюсь, — сказал Суортмор, после того как они обменялись приветствиями и сэр Бен жестом пригласил его сесть. — Я хочу, чтобы вы поручили мне вести новую передачу. Я созрел для этого и хочу знать, когда мы договоримся обо всем.

— Хотите знать? Вот как! — подхватил сэр Бен. Он сохранял

полнейшую невозмутимость и неподвижным взглядом сверлил Суортмора.

— Послушайте, Бен. — Суортмор кончиком языка провел по губам. — Мы давно знакомы, и вы имели возможность убедиться, что я всегда довожу до конца то, за что берусь. — Он перешел к основной части своего отрепетированного монолога. Монолог длился минут десять, и в течение всей этой речи сэр Бен ни разу не пошевелился, все так же сверля Суортмора глазами. — Больше ждать я не могу, — закончил он. — Сейчас я в самой лучшей форме. Глупо держать меня на полке.

Он улыбнулся — неожиданно и ослепительно.

Наступила тишина, потом сэр Бен стряхнул в стеклянную пепельницу с кончика сигары трехдюймовую серую колбаску, и та упала в нее мертвым зверьком.

— Ну что ж, Адриан, — с ленивой резковатостью произнес он. — Вот что мы сделаем. Мы не станем загодя планировать новую передачу. Дадим вам время в уже существующей программе. Можете начать когда угодно. Выйдете в эфир немедленно, в тот же вечер, как только раздобудете сенсацию.

— Да я хоть каждую неделю могу их раздобывать, Бен. Вы же знаете. Пятьдесят лет назад репортеры сидели и ждали, когда что-нибудь случится. Сегодня они сами ищут сенсаций, а на ловца и зверь бежит. Если у меня будет еженедельная передача, в сенсациях недостатка не будет. Вот увидите...

— Я не о том, — ответил сэр Бен, тщетно стараясь прервать увлекшегося Суортмора. Он наклонился и одарил его милостивой улыбкой. — Я имею в виду настоящую сенсацию. Как только вы ее накроете, мы сразу же начнем передачу и запустим вас в эфир. В вашем распоряжении будут два оператора в любое время суток. Они явятся, куда скажете, через пятнадцать минут после вашего приказа. Будете руководить всем — съемкой, монтажом, сами будете брать интервью у кого захотите.

— У моей передачи будет свое название? Можно будет выделить ее, чтобы зритель не воспринимал материал как проходной сюжет обычной передачи? Что-нибудь вроде «Глаз Суортмора»!

— Если сделаете первоклассный материал, — закончил сэр Бен, — он и так выделится на общем фоне. И все лавры достанутся вам. А не сделаете...

— Сделаю, Бен, — поспешил заверить Адриан Суортмор.

Интервью закончилось.

Телефон у постели Джири трезвонил долго и настойчиво. Джири наконец зашевелился и зябко поежился. Скулы его обросли темной

щетиной. В полусне он натянул одеяло на голову и зарылся поглубже в подушку. Но телефон продолжал звонить.

Джири нехотя выпростал руку из-под одеяла и поднял трубку. Открыл глаза, насторожился.

— Слушаю.

— Мистер Джири, с вами хотят поговорить. Соединяю. Говорите, пожалуйста.

— Мистер Джири? — спросил мужской голос.

— Да.

— Простите, что беспокою в столь ранний час, — продолжал голос, который звучал и учтиво, и твердо.

- А который час? — спросил Джири.

— Восемь. Пять минут девятого, если быть точным.

— О, я еще в постели, — заметил Джири и сел. На том конце провода хмыкнули.

— Я бы тоже сейчас спал, если бы мне не на поезд. Разрешите представиться — Морис Блейкни.

— Блейкни? — переспросил Джири. Рука его крепко сжала трубку.

— Да, мы, кажется, незнакомы, но несколько лет были почти соседями. Я из больницы Чарльза Грейсона.

— Понятно, — ответил Джири. — Грейсон. — Он огляделся, как бы прикидывая шансы к побегу. Потом словно окаменел, лицо стало бесстрастным. — Чем могу быть полезен, доктор Блейкни?

— Видите ли. — Тот помялся. — Это, конечно, может показаться бесцеремонным, но тем не менее не могли бы вы уделить мне сегодня утром несколько минут? И побеседовать со мной?

— Конечно, — сказал Джири. — А нельзя ли мне узнать о предмете нашей беседы?

— Видите ли, — снова замялся Блейкни. — Ваши друзья просили задать вам два-три вопроса. Обещаю, что займу у вас всего несколько минут. Я еду по делам в город поездом, который прибывает в одиннадцать пятнадцать. Если вы разрешите мне зайти в гостиницу и подняться к вам, я буду предельно краток.

— Меня может не оказаться на месте, — ответил Джири. — Я наметил много дел на утро. — Он задумался. — Хорошо... Я перенесу кое-что на другое время. Приходите в одиннадцать пятнадцать, сразу, как приедете, я буду ждать вас в холле.

— Благодарю. Мы не знаем друг друга в лицо, я подойду к столику администратора и буду держать в руках «Тайме». На мне будет серый плащ. Договорились?

— Прекрасно, — ответил Джири. — Многие пассажиры ходят в серых плащах и держат в руках «Тайме», но не все ведь стоят у столика администратора. Я вас непременно узнаю.

Блейкни снова поблагодарил его и повесил трубку. Джири откинулся на подушку и погрузился в размышления. В комнату начал вливаться холодный серый свет ноябрьского утра.

Спустя немного времени Джири позвонил в бюро обслуживания и заказал в номер завтрак. Затем принял душ, тщательно побрился, аккуратно оделся, с особой придирчивостью выбрав костюм. «Ты спокоен, ты уравновешен. Ты прекрасно владеешь собой», — бормотал он самому себе под нос.

В одиннадцать пятнадцать, когда он сошел в холл гостиницы, у него был вид спокойного, собранного, хладнокровного человека.

Он развернул газету и время от времени поверх нее поглядывал на входящих; через шесть-семь минут он увидел доктора Блейкни, в сером плаще и с номером «Тайме» в руках, у столика администратора.

Не двигаясь с места, Джири в течение нескольких секунд изучал этого человека. Перед ним был противник, которого предстояло победить, заставить покинуть поле боя после первой же схватки.

Доктор Морис Блейкни был высоким упитанным мужчиной, судя по внешности — уверенным в себе и обладающим чувством юмора. По круглому розовому лицу и очкам без оправы его можно было принять за европейца с континента; он и в самом деле учился в Вене и Берлине. Однако он производил впечатление иностранца только в первый момент. Раскованность и уверенность, с какими он говорил и двигался, ощущение своей власти, светившееся в его глазах сквозь стекла очков, — все это было присуще только англичанину, представителю привилегированных кругов среднего класса, которому уже за пятьдесят и который давно привык, что к нему относятся с почтением. «Ты спокоен, — скомандовал себе Джири, — ты уравновешен». Потом поднялся, подошел к незнакомцу и спросил:

— Доктор Блейкни?

Блейкни повернулся, не обнаруживая признаков удивления.

— А, мистер Джири. Спасибо, что вы решили уделить мне несколько минут.

- Пойдемте выпьем кофе, — учтиво предложил Джири. Блейкни согласился; позвав официанта, Джири сел в кресло, кивком показав Блейкни на соседнее.

- Итак, — сказал он, устроившись поудобнее, — какие у вас ко мне вопросы?

— Я, пожалуй, сразу перейду к делу, — ответил Блейкни и с легкой укоризной улыбнулся. — Ваши друзья беспокоятся за вас. Они не могут быть уверены, что у вас все в порядке, пока я не побеседую с вами и не дам своего заключения как врач.

— Другими словами, — Джири улыбался, он сохранял спокойствие, — им надо знать, вменяем я или нет.

Блейкни весело пожал плечами.

— Кто из нас, — беззаботно возразил он, — нынче вменяем в этом безумном кошмаре, который мы сами себе устроили? И тем не менее есть люди, которым определенная помощь пошла бы на пользу.

- И вы намерены решить, какую помощь следует оказать мне?

Блейкни взглянул на Джири серьезным, испытующим взглядом.

- Возможно, никакой помощи вам и не нужно, — ответил он. — Но ваши друзья — люди, которых я уважаю, и мне кажется, я обязан считаться с тем фактом, что они беспокоятся за вас.

- Это делает им честь, — сказал Джири. Подошел официант, они заказали кофе. Когда тот удалился, Блейкни сел поглубже в кресло и спросил:

— Вы много времени проводите в этой гостинице, не так ли?

— Я сейчас здесь живу.

— Вероятно, тут такие же удобства, как и везде, — осторожно продолжал Блейкни. — Я, естественно, знаю, что вы ушли от жены.

— С семейной жизнью я покончил, — сказал Джири. — Решил перебраться в город, пока не определю, что делать дальше. Думаю, на моем месте так поступил бы любой.

— Вы уверены, что разрыв с семьей окончателен? Может, все еще уладится?

Джири покачал головой.

— Ответственность за случившееся я беру полностью на себя. Это я, а не жена, понял, что наша совместная жизнь становится все невыносимее. Сколько мог, я держался, а раз уж принял такое решение, то все, конец, поверьте мне.

Блейкни что-то молча обдумывал.

— Вы снова собираетесь жениться?

— Сейчас у меня никого нет. А что готовит мне будущее, не знаю.

Принесли кофе, в полном молчании они разлили его, положили сахар и помешивали ложками в чашках.

— Если не возражаете, я задам вам еще несколько вопросов.

— Конечно. Слушаю вас.

— Как я понимаю, вы ушли из института?

— Да.

— Следовательно, вы сейчас ничего не зарабатываете? Джири улыбнулся.

— Такой осторожный консервативный человек, как я, к сорока пяти кое-что припасает. Пока я разбираюсь в своей жизни, ни я, ни моя семья голодать не будут.

— Вы хотите устроиться где-нибудь в другом месте?

— Конечно, — ответил Джири и бережно поставил чашку на столик.

Блейкни решил перейти в наступление.

— Видите ли, ваши поступки кажутся вам вполне разумными, но ваши друзья обеспокоены, потому что видят их в несколько ином свете. Особенно ваше постоянное пребывание на вокзале.

Джири взглянул на него широко раскрытыми глазами:

— На вокзале?

— Да, они говорят, что вы постоянно находитесь там и в гостиницу приходите только на ночь.

Джири искренне рассмеялся.

— Кто же эти друзья?

— Я все ждал, когда вы спросите об этом.

— Ну а я считал, что вы сообщите сами, когда сочтете нужным, если в принципе собирались сказать об этом. Вот и не проявлял любопытства. Но в самом деле, если есть люди, полагающие, что я сошел с ума, мне следует знать, кто же они.

— Вы правда все время проводите на вокзале? — тихо спросил Блейкни.

— Чистейшая выдумка, — ответил Джири. — Я остановился в этой гостинице, поскольку она достаточно комфортабельна, здесь отличное обслуживание, а у меня еще есть кое-какие нерешенные вопросы в институте. Мне тут нравится, железная дорога совсем рядом, почти центр города, а у меня в городе уйма дел. Конечно, меня нередко можно увидеть на платформе, я заглядываю в привокзальный бар выпить кружку пива — в гостинице оно вдвое дороже. Покупаю в киоске газеты, хожу в парикмахерскую. Улицы, прилежащие к вокзалу, не очень-то располагают к прогулкам. В данный момент мой мир — это гостиница и все, что в непосредственной близости от нее. Иначе говоря, вокзал. Сознаюсь, меня обескуражило, что есть люди, полагающие, что у меня помешательство на почве вокзала и поэтому я не в силах покинуть его.

— Так вы можете покинуть его?

— С не меньшей легкостью, чем вы.

- Ну что ж, тогда подведем итоги. Вы намерены жить в гостинице,

пока не найдете другую работу, вы часто бываете в городе, следовательно, версия, что вы проводите все время на вокзале, ошибочна. На самом деле главная причина вашего пребывания здесь — железная дорога, связывающая вас с институтом.

— Совершенно верно, — подтвердил Джири.

— А вы там уже были?

— Еще нет.

Морис Блейкни поднялся.

— Не буду больше отнимать у вас время. Я сообщу Филипу Робинсону, что вы вполне здоровы.

— Филип Робинсон, — усмехнулся Джири. — Я так и думал. Он славный человек. Но чересчур сердобольный, всегда таким был. Передайте ему от меня самый искренний привет. Я ценю его заботу обо мне, и еще передайте ему, только не забудьте, чтобы он не беспокоился.

— Непременно, — пообещал Блейкни, улыбнулся, застегнул плащ и ушел.

Несколько минут Джири сидел неподвижно. Потом не спеша поднялся и направился к лифту. Лифт был занят, Джири нажал кнопку и стал ждать. Лифт спустился, пассажиры вышли и разбрелись кто куда. Джири стоял перед распахнутыми дверьми опустевшей кабины. Однако не входил внутрь, чтобы подняться в номер. Стоял и смотрел в кабину, неслышно внушая себе: «Ты спокоен. Ты уравновешен. Ты прекрасно владеешь собой».

Джири понимал, что лучше подняться в номер и отсидеться там, пока Морис Блейкни не уйдет с вокзала. Лифт ждал его. Но он все медлил, беззвучно шевеля губами. В конце концов лифт вызвали на другой этаж, двери закрылись, и он уплыл наверх.

Лицо Джири покрылось испариной, он повернулся и быстрым шагом направился к перрону. Он нырнул в самую толчею и остановился у турникета, стиснутый плотным людским кольцом. Задевая его локтями, мимо гурьбой промчались взъерошенные школьники, носильщик чемоданом ударил его по ногам. Постепенно сердце стало биться ровнее; он стоял у турникета, мирно поглядывая по сторонам. Мориса Блейкни нигде не было видно. Непосредственная опасность миновала. Но Джири не мог расслабиться целиком. Он понимал, что Морис Блейкни в течение дня, вероятно, снова появится на вокзале, чтобы сесть на обратный поезд. Когда это может произойти, неизвестно. Если он приехал в Лондон просто по служебным делам, а к ужину намеревается быть дома, он появится на вокзале часов в шесть. Но, с другой стороны, возможно, друзья пригласили его на ужин или в театр, тогда он прибудет на вокзал лишь около полуночи,

а Джири в это время уже будет спать у себя в номере.

День был испорчен. Джири постарался убедить себя, что к этому надо отнестись как к неизбежности. И никому не мозолить глаз, быть начеку, чтобы не налететь на Блейкни. Лучше пожертвовать одним днем, чем рисковать своей новой мирной жизнью. Неторопливым шагом он направился к кафе, размышляя о случившемся. Внезапно он почувствовал боль в ребрах, стянутых пластырем. Пропади он пропадом, этот скотина ирландец; впервые Джири подумал о нем с неподдельной ненавистью. До сих пор тот казался ему чем-то безликим, как стихийное бедствие, или удар судьбы, или порыв ветра, сломавшего дерево у дороги, по которой Джири шел. Но сейчас ирландец и Морис Блейкни на миг сплелись в воображении Джири: оба они — охотники, старавшиеся прогнать его с лесной поляны, где он обрел свой дом, оба они в равной мере безжалостны.

По пути в кафе Джири купил газету. Взяв себе чашечку кофе, он пошел к столику в углу зала и сел там спиной к стене. Теперь он чувствовал себя в безопасности. Сзади никто не подойдет — со своего места он видел каждого входящего. При первом же сигнале тревоги он закроется ото всех газетой. Он не хотел возвращаться в номер, там ждало тягостное одиночество, а тут ему никто не страшен: ни Морис Блейкни, ни любой другой.

Однако оставалась еще одна проблема. Его неприкосновенность была временной. В кафе негде было яблоку упасть, и, если он засидится с одной чашечкой кофе, официанты не будут в восторге. Вот и теперь, казалось ему, двое вестиндцев, убирающих грязную посуду и смахивавших крошки со стола, поглядывали на него и что-то говорили. Само собой, сталкиваясь в проходе, они перекидывались словечком-другим, но Джири голову мог дать на отсечение, что уж один-то из них точно смотрит все время на него. Он не шевелился, заслонившись ото всех газетой. Не опуская ее, посмотрел на часы. Просидел уже двадцать минут. Впрочем, чашка кофе дает ему полное право просидеть здесь по крайней мере полчаса. Он положил газету на столик и, не проявляя ни малейшего интереса к окружающим, протянул над пустой чашкой еще десять минут. Потом поднялся. Никто из официантов так и не подошел к нему, чтобы убрать с его столика. Чашка из-под кофе у его локтя выглядела вызывающе гордым символом свободы английского гражданина.

У француза, что и говорить, не было бы никакой проблемы. Там, на континенте, можно хоть все утро сидеть в кафе за чашкой кофе или еще за чем-нибудь. Но было бы ему так же хорошо на огромном парижском вокзале? На миг перед мысленным взором Джири предстала безумная картина: он перебирается паромом на материк и месяц живет на Северном

вокзале. Но картина эта потускнела, едва он представил себе бесконечные сложности, связанные с поездкой: пересечь весь Лондон, чтобы попасть на паром, менять валюту в банке, складывать вещи, выбираться из своего насиженного гнезда в гостинице, заказывать новый номер в парижской гостинице. Да и сама поездка уже не так привлекала. Ведь ему легко дышалось не в поездах, а на вокзалах, и не на всех вокзалах, а только на одном этом или на том, что похож на этот. На Северном вокзале можно жить, только если перенестись туда как в сказке, по волшебству. И только на месяц, не больше.

Джири встал. Почему ему приходят в голову сумасбродные идеи? «Ты полностью владеешь собой», — тихо скомандовал он себе, сложил газету аккуратным прямоугольником и подошел к стойке за второй чашкой; но внутри у него все взбунтовалось при одной мысли о кофе, и он взял тарелку супа с куском белого хлеба. Обернувшись, он увидел, что на его стул в углу зала опускается толстая, неряшливо одетая женщина.

Поборов смятение, Джири огляделся, судорожно сжимая пальцами тарелку и хлеб, в поисках свободного места. Было несколько свободных, но ни одного подходящего. «Ты спокоен», — сказал он себе. И без колебаний поставил тарелку на ближайший столик. Со стороны можно было подумать, будто он поставил ее на секунду, перенесет чемодан или плащ в более удобное место и вернется за ней. А он, не останавливаясь и не оборачиваясь, вышел на платформу.

Где же она, безопасность? Он подумал было о гостинице, и тотчас его охватило отвращение. Не раньше вечера. Ночью там еще можно выдержать; ложишься и спишь, восемь миллионов сограждан тоже ведь спят. Но если он останется на перроне, то рискует попасться на глаза Блейкни, а глаза у него цепкие и испытующие, будешь перед ним как на ладони. Платформа... Только какая? С другой стороны вокзала, словно глубокий тыл, лежала еще не изведенная темная полоса — платформа, на которой появлялись только вокзальные служащие, она была испещрена люками, словно ведущими в черное подземелье. Там он будет в безопасности, вокзальный служащий, без всякого сомнения, примет его за инспектора или другое должностное лицо. Он с бодрым и независимым видом пересек зал ожидания, миновал стоянку такси и вышел на длинную платформу, над которой висели таблички: «Только для персонала».

Около часа Джири расхаживал по этой платформе — от одной арки до другой. Железнодорожные рабочие перетаскивали ящики, пробегали с пачками бумаги, сколотыми огромными скрепками, тащили автокарами вереницы тележек. Удивительно тихо и спокойно было здесь. Джири остановился, сложил руки на груди и широко расставил ноги — он

блаженствовал в этом покое. Вдруг кто-то с силой хлопнул его по плечу, он обернулся и встретился с подозрительным взглядом чьих-то глаз из-под островерхой шапки.

— Позвольте узнать, — голос был глухим, и по тому, как он звучал, было ясно, что его обладатель — житель бедных кварталов Ист-Энда, но при этом облечен кое-какой властью, — вы служащий Британских железных дорог?

— Нет, — ответил Джири.

— Кто же вы тогда... позвольте спросить?

— Пассажир, — ответил Джири.

— Ах, пассажир! Ваш билет?

— Я выбросил его.

— Вы его выбросили. И обратного, полагаю, у вас нет, следовательно, вы никуда не собираетесь ехать, а между тем вы уже час проторчали на этой платформе, а ведь пассажирам сюда вход запрещен. Читать умеете?

— Умею.

Мужчина посмотрел на него со злобным удовлетворением.

— Послушайте, дружище, я хочу только, чтоб вы поняли: одурачить вам никого не удастся.

— А я и не собираюсь никого дурачить, — ответил Джири, подавая себе команду: «Ты спокоен, ты великолепно владеешь собой».

— Видали мы таких птиц.

— Таких птиц?

— Нечего прикидываться невинным младенцем! Чарли! — властно крикнул служащий. Из люка позади вынырнул рыжеволосый носильщик в куцем пиджаке, который он, видно, с трудом натянул на свой мощный торс. — Мы не ошиблись, Чарли. Это один из них.

— Задержите его, пока не придет кто-нибудь из профсоюзного комитета, — тут же подхватил Чарли.

Джири чувствовал, как его охватывает ужас, но ничего не мог с собой поделать. Пластырь жег ребра.

— Не понимаю, о чем вы?! — выкрикнул он. Первый подошел к Джири, схватил его за локоть и стиснул изо всех сил.

— Чарли, ступай, дружище, позвони. Скажи, что мы тут поймали одного ублюдка из команды по слежке за рабочими, что нарушают соглашение комитета.

— Я не из их числа, — запротестовал Джири. — Пожалуйста, приведите кого-нибудь из своего комитета, и вам скажут, что вы ошиблись. К тем людям я не имею никакого отношения.

— Разберусь. Иди, Чарли.

— Я видел его раньше, — сказал Чарли, разглядывая Джири. — Видел, как он шныряет по платформам.

— Конечно, вы могли меня видеть, — отчаянно отбивался Джири, — я постоянно езжу с этого вокзала.

— В таком случае, — невозмутимо предложил первый, — предъявите сезонный билет.

Высвободив локоть, Джири достал кошелек. Осторожным, плавным движением негнущихся пальцев вытащил две купюры по одному фунту каждая. Одна предназначалась для Чарли, тот взял ее без слов. Но первый руки за деньгами не протянул.

— Не откупитесь, деньги вас не спасут.

— Это не подкуп, — ответил Джири. — Просто я хочу принести вам свои извинения. Я доставил вам беспокойство, вы заподозрили меня в том, что я шпион. А я безвредный псих. — Он усмехнулся, но его шутку никто не оценил.

— Псих? — переспросил Чарли.

— Я железнодорожный фанатик, — пояснил Джири. — Меня интересует главным образом, как действуют вокзальные службы. Вы говорите, что видели, как я слоняюсь по платформам, — продолжал он, обращаясь к Чарли. — Да, меня можно было видеть почти на всех крупных вокзалах страны. Я не имею никакого отношения к бригаде по слежке за рабочими или к чему-нибудь в этом роде. — Он снова протянул первому деньги. — Возьмите и простите меня. Я ведь от чистого сердца.

Тот все-таки взял купюру, повертел ее немного, потом сложил и спрятал в карман.

— Мы должны быть начеку, — пояснил он, не спуская с Джири тяжелого взгляда.

— Конечно.

— Я и сейчас не совсем верю вам.

— Поверите, когда выйдет моя книга, — улыбнулся Джири.

— А какая у вас фамилия?

— Роджер Ллойд.

Чарли повернулся к ним своей широченной спиной — он уже был не нужен — и растаял в темноте. А первый продолжал стоять — он не хотел примириться с мыслью, что инцидент исчерпан, однако купюра, перекочевавшая к нему в карман, утихомирила его.

— Лучше вам здесь не слоняться.

— Я сейчас уйду, — весело ответил Джири. — Мне просто нужно было составить для себя представление... А теперь можно и уходить.

Под неотступным взглядом железнодорожника он проследовал

небрежной походкой в зал ожидания. Потом спустился в метро — на случай, если железнодорожнику вздумается продолжить слежку. Он остановился у касс-автоматов и притворился, будто ищет название нужной ему станции. Крупная полная азиатка, проверявшая билеты у входа, снисходительно взглянула на него — видно, собиралась спросить, не нужно ли ему помочь. Он поспешно отошел и, улучив минуту, когда ее кто-то отвлек, ринулся в обратный путь.

Он поднялся по лестнице в зал ожидания. Близилось время ленча. Как ему пережить весь этот день? Где спрятаться от постоянной угрозы встретить Блейкни? Неужели все действительно следят за ним?

Конечно, есть гостиничный номер. Час или два он продержится в одиночестве. Возьмет интересную книгу. А потом снова подступит ужас. Может, они и за номером его наблюдают. Лучше не появляться там до полуночи. Как это у Элиота? «Выставь ботинки за дверь, усни, пока тишина, готовься жить». Вот как.

Успокаивая себя, Джири решительно зашагал к самому людному кафе, стал в длинную очередь у стойки. Купив кусок мясного пирога и бутылку пива, он отошел к столику у окна. Он будет есть стоя, чтобы при первой же необходимости незаметно исчезнуть. Когда встаешь со стула, непременно привлекаешь к себе внимание.

Запивая пирог пенящимся пивом, он неотрывно смотрел в окно, откуда была видна часть платформы. Свет с улицы просачивался сюда, будто сквозь фарфор. Люди торопливо проходили, замкнутые, отягощенные одними и теми же заботами о приездах и отъездах, что составляли суть их жизни. Поток стал мощнее: только что прибыл поезд. Пассажиры — кто с «дипломатами», кто с оттягивающими руки тяжелыми сумками — шли к метро. Некоторые отделялись от общей массы и заходили в кафе. Люди, люди, прекрасный, мощный, безымянный человеческий поток. Потом на общем фоне проступило лицо — детское, растерянное. Человечек в голубом плаще топтался на месте, тревожно озирался по сторонам — крохотный вопросительный знак на темной, бесконечно меняющей очертания странице вокзальной жизни, — Джири узнал своего сына Дэвида.

Может, это ему снится? Если снится, то надо в этом сне вести себя как в реальной жизни. Он тотчас поставил стакан на столик, вышел из кафе и нагнал мальчика, медленно и бесцельно бредущего по платформе.

— Дэвид, — окликнул он его спокойным, негромким голосом.

Дэвид завертелся волчком. Он совсем растерялся оттого, что его окликнули. Возможно, заготовил приветствие или даже целую речь, но сейчас все вылетело из головы. Он покраснел, потом побледнел, у него

перехватило дыхание.

— Пап, здравствуй. Я просто...

Джири улыбнулся, и все растопилось в тепле его улыбки, в его радушии.

— Пойдем перекусим. Надеюсь, ты не против?

— Нет. Я не обедал. Джири засуетился.

— Тогда не пойдем в кафе. Лучше в гостинице закажем нормальный обед.

Он говорил живо, радостно, без всяких усилий, слова лились из него сами собой, а ноги несли к дверям гостиницы. Голодный мальчик, добрый отец, горячая еда, а все остальное можно с легкостью отбросить.

Дэвид помалкивал и, только когда они сели за столик в ресторане, спросил:

— Ты здесь остановился?

— Да.

— Надолго?

— Еще не знаю. Пока не улажу все свои дела. Дэвид посмотрел на него серьезно и испытующе.

— Какие дела?

Если бы Джири хотел быть честным до конца, он ответил бы — «барабаны». Потому что вот уже несколько месяцев кряду в уши и грудь его била барабанная дробь. От этих барабанов не только шумело в голове, но все внутри дрожало, иногда они звучали так, словно по ним бьют тихо, иногда — точно тихо и медленно ударяют палочками, обмотанными чем-то мягким, а иногда — будто бьют очень быстро и очень громко. В последние недели семейной жизни он часто просыпался совсем рано и лежал рядом со спящей Элизабет, а барабанный бой был таким неистовым, что Джири не понимал, почему Элизабет не просыпается.

Он мог бы еще рассказать Дэвиду, как однажды, когда наступила эта горькая пора, он поехал по делам в Лондон, а на обратном пути домой очутился на вокзале чуть раньше, до отхода поезда еще оставалось время, и он пошел в кафе и сидел себе там спокойно, и, пока он был там, барабаны безмолвствовали. Он прислушивался и прислушивался, но их не было слышно. А когда сел в поезд и состав тронулся, они снова загремели. Вот после того случая желание перебраться на вокзал, подальше от барабанов, все крепло и крепло в нем.

Он мог бы рассказать Дэвиду о барабанах. Но не рассказал. Вместо этого пожал плечами и ответил:

— Да так, мелочи. Насчет того, где мне жить дальше и что делать.

— Пап, — сказал вдруг Дэвид, — а почему ты не хочешь жить с нами?

— Вы будете что-нибудь заказывать, сэр? — спросила официантка, неслышно возникнув возле их столика.

Джири заказал обед Дэвиду, себе — полбутылки вина.

— Хочу отметить нашу встречу, — объяснил он. — И не чаял увидеть тебя.

Официантка ушла. Дэвид молчал, разглядывая скатерть. Ему было больно, что его вопрос, который он с трудом выдал из себя, остался без ответа.

— Послушай, Дэвид, — мягко произнес Джири. — Прежде чем ты станешь задавать мне вопросы, я сам хочу кое о чем тебя спросить.

Мальчик ждал, безмолвный, настороженный.

— Почему ты приехал сюда?

— Чтобы найти тебя.

— А кто сказал тебе, что ты найдешь меня здесь? Дэвид поднял вилку, поглядел на нее, потом положил на место.

— Мне нужно было поговорить с тобой.

— И ты приехал сюда. Но почему сюда? На вокзал?

Что-то же натолкнуло тебя на мысль искать меня именно здесь.

Дэвид вскинулся.

— Я не ошибся, так ведь?

Официантка принесла суп Дэвиду и бутылку дорогого вина, торчащую наискосок из корзинки, для Джири. Джири не торопясь налил немного, пригубил, одобрительно кивнул. Официантка долила бокал и ушла.

— Будь здоров! — сказал Джири Дэвиду, отпил и поставил бокал. — Дэвид, сынок, нет повода унывать. Я понимаю, у тебя теперь многое переменилось, раз меня нет рядом, поначалу к этому придется привыкать, но мы будем держаться друг за друга, встречаться сколько захочешь. Оттого, что я больше не живу вместе с вами, я же не перестал быть твоим отцом. — Он снова отпил вина в надежде взбодриться. — Лучше так как есть. Когда-нибудь я попытаюсь тебе объяснить. Даю слово.

Дэвид покончил с супом. Он будто и не слышал отца. Но внезапно, оставив ложку в пустой тарелке, посмотрел Джири прямо в глаза и спросил:

— Почему ты живешь на вокзале? Вот что я не могу...

— Кто тебе сказал? — быстро спросил Джири. Пластырь впивался в ребра, боль доводила до изнеможения.

— Если я отвечу, ты объяснишь, зачем ты это делаешь?

Джири сперва замялся, потом ответил:

— Да-

— Я услышал это от одного мальчика в школе, — сказал Дэвид, подавшись вперед. Официантка поставила перед ним мясо в кляре, но он

даже не заметил. Его глаза были прикованы к отцовскому лицу. — Он сказал, — Дэвид запнулся, — что ты все время на вокзале.

— Картофель, сэр? — спросила официантка у Дэвида. Она спешила к другим столикам, но, пока Дэвид не выбрал себе гарнир, не могла отойти от них.

— Возьми немного, — сказал Джири. — И капуста вроде ничего.

Дэвид машинально положил себе гарнир. Официантка отошла, и он снова начал:

— Этот мальчик сказал, что ты...

— Кто этот мальчик? Как его зовут?

— Джулиан Робинсон. Джири задумался.

— Наверно, это сын Филипа Робинсона.

— Я не знаю, как зовут его отца. Он подошел ко мне на школьном дворе и сказал: «Твой отец ненормальный». — Дэвид испуганно опустил глаза. Вот он и произнес эти слова.

Трижды, подумал Джири. Блейкни, вокзальный служащий и вот опять. Сколько он еще продержится? Трижды нападали на него за одно утро.

— Ты поверил ему?

Дэвид, не поднимая глаз, покачал головой.

— Он объяснил, почему называет меня сумасшедшим?

— Он сказал, что ты не уходишь с вокзала. Он сказал, что ты все время слоняешься по платформам и вообще не можешь вести себя как нормальные люди.

— А ты как считаешь? — ласково спросил Джири. — Я веду себя как нормальный человек?

— Не знаю, — ответил Дэвид. Лицо его вдруг все сморщилось, он отодвинул тарелку. — Не могу есть, — простонал он.

— Послушай, Дэвид, не волнуйся. Не знаю, что за небылицу придумал этот мальчик. Я совершенно здоров, ты же видишь.

— Я ведь не о себе, — сказал Дэвид тихим, сдавленным голосом. — Пусть их говорят, что мой отец сумасшедший. Я о тебе беспокоюсь, вот и все.

Джири залпом допил вино. Он взял себя в руки, улыбнулся и сказал:

— Ну, доедай и подыдемся ко мне в номер. Я покажу тебе, где я теперь живу, расскажу, что сейчас делаю. Тебя это успокоит?

— Да, — ответил Дэвид. Высморкался и добавил: — Я ведь здорово проголодался.

— Вот и поешь как следует. — Джири улыбнулся, — Здесь неплохо готовят.

Дэвид покончил с едой, и они поднялись вверх. Номер Джири — с

ковром, занавесками, покрывалом на кровати, все в подобранной со вкусом цветовой гамме, ванная, сверкающая белизной в полуоткрытой двери, — казалось, воплощал суть обычной житейской мудрости.

— Вот видишь, Дэвид, — сказал Джири, опускаясь в кресло, — эта гостиница удобно расположена, тут хорошее обслуживание и не так уж дорого. Жить здесь мне с руки, пока я все не улажу. — И без паузы, чтобы Дэвид не пустился в дальнейшие расспросы, спросил: — Кто-нибудь знает, что ты у меня?

— Только ты.

— Я имею в виду дома.

Дэвид покачал головой.

— Я больше не намерен спрашивать разрешения у мамы. Если я сочту, что поступаю правильно, я так и сделаю.

Джири нахмурился.

— Ты еще мал, чтобы самому все решать, мой мальчик.

— Я подумал, — сдержанно сказал Дэвид, — раз ты правильно поступил, что ушел от нас навсегда, потому что больше не хочешь жить с нами, то ничего страшного не произойдет, если я уйду на один день.

— У нас с тобой разные ситуации.

— Не понимаю, почему разные?

Джири тоже не понимал и оставил вопрос сына без ответа.

— Как бы там ни было, — сказал он, — я посажу тебя на поезд, чтобы ты вернулся домой, пока они не стали волноваться. Есть подходящий поезд в четыре пятнадцать.

— А сколько до него еще осталось? Джири посмотрел на часы:

— Около часа.

— Хочешь избавиться от меня, да? — с горечью спросил Дэвид.

— Просто не хочу, чтобы дома волновались, — ответил Джири. Потом, взглянув на отчаявшегося сына, добавил мягко: — Дэвид, пожалуйста, не беспокойся. Как бы жизнь ни повернулась, я не оставлю тебя и ты ни в чем не будешь нуждаться. И всякий раз, когда у тебя появится желание сказать мне что-нибудь или спросить, приезжай ко мне.

— А ты будешь здесь?

— Где бы я ни был, ты будешь знать мой адрес. — Он вытащил бумажник. — Вот тебе на дорожные расходы. Держи их отдельно. — Он протянул ему пять фунтов. — Кстати, где ты раздобыл деньги на сегодня?

— Взял из тех, что откладываю к рождеству. Почти все взял, а хватило только на билет в один конец.

— У тебя билет только в один конец? — переспросил Джири. — А если бы ты не нашел меня? Как ты собирался возвращаться?

— Я решил оставаться здесь, пока не найду тебя, — сказал Дэвид и отвел глаза. — Я так по тебе соскучился.

В груди Джири словно что-то треснуло. Словно чувства его хранились в каких-то хрупких стеклянных сосудах. А теперь сосуды разбились, и в груди сплошное месиво из крови и стекла. Он открыл было рот, попытался что-то сказать, но в голове все смешалось. Он хотел сказать, что бросит этот вокзал, поедет вместе с Дэвидом домой, прямо сейчас же. Хотел позвать Дэвида жить с ним в гостинице. Хотел объяснить Дэvidу насчет барабанов. Хотел пообещать Дэvidу, что через неделю найдет себе другое жилье, переберется туда и Дэвид сможет приезжать к нему и жить все школьные каникулы. Но больше всего он хотел сказать Дэvidу что-нибудь такое, что сняло бы тяжесть с души мальчика и с его собственной тоже. Слова застряли в нем, он вновь сомкнул губы, углы рта опустились. Отец и сын глядели друг на друга через мертвое бездушное поле стола.

— Ты вернешься когда-нибудь домой? — прошептал Дэвид.

— Дэвид. — В горле у Джири пересохло, голос скрипнул, как захлопнувшаяся дверь. — Обещаю тебе, я сделаю как лучше. Я постараюсь все уладить... — Слова его прозвучали неубедительно. Но сейчас слишком поздно говорить Дэvidу правду. Он сделал еще попытку: — Видишь ли, я хочу начать жить по-другому, эту другую жизнь ты поймешь и примешь в ней участие. Обещаю тебе, Дэвид.

Лицо мальчика слегка просветлело. Но в глазах еще пряталась тревога; он по-прежнему умоляюще смотрел на отца, словно хотел выпросить что-то осязаемое, с чем ему можно будет уйти отсюда.

Джири был в отчаянии. Кровь и осколки стекла клокотали у него в груди. Он любил Дэвида. Он должен найти путь к его сердцу, должен, должен.

- Посмотри! — внезапно произнес он, распахнул и скинул пиджак, стал расстегивать пуговицы на рубашке. Сбросил ее, потом нижнюю рубашку. В тусклом свете унылого осеннего дня блеснул белый пластырь. Дэвид вскочил.

— Господи, что это?

Джири похлопал себя по груди.

- Маленькое происшествие. Но ничего страшного. Я упал и сломал два ребра. Поэтому не смогу отсюда никуда двинуться еще недельку, а то и две. Меня амбулаторно лечат в больнице, она в конце привокзальной улицы.

Охваченный ужасом и жалостью, Дэвид не отрываясь смотрел на пластырь.

— Больно?

- Сначала немного болело. Две первые ночи не мог спать. А сейчас

уже все в порядке.

— Как же это случилось?

- Поскользнулся на верхней ступеньке лестничного марша. То ли банановая кожура виновата, то ли кусок сальной бумаги, а может, еще что-нибудь. Как бы то ни было, когда я очутился на нижней ступеньке, два ребра с одного бока были сломаны.

— Тебя подняли?

— Я сам поднялся, — ответил Джири. Ему вдруг стало стыдно за этот спектакль, и он быстро оделся. — Теперь ты сам видишь, — закончил он с кривой усмешкой, — есть дельце, вынуждающее меня торчать здесь, даже если отбросить остальное.

Дэвид подбежал к окну.

— Мне теперь полегче. Повидал тебя, узнал, что с тобой случилось, и во всем этом...

- Есть свой резон?

— Да, есть.

Теперь они оба успокоились и улыбались друг другу. Клокотание в груди Джири стихло. Ему даже показалось, что стеклянные осколки могут срастись, как ребра.

— Ну-с, нам пора на вокзал, — сказал он, взглянув на часы.

— Уже?

— Так ведь сколько успеть надо! Узнать, с какой платформы отходит поезд, купить тебе билет. Можешь подобрать себе в киоске книжку по вкусу. К тому времени, как мы все это проделаем и напоим тебя чаем, подойдет время отъезда.

Он застегнул пиджак и направился к дверям. Тишина в номере начинала угнетать его. — Пошли! Дэвид нехотя двинулся за ним.

— Ты мне будешь писать? — спросил он отца.

- Каждую неделю, — с радостной готовностью ответил Джири.

— А когда заживут ребра, дашь знать?

— Пришлю телеграмму, как только снимут пластырь.

Оба рассмеялись. Смех этот делал их шаги невесомыми, они словно катились на роликах — сначала по коридору, потом в лифт. Нигде не задерживаясь, Джири пересек холл и направился к вокзалу.

Как только они оказались в неиссякаемом людском потоке, то приливающим на перрон, то откатывающемся от него, Джири вновь стало легче дышать. В конце концов, проблемы его разрешимы. У Дэвида теперь будет спокойнее на душе. Узлы, связывающие их, на время ослабли, а сейчас все опять на своих местах. Даже ирландец помог этому, благодаря ему у Джири появилась объективная причина жить в гостинице. Он с любовью

взглянул на светловолосого мальчугана, шагавшего рядом. И тут увидел Блейкни.

Очки доктора Блейкни поблескивали в лучах фонаря, под которым он стоял, — в это время года фонари горели и днем. Должно быть, он пораньше пришел на вокзал к тому же поезду в четыре пятнадцать, каким Джири собирался отправить Дэвида. А что, если они увидят друг друга? И Блейкни от нечего делать начнет донимать ребенка вопросами, ведь ехать им больше часа?!

Джири резко остановился. Надо, чтобы они ехали врозь. Несложно проследить, как Блейкни сядет в поезд, займет свое место, а потом Дэвид...

Но тут произошло худшее. В двадцати пяти ярдах от отца с сыном Блейкни повернулся и увидел их обоих.

— Дэвид, — быстро проговорил Джири, — нам бы лучше... — Он оглянулся. Справочное бюро было совсем рядом. — Надо сперва узнать, с какой платформы тебе...

— Вон расписание, — сказал Дэвид. — Там должно быть написано.

Он подошел к расписанию и принялся изучать его. Мальчику было приятно, что он такой взрослый и сообразительный.

— Я не доверяю этим расписаниям, — сказал Джири, в горле у него стало сухо. — Вечно что-нибудь меняют без всякого предупреждения. — Джири сделал вид, что не замечает Блейкни, величественной походкой приближавшегося к ним. — В справочном бюро все-таки...

Джири в полном смятении переминался с ноги на ногу.

- Вот! — воскликнул Дэвид, переполненный гордостью за самого себя. — Первая платформа. Он отсюда отходит, папа. Прямо где мы стоим. Скоро подадут.

Дэвид вытянул шею, чтобы получше разглядеть пути.

- Прекрасно, — сказал Джири. — Пойдем купим билет. Нечего попусту терять время, — резко добавил он. Блейкни был совсем близко. Джири схватил Дэвида за руку и торопливо зашагал по платформе, но не прочь от Блейкни, а прямо ему наперерез.

— Что ты так торопишься, пап? — запротестовал Дэвид.

— Вот мы и опять встретились! — радостно воскликнул Блейкни.

— Угу, — промычал Джири и стремительно прошел мимо него.

Они направились в зал продажи билетов, там им ничто не грозило.

— У нас еще много времени, пап! Джири оглянулся.

— Дэвид, ты заметил того человека? Который говорил с нами?

— В очках? Только что?

— Да-да, — подхватил Джири. Дыхание его участилось. Он вытащил носовой платок и вытер с лица испарину. — Пожалуйста, запомни, что я

тебе сейчас скажу, Дэвид. Не разговаривай с этим человеком.

— Я ведь его даже не знаю.

— Возможно, он поедет с тобой одним поездом, — вполголоса продолжал Джири. — Если он начнет расспрашивать тебя, не отвечай. Встань и перейди в другой вагон. Если захочешь, можешь пойти в ресторан — я дам денег, чтобы тебе не разменивать свои пять фунтов. Но если он и туда придет и сядет рядом с тобой, пересядь за другой столик или возвращайся в свое купе. Ни в коем случае не разговаривай с ним.

Дэвид кивал головой, глаза его округлились от удивления. Он испытывал священный трепет перед мощными страстями взрослых. Он вступил на арену этих гигантов и оттого был переполнен чувством собственной значимости, но одновременно понимал, как он беспомощен.

— Я буду держаться подальше от него, папа. — Он догадывался, что нельзя расспрашивать: тут скрывалось нечто слишком серьезное и важное.

Джири купил Дэвиду билет. Предстояло еще как-то убить двадцать минут. Поезд, гроыхая вагонными сцепами, лениво подкатил к перрону, но Джири боялся отпустить Дэвида. Разрешить мальчику сейчас сесть в поезд — все равно что на тарелке преподнести Блейкни сына. Разве что... Он просветлел:

— Идем, Дэвид. Я посижу с тобой в вагоне до отправления. Мы спокойно там поговорим и не будем бояться, что поезд уйдет без нас.

Мальчик медлил.

— А что, если тот человек тоже сядет?

— Он не посмеет подойти к тебе, пока я с тобой. Джири ошибся. Не успели они с Дэвидом устроиться в купе, как на платформе появился Блейкни. Дэвид сидел у окна, и, поравнявшись с их купе, Блейкни заметил мальчика. Заинтересованный, он остановился.

— Он увидел меня, папа, — испугался Дэвид.

— Ничего страшного, — ответил Джири. Такого наговорил сыну, что тот, поди, думает, будто Блейкни — детоубийца или вампир.

— Но он смотрит на меня.

Блейкни приветливо улыбнулся, подошел к окну. И тут увидел Джири. Он продолжал улыбаться, только теперь улыбка стала более сдержанной и осторожной.

— Пусть входит, что поделаешь, — процедил Джири. Блейкни исчез. Без сомнения, он прошел вдоль вагона ко входу. Джири сидел не двигаясь, все в нем напряглось. Он чувствовал, как влажная кожа на груди беспомощно бьется о пластырь.

— А что ты будешь делать, если он войдет? — спросил Дэвид.

Вопрос отрезвил Джири.

— Он не опасен, Дэвид, — тихо проговорил он. — Я хочу сказать, он не причинит тебе вреда. Единственное, что он может сделать, будь у него мало-мальская возможность, так это пристать к тебе с расспросами. С расспросами обо мне.

— Я ведь ничего о тебе не знаю.

— Есть кое-что, о чем он не прочь бы узнать от тебя. Но я не хочу, чтобы ты ему что-либо говорил обо мне.

— Он твой враг, папа?

В дверях купе стоял Блейкни и смотрел на них сверху вниз.

— Да! — тихо ответил Джири.

— А, мистер Джири, — приветливо протянул Блейкни. Он подтолкнул дверь, открывая ее пошире. — А вы мне вроде не говорили, что сегодня тоже едете. — Он вошел и поднял руку с «дипломатом», собираясь положить его на полку. — Не возражаете, я присоединюсь к вам?

— Мне бы не хотелось, — коротко ответил Джири.

— Я мешаю? — Блейкни оставался учтив и невозмутим.

— Нам надо поговорить, — сказал Джири.

— Сомнений нет, отец и сын, — сказал Блейкни. — Сразу видно, одна кровь. И вам срочно надо побеседовать друг с другом, не откладывая до дома.

— Мой отец... — начал было Дэвид. Вероятно, он хотел объяснить Блейкни, что Джири никуда не поедет.

Джири наступил Дэвиду на носок ботинка и не дал сыну закончить:

— Я порядком не виделся с сыном, Блейкни. И хочу спокойно потолковать с ним. Вот мы и сели пораньше в поезд, пока народу немного.

— Странно, — удивился Блейкни, — у вас же есть номер в гостинице.

— Блейкни, это бестактно. — Сердце у Джири учащенно забилося. — Похоже, вы считаете, что профессия дает вам полное право совать нос в чужую личную жизнь и слушать чужие разговоры.

— Да, — ответил Блейкни, все еще держа «дипломат» в согнутой руке. — Некоторые профессии дают такое право.

— Запомните, я не ваш... — С языка Джири чуть не сорвалось слово «пациент», но он вовремя спохватился. Только не при Дэвиде! Происходящее угнетало сына. — Блейкни, прошу вас, дайте мне побыть с сыном наедине, — закончил он более ровным голосом.

— Конечно. — Блейкни ласково кивнул Дэвиду и вышел из купе.

— Далек он не пойдет, — сказал Джири и сам не понял, произнес ли он это вслух или только подумал. Джири откинулся на сиденье, в ушах и груди снова гремела барабанная дробь. Сидевший рядом Дэвид что-то говорил ему, но Джири был совсем выбит из колеи и ничего не слышал.

Как сделать, чтобы Дэвид и Блейкни ехали врозь? Он считал это крайне важным. Не потому, что очень уж боялся, что Блейкни вытянет из мальчика какую-нибудь информацию, которая может повредить ему. Он просто не мог допустить мысли, что его сына допрашивает специалист по психическим болезням, допрашивает со знанием дела человек, которого подослали к нему, чтобы установить, вменяем ли он. Этот допрос взбудоражит Дэвида, опять пробудит в нем страхи, которые он, Джири, рассеял с таким трудом. Сквозь барабанную дробь он слышал свой голос, проклинающий Филипа Робинсона, но с губ его не слетело ни слова.

Пассажиров становилось все больше. Они толпились в проходах, высматривая свободные места. Так-то лучше, подумал Джири. Пускай в вагон набьется побольше народу, тогда Блейкни не сможет пройти к Дэvidу и сесть рядом с ним. И пусть Блейкни считает, что он едет вместе с сыном. Он ни за что не посмеет вернуться, если будет думать, что они в купе вдвоем. Значит, надо оставаться здесь до последней минуты. Выйти, когда поезд тронется, а потом просто спрыгнуть на ходу.

Но вдруг Блейкни пройдет мимо и увидит, что место рядом с Дэвидом не занято?

Только зачем ему идти мимо?

Ну, понадобится в туалет.

Придется рискнуть. Он ведь не может бросить вокзал и поехать с сыном. Пустота царила в мире, в том, что за пределами вокзала. И вдобавок непонятно, как ему вести себя, когда они приедут. Вдруг обратного поезда не будет? Джири стиснул зубы.

- Послушай, Дэвид, — сказал он, повернувшись к сыну. В купе вошли две пожилые женщины и стали укладывать свои свертки на полку. — Когда приедешь, — продолжал он тихим, заговорщицким тоном, — веди себя так, словно ты краснокожий индеец.

— Как это?

— Последни за этим человеком. Смотри, чтобы он тебя не увидел. Выйдешь на платформу, спрячься и жди, пока он не уйдет. Он, возможно, начнет искать тебя. Но я-то знаю, ты умница и ни за что не попадешься ему на глаза.

Дэвид забился в угол. Он вдруг стал совсем маленьким, кровь отхлынула от лица.

— Что он может сделать, пап? Если поймает меня? Джири улыбнулся.

- У каждого человека есть враги, Дэвид. Борьба между этим человеком и мною — не физическая: мы не норовим ударить друг друга или пырнуть ножом. Но тем не менее это борьба. Короче говоря, он пытается обокрасть меня.

— Обокрасть?

— Отобратить то, что принадлежит мне.

— Деньги? — Дэвид пытался понять отца. Джири покачал головой.

— Нет, деньги лежат в банке, и им ничего не грозит. Он посягает на кое-что другое. На то, что мне обязательно надо сберечь.

— Пап, я просто не...

— Послушай, сынок, — перебил его Джири. Интересно, подумал он, эти две женщины прислушиваются к их разговору или нет. Вроде бы они обсуждают что-то свое. — Не пытайся разобраться сейчас во всем. Поступай, как я тебя прошу. Держись подальше от человека, с которым мы только что беседовали, и, если он все-таки заговорит с тобой, ничего ему не рассказывай.

В дверях купе появился красноносый старик в твидовом пальто, за ним следом еще двое, смахивающие на биржевых маклеров. Чувство самозащиты подсказало Джири купить Дэвиду билет первого класса, следовательно, в купе должно было ехать шесть человек. Двое мужчин, похожие на биржевых маклеров, остановились в нерешительности — им хотелось ехать вместе.

— Садись, Джим, — сказал один. — А я пойду посмотрю, может, найду два свободных места.

— Пройди подальше, наверняка найдешь, — ответил Джим, усаживаясь рядом с Дэвидом. — Заходи за мной, если найдешь.

- Ты мог бы уступить ему свое место, — прошептал Дэвид.

— Еще пять минут до отхода, — тоже совсем тихо сказал Джири. — Давай поговорим немного, пока мне не надо будет выходить. — И продолжал нормальным голосом: — Как дела в школе?

— Да так себе, — без всякого энтузиазма ответил Дэвид.

— Старайся не терять интереса к школе. Тебе там дадут много полезного.

Дэвид кивнул. Он был разочарован. Такое происходит, и на тебе — заставляют говорить о школе!

— Какой у тебя любимый предмет? — допытывался отец. — По-прежнему математика?

— Нет. Теперь биология.

Джири видел в окно часы: большая стрелка передвинулась на полминуты. Интересно, далеко ли до выхода? Надо будет поторопиться.

В отчаянной попытке прервать молчание Дэвид спросил:

— Что-нибудь передать дома?

— Скажи, я надеюсь, у них все в порядке. А если им что-нибудь нужно, пусть непременно дадут мне знать. У мамы есть адрес, по которому

она может связаться со мной.

— Какой адрес? Этой гостиницы?

- Адвоката, — бесцветным голосом произнес Джири. Краем глаза он следил за мальчиком, таким слабеньким, таким беззащитным. Ему хотелось обнять сына, но он подавил это желание. Сидит здесь бесприютный, среди чужих людей. Поезд увезет его за шестьдесят пять миль отсюда, оторвет от Джири... Как могло случиться, что жизнь их повернулась так? Он погрузился в воспоминания, в памяти всплыл тот момент, когда впервые он понял, что должен уехать от Элизабет, из дома, из института, от барабанного грохота.

— Дэвид, — попросил он сына охрипшим голосом, наклонясь к нему поближе, — обещаю тебе, что не будешь волноваться.

— Из-за чего?

— Вообще не будешь. Особенно из-за того, что... я ушел из дома. Ты скоро поймешь, ничего не изменилось. Нисколько.

«Лицемер» — вот что думал сын, это было видно по его глазам.

— Как только все устроится, — с отчаянием продолжал Джири, — ты сможешь приезжать ко мне и жить сколько захочешь.

Состав дернуло, и поезд тронулся. Дэвид испуганно закричал:

— Скорее, папа!

Джири поднялся, взял руку сына, быстро и крепко пожал ее, стремительно вышел из купе и так же стремительно стал пробираться к выходу.

Вагон был набит битком. Он решил пробираться вперед, в противоположный конец ему не протиснуться: в проходе у окон, дымя сигаретами, сгрудилась компания молодых людей. Он прошел лишь четверть пути и увидел, что навстречу ему движется спутник Джима, смахивающий на биржевого маклера. Он, видно, нашел два свободных места и возвращался за приятелем. Что ж, теперь можно не волноваться, пронеслось лихорадочно в его мозгу, Дэвиду больше не грозит оказаться в обществе Мориса Блейкни.

Поезд уже набрал скорость, Джири и приятель Джима столкнулись в узком проходе, поспешность, с какой Джири протиснулся мимо, удивила «маклера», и он наградил его возмущенным взглядом. Джири посочувствовал ему, в конце концов, откуда этому человеку знать, что Джири собирается выскакивать на ходу. Вагон приближался к краю платформы — неужели придется прыгать прямо на рельсы? Он задышался, в ушах гремели барабаны. Он с силой дернул дверь и нащупал ногой ступеньки. Мимо проплывали последние ярды платформы, позади осталась та ее часть, с которой обычно идет посадка, теперь они ехали мимо

сваленных в беспорядке тюков, тележек и всякого хлама. Неужели уже поздно? Джири отогнал от себя эту мысль и прыгнул. Во время прыжка он внезапно заметил Блейкни, его лицо лишь промелькнуло в окне, но Джири не мог ошибиться. Доктор вышел из своего купе и видел, как Джири прыгает с подножки вагона.

Все, конец, в ужасе думал он. Его отбросило вперед, и он упал на четвереньки. К счастью, руки и ноги остались невредимы, но головой он больно ударился о деревянный ящик, и на несколько секунд его оглушило. Он медленно поднялся на ноги. Морис Блейкни, конечно, все видел. Ребра ныли от боли. По крайней мере Дэвид теперь в безопасности, сидит себе в углу — с одной стороны окно, с другой — приятель Джима. Надежда и страх, надежда и страх. Зато он остался на своем вокзале. Он прислушался: барабанная дробь смолкла.

Потирая ушибленную голову, Джири повернулся, собираясь пойти по платформе к зданию вокзала, и увидел веснушчатое лицо с подозрительными, глубоко посаженными глазами. Сомнений нет, это носильщик Чарли.

- Так-с, — проговорил Чарли. — А что теперь стряслось? — У него в руках был красный сигнальный фонарь, который он слегка раскачивал, словно размышляя, не стукнуть ли им Джири по голове. — Изучаете помаленьку, шеф? Отрабатываете различные способы, как бросаться на ходу с подножки вагонов и ломать себе шею?

— Во всяком случае, — парировал Джири, — хронометражем передвижения рабочих не занимаюсь.

— Вижу, — ответил Чарли, испытующе поглядывая на него. — Прекрасно вижу. Сначала сел в поезд, потом, в последнюю минуту, прыгнул — похоже, вы кого-то решили провести. Похоже, хотите сбить со следа. Вот что я вам скажу, шеф. Вы ведете себя как человек, который бежит от закона.

— Ладно, — прервал его Джири. — Можете отвести меня к полицейскому и установить мою личность.

— Не валяйте дурака, — сказал Чарли. В его голосе прозвучала нотка сомнения.

— А вы не предъявляйте мне обвинений, — перешел в наступление Джири. Все передраги, напряжение и усталость этого дня вылились сейчас в ярость против Чарли. Ему хотелось наказать и унижить этого человека в куцем пиджаке. Измотанный и разбитый, он сам хотел теперь мучить и ставить синяки. — Пошли, — сказал он грубо. — Найдем полицейского, и вы повторите ему свои слова о том, что я скрываюсь от закона.

- Не торопитесь вы так, — пробормотал Чарли. Он отступил,

испуганный угрозой, загоревшейся в глазах Джири. — Вы ведь не хуже меня знаете, что совершаете чудные поступки.

— Я прогуливался по той части вокзала, куда не пускают пассажиров, — сказал Джири. — Выслушав от вас и вашего сослуживца нотацию, я тихо и мирно ушел оттуда. Мы не станем вспоминать тот факт, что вы оба получили от меня подарок наличными. Может, я нарушил правила, но и вы тоже. Ну а теперь по поводу моего прыжка с поезда. Я сошел, потому что не собирался никуда ехать. Я провожал своего знакомого, заговорился с ним, а поезд в это время тронулся. Такое случается каждый день. Но вы отчитываете меня и угрожаете законом. Что ж, пошли, найдем представителя закона. — Он схватил Чарли за руку. — Я скажу ему, как вы ко мне пристаёте. Посмотрим, чья возьмет.

Чарли выдернул руку. Физически он был явно раза в три сильнее Джири.

— Да ладно, забудем про это. Я не хочу никаких неприятностей. Если у вас есть причина прыгать с поезда, прыгайте на здоровье. Верно?

— Почему же вы не поинтересовались, что это за причина? Или подумали — начнете мне угрожать, заработаете еще один фунт?

Насупившись, Чарли побрел прочь и вскоре исчез за кучей ящиков. Победа приободрила Джири. Он пошел вдоль платформы в направлении кафе: надо что-нибудь выпить. Все непременно уладится. Блейкни не сможет сесть рядом с Дэвидом; а когда они сойдут с поезда, Дэвид будет осторожен и не попадетсЯ Блейкни на глаза; беда миновала его, он уцелел, будем надеяться, что все к лучшему. Если Блейкни нечего будет сообщить его «доброжелателям», у них не возникнет соблазна тревожить его, и его оставят в покое, он будет предоставлен самому себе среди этого многоликого скопища равнодушных, среди захлестывающего вокзал людского потока, движение которого легко предсказать.

Согревшись и успокоившись, касаясь плечами плеч миролюбивых незнакомцев, Джири, как ракушка, прилип к бару, терпеливо ожидая своей очереди. Он понимал, что заслужил двойное виски.

Вечер, к которому Элизабет решила не укорачивать себе юбку, устраивали мистер и миссис Маркус Пелт. Адриан Суортмор старался не терять Маркуса Пелта из виду, точнее говоря, он считал, что с Маркусом Пелтом внешне надо поддерживать самые сердечные отношения, хотя внутренне всегда был с ним настороже. Пелт — экономист, чрезвычайно удачливый экономист, автор нескольких солидных книг, занимал к тому же высокий пост в университете. Он тоже любил купаться в лучах славы и обожания, откуда бы эти лучи ни исходили. Он принадлежал к числу тех узких специалистов-интеллектуалов, которым жизнь почему-то

становилась немила, если они не владели вниманием большой простодушной аудитории, равно как и избранного круга лиц осведомленных.

Пелт со своей неумолимой энергией не гнушался ничем для достижения заветной цели. Он никогда не отклонял предложения выступить по телевидению — щеголял прописными истинами в дискуссиях, участвовал в викторинах, а то и выставлял себя шутком гороховым в шарадах и играх. Корреспонденты любой газеты, даже захудалого бульварного листка, обращались к Пелту без опасения получить отказ — будь то беседа по телефону или материал для гвоздевой статьи в номере. И лицо его, круглое как тарелка, в очках, с неизменной лучистой, самодовольной улыбкой, всякий раз приветствовало читателя с газетной полосы, где публиковалась его статья, точь-в-точь как с голубого экрана.

Маркус Пелт всегда был доволен собой. Ему нравилось, как он устроился в жизни. Он достиг серьезного успеха в своей области и легкого успеха у публики. Он наслаждался и тем и другим.

В свою, очередь Адриан Суортмор испытывал потребность в Пелте, и они оба бдительно охраняли свой союз. Суортмор часто предоставлял Пелту возможность заниматься саморекламой. А Пелт, надо отдать ему должное, был прекрасным актером и никогда не подводил Суортмора. Каждый из них знал, хотя они и не обсуждали этого, что, когда наступит звездный час Суортмора и он завладеет главной площадью телевизионного царства, он извлечет куда большую, чем раньше, выгоду из Маркуса Пелта. А Маркус Пелт соответственно сможет извлечь большую пользу из Суортмора. Они нуждались друг в друге, и эта потребность заглушала взаимную настороженность.

Пелт стоял посередине ковра в гостиной, поглядывая на часы.

— Первые ласточки скоро появятся, Адриан. Мы потерпим, дадим им всем вдоволь насладиться твоим присутствием, а потом улизнем куда-нибудь в тихое местечко и поужинаем. Ты не забыла заказать столик, дорогая?

Миссис Пелт — холеная женщина, в прошлом секретарша Пелта, — кивком головы подтвердила, что не забыла о поручении.

- Столик на троих. В ресторане «Пиноккио», — ответила она.

- Отлично! — воскликнул Адриан Суортмор. Он был холост, эффектная, но ненавязчивая красота миссис Пелт импонировала ему. — Я готов отдать себя на растерзание стервятникам до восьми вечера.

Супруги Пелт не оговорили конкретно час окончания своего приема, однако ничего страшного не случится, если они условятся о времени и заставят гостей придерживаться его. Надо и честь знать, провинциалы

бывают так невыносимы.

- Кто придет? — спросил Суортмор. — Я знаю кого-нибудь?

- Они все знают тебя, Адриан. — Глаза Маркуса Пелта сверкнули. — Не думаю, что кто-нибудь из них тебе знаком.

— Почему же, дорогой, — поправила его секретарша-жена. — Мы же пригласили ту даму, от которой недавно ушел муж... Не помню ее фамилии.

Даже ей трудно удержать в памяти всех этих ничтожных людей, слышалось в ее тоне.

- Джири, — мгновенно подсказал Маркус Пелт. — Парень из института, бумажная крыса, вечно по уши в делах. Никакого интереса к жизни и, надо сказать, никакой личной жизни. А тут вдруг сорвался с места, бросил жену и детей. Испарился.

- И поэтому вы пригласили ее? Чтобы она немножко развеялась?

— Нет, — ответил Пелт. Он устраивал приемы не затем, чтобы поднять настроение гостей. — Мы пригласили ее потому, что встретились с ней на прошлой неделе в одном доме. Кто-то упомянул ваше имя, и она очень тепло отозвалась о вас. Она была вашей коллегой, когда вы делали первые шаги в журналистике.

— Как ее фамилия?

— Я же сказал: Джири.

— Да нет, девичья?

- Понятия не имею, — весело ответил Пелт. Он считал, что и так сделал достаточно много для этой женщины, пригласив к себе на прием и тем самым предоставив возможность возобновить столь дорогое ее сердцу знакомство с Адрианом Суортмором.

В дверь позвонили. Горничная провела в гостиную первых гостей — супругов с сыном, которому было уже двадцать один, он заканчивал университет и собирался посвятить себя журналистике. Они прямо-таки напросились на этот вечер, сломив сопротивление Пелта. Хотя в приглашении, полученном путем вымогательства, даже речи не было о их сыне, они тем не менее притащили его с собой и теперь стояли на пороге со своим неуклюжим увальнем, в немом отчаянии отдавая его на суд Суортмора. Все трое бормотали какую-то невнятицу. Пелт представил их Суортмору с нескрываемой иронией, а тот сразу же распустил перед ними хвост: заговорил самоуверенно, велеречиво, так, словно только они и занимали его.

— Но вы ничуть не изменились, — настаивал Суортмор.

Элизабет Джири с любопытством взглянула на него:

— Раньше, если мне не изменяет память, вы не были таким льстецом,

Адриан.

— Вы все та же девчушка, как в сорок восьмом году, — сказал Суортмор, залпом выпил джин с тоником и поставил пустой бокал на стол. (Нельзя напиваться, тут есть на что посмотреть.)

— Я прожила с тех пор ровно столько, сколько и вы, — продолжала она, — были у меня и счастливые минуты, и горькие. Замужество — начало, середина, — она слегка пожала плечами. — и конец.

— Мне грустно это слышать, — сказал он мягко. Придвинулся к ней, словно желая защитить, и, понизив голос, добавил: — Вам, должно быть, пришлось многое пережить, но знаете, вы молодец, нипочем по вашему виду не скажешь, что у вас были горькие дни, от этого я еще больше восхищаюсь вами.

— А вы? — Она решила незаметно увести разговор от своих неурядиц, которые они слишком откровенно обсуждали. — Вы уже вкусили радости семейной жизни? Шлепанцы у камина?

— О нет, — ответил он так, словно даже мысли такой не допускал. — Я был слишком занят работой, чтобы вступать в брак. Не знаю, встретил ли я на своем пути Мисс Избранницу, мне некогда было мешкать, чтобы рассматривать ее вблизи и решать, она ли это. Всегда были неотложные дела.

Он вздохнул, и лицо его, и глаза, необычно узкие, как у монгола, и полные, подвижные губы приняли скорбное выражение.

Неожиданно Элизабет Джири почувствовала, как сильно действует на нее Суортмор, будоражит душу: его близость и то, как он стоит, наклонясь над нею, его горячее внимание к ней. А энергия, исходящая от него! Была ли она сексуальной по своей природе? И да и нет — эта энергия была всякой, в том числе и сексуальной. Ее одолела досада: она поняла, до чего же невежественна в этом плане. Артур был, конечно, человеком достаточно страстным, но как бы глушил в себе страсть, его энергия оставалась внутри. А до Артура ничегошеньки не было: правильное воспитание, приличная работа, которую она оставила ради спокойной семейной жизни. Спокойная, а потом вдруг раз — и выбросила ее из седла. Она ненавидела Артура. Никогда раньше она не испытывала к нему ничего подобного, а сейчас ненавидела его.

- Теперь, раз уж мы встретились, — говорил Адриан Суортмор, — мы не должны терять друг друга из виду.

Он повторял это каждому, кого встречал после некоторого перерыва. Но Элизабет Джири он предлагал восстановить прерванное знакомство вполне искренне. Прикосновение! Прикоснется ли к ней снова какой-нибудь мужчина? Хочет ли она этого? Да... Нет... была спокойная жизнь, ни

ветерка, может, хватит? Разве она уже не была счастлива?

Но Адриан Суортмор! Что и говорить, это было бы для нее непосильным испытанием! Воображение унесло ее далеко. Ведь Анджела хочет перебраться в Лондон. Такая перемена пошла бы всем им на пользу. Она бы разом сбросила несколько лет. На мгновение она пожалела, что не укоротила юбку.

— Я была бы рада, — ответила она, глядя на Суортмора снизу вверх. — Дело в том, что... мне нужен человек, с которым я бы могла поговорить по душам. Посоветоваться. Человек, разбирающийся в жизни.

О, как ей вдруг захотелось, чтобы нашелся мужчина, который снял бы с ее плеч эту ношу, освободил бы ее от непомерного груза и она снова почувствовала бы себя женщиной, женщиной, женщиной!

Адриан Суортмор наклонился к Элизабет и беглым взглядом окинул гостей. Никого хоть сколько-нибудь представлявшего интерес не было, за исключением, пожалуй, одного промышленника, достаточно состоятельного, правда, по его тупой физиономии не скажешь, что он способен сделать бизнес хотя бы в полкроны. С ним любопытно было бы побеседовать; но к нему намертво прилип Маркус Пелт, а миссис Пелт стояла неподалеку на страже, дабы он не улизнул от ее супруга и никто до него не добрался.

Остальные — тихий ужас, особенно та пара, у которой сыночек собирался в журналисты. Суортмор уже обошел всех, никого не пропустив, одаривая каждого своим вниманием. До восьми еще битых полчаса. Элизабет Джири, вот кем можно заняться. К тому же... и в свои сорок она по-прежнему оставалась, как принято говорить, «привлекательной женщиной». Суортмор никогда не имел привычки отказываться от маленьких радостей, которые подбрасывал ему случай, а сейчас судьба предлагала ему один из своих сюрпризов, никакого сомнения быть не могло. Она явно заинтригована, а раз она недавно разошлась со своим муженьком, он в два счета заставит ее бегать за ним, добиваться его. Суортмор без долгих размышлений приступил к атаке — стал заглядывать ей в глаза, обжигая ослепительной, полной восхищения улыбкой.

— Чертовски обидно, что я приглашен на ужин, — сказал он. — Может, вы согласитесь, и мы поужинаем все вместе, вчетвером. Я обещал Пелтам.

Лицо у нее вытянулось.

— О, я не могу, — сказала она, но видно было, что ей очень хотелось согласиться. — Дети дома одни, а я не оставляю их надолго без присмотра. Дочери пятнадцать, она разумная девочка, но я обещала ей вернуться к восьми, она и так давно одна.

— Чепуха, — запротестовал Суортмор и наклонился к ней доверительно, пытаясь уговорить. — Ничего с ними не случится. Пятнадцать? В некоторых странах девочки в пятнадцать лет выходят замуж и сами заботятся о семье. Не будьте наседкой, Элизабет.

— Не знаю... — Она колебалась. — Я должна позвонить, и, если дома все в порядке, я предупрежу Анджелу, что задержусь примерно на час.

— Вот это я понимаю! — одобрил он. — Знаете что? Предлагаю компромисс. Вы поужинаете со мной и Пелтами, я сделаю все, чтобы мы управились с этим поскорее, зато у нас останется время — я провожу вас, и вы меня угостите чем-нибудь покрепче, а в город я вернусь последним поездом.

Она просияла.

— Где телефон?

Ликующий Адриан Суортмор пересек гостиную, чтобы сообщить Пелтам, что они будут ужинать вчетвером.

— Ведь вы, конечно, не против? Элизабет так хорошо помнит наше прошлое, она меня засыпала рассказами о людях, с которыми я потерял все связи.

— И что же, неужели из этого следует, что вы на весь вечер заведете старую пластинку? — поинтересовался Пелт, не любивший неожиданностей.

— Да вовсе нет, Маркус, — успокоил его Суортмор. — Из этого следует, что за одним прибором будет сидеть очаровательная, чуть робкая женщина, в некотором смысле — воплощение моего прошлого.

— Ну, раз вы так поворачиваете дело, боюсь, мне нечего вам возразить.

Прием, судя по всему, близился к концу. Гости подходили к супругам Пелт, произносили положенные слова благодарности, отыскивали свои пальто и исчезали. Адриан Суортмор каждого награждал про себя крепким словцом — и при этом одаривал теплой прощальной улыбкой. Пара, сын которой вознамерился заняться журналистикой, предприняла последнюю отчаянную попытку завлечь его в уголок и держать там, пока не вытянут из него какое-нибудь конкретное обещание, но он избавился от них с дерзкой легкостью. Они удалились, пристыженный сынок, дергая разболтанными суставами, поплелся следом. Гостиная почти опустела — пора начинать приятный вечер.

Вернулась Элизабет Джири, лицо ее было мрачным и встревоженным. Она выглядела на десять лет старше, чем до разговора по телефону.

— Мне надо домой, — сказала она Суортмору. — Я только что говорила с дочерью, и она сказала, что сын куда-то пропал. Ему десять. Она

сказала, он не возвращался после школы домой. И я не помню, чтобы видела его перед моим уходом. Я думала, он где-то играет.

— Безусловно, так оно и было, — поддакнул Суортмор. — Десятилетние мальчишки любят побродить: ушел — пришел. Он живой и невредимый, не волнуйтесь.

— Но где же можно бродить в холодный зимний вечер? Я должна найти его. Видимо, я не сумею поехать с вами ужинать, пока...

— Послушайте, — прервал ее Суортмор. — Вы на машине?

— Да.

— В таком случае давайте я вместе с вами поеду к вам домой и помогу во всем разобраться, а Пелтов мы попросим поехать в ресторан без нас и проследить, чтобы столик остался за нами, а мы присоединимся к ним позже, как только найдем вашего мальчика. Наверно, он у кого-нибудь из своих друзей, играют себе в железную Дорогу и совсем забыли о времени. Мне ведь тоже когда-то было десять.

Она с благодарностью улыбнулась ему, снова почувствовав себя женщиной, но лицо ее опять стало тревожным, когда она добавила:

— Анджела обзвонила всех мальчиков, у кого он мог бы находиться. Если он пошел в гости, то это какой-нибудь новый приятель, нам еще незнакомый.

— А почему бы и нет? — Суортмор пожал плечами. — Но я понимаю, вы не успокоитесь, пока мы его не найдем. Разрешите поехать с вами и помочь. Я сейчас договорюсь с Пелтами.

Несколько минут объяснения — и Маркус Пелт с кислой миной согласился поехать в ресторан и ждать их там. Наконец Адриан и Элизабет сели в машину (немало набегавшая, в отличном состоянии, недорогая), и она повезла его к себе домой. Машину она вела умело и с удовольствием, поэтому волнение ее было не, так заметно. Дэвид пропал! Адриан Суортмор едет к ней домой! Ликование в душе боролось с отчаянием. Она еще привлекательна, даже сам Суортмор, очарованный ею, изменил свои планы, не посчитался с хозяевами дома и вот едет с ней, с ней! Вовсе и не надо было укорачивать юбку, она поступила правильно: ее чары и так неотразимы. А рядом с этим сверкающим потоком текли угрюмые, мутные, грязные струи сточной канавы: неужели с Дэвидом произошло несчастье? Неужели теперь беды навалятся на нее, а уход Артура — лишь преддверие этих несчастий, неужели Дэвид попал под машину или убит, и, если несчастье случилось, это кара за ее эгоизм, за то, что она хотела радости, стала проверять, может ли она еще понравиться мужчине?!

Машина свернула на боковую дорожку и остановилась: они у цели. Элизабет Джири выключила мотор, и тотчас их обступили тишина и

сумрак. Она попыталась вылезти из машины и не смогла. Как только она шагнет через порог дома, волнение захлестнет ее, словно прибой. А сейчас она была погружена в тепло, оттого что они сидели *tete-a-tete* с Адрианом Суортмором; она чувствовала себя здесь в безопасности, под надежной защитой, и ей хотелось продлить это ощущение, пусть лишь на минутку.

Она повернулась и взглянула на него. Они могли различить лица друг друга, хотя было темно.

— Спасибо, что вы решили помочь мне, — просто сказала она.

Суортмор привлек ее к себе и поцеловал. Это был знак дружеской поддержки, не более того, но на мгновение ее губы коснулись его губ, обещая и сдаваясь, — он был потрясен. Ого, здесь есть чем поживиться. Она резко отстранилась от него, мать семейства, контролирующая себя, добропорядочная представительница своего класса.

Суортмор последовал за ней к дому, в ушах у него шумело. В комнатах горел яркий свет, было тепло и уютно, все вместе словно сопротивлялось той ужасающей пустоте, что повисает над домом без хозяина. Из гостиной навстречу им вышла Анджела. Ее длинные, с бронзовым отливом волосы искрились в лучах света, льющегося из-под абажуров.

— Ну что, дорогая, — спросила Элизабет, пряча свое волнение под напускной оживленностью, — есть какие-нибудь новости?

— Нет, — ответила Анджела и с интересом взглянула на Суортмора, улыбающегося ей из-за плеча матери.

— Значит, надо звонить в полицию, — бросила Элизабет, направляясь в гостиную.

— Подождите, — остановил ее Суортмор, устремляясь вслед за ней. — Во-первых, я хотел бы сам разобраться во всем с помощью вашей, — он снова улыбнулся Анджеле, — дочери, которой вы меня еще не представили.

— Анджела, — сказала Элизабет Джири, — это Адриан Суортмор.

- Я знаю, ты собиралась увидеться в гостях с господином Суортмором, — озадаченно произнесла девочка, — но не знала, что он приедет к нам.

- Господин Суортмор приехал помочь нам, — решительным тоном продолжила Элизабет. — Когда я позвонила тебе и узнала, что Дэвид исчез, он любезно предложил... — Внезапно она с шумом всхлипнула, на нее накатило невесть откуда. Непонятно, с чего бы это. Она могла поклясться, что вовсе не собиралась плакать. В самом деле, в глазах — ни слезинки. Но этот тяжкий всхлип! Она всхлипнула лишь раз, но он был сигналом, что на горизонте — шторм.

— Послушайте, Элизабет, — сказал Суортмор. Мужская спесь

овладела им в присутствии женщин — этой дамочки в расцвете лет и пылкой девчонки. Вот где жизнь! К черту Пелтов! — Идите на кухню, наденьте фартук и поджарьте котлеты, или сварите яйца, или еще что-нибудь, а мы тут сами разберемся. Когда матери теряют присутствие духа, им лучше всего удалиться на кухню, по-моему, это прекрасное правило. Мы разыщем мальчика, ему наверняка захочется поесть, и готовый ужин будет весьма кстати. Так что идите. Мы сообщим вам, как только найдем его.

Ласково, по-отечески он выпроводил Элизабет из гостиной, а потом вернулся к ее дочери.

— Мы не станем звонить в полицию, Анджела, — сказал он, — сначала сами предпримем, что в наших силах. Прежде всего, как зовут вашего брата?

— Дэвид.

— Дэвид. И ему десять лет, мне ваша мама сказала. — Его глаза сузились — он напряженно обдумывал план действий; они стали совсем как у монгола, что еще больше подчеркивали его резко выступавшие скулы. (Взгляд в объектив!) — Он уже достаточно взрослый, сам может, если вздумается, ездить на большие расстояния. У него есть друзья, к которым он мог бы отправиться на весь вечер?

— Я обзвонила всех, кого могла. Если он сейчас где-нибудь в гостях, то я просто не знаю этих людей.

— Но он может быть у кого-нибудь? Она отрицательно покачала головой.

— Ну что ж, остаются больницы и полиция. Начнем, пожалуй, с больниц. Там говорят просто «да» или «нет», когда к ним обращаются с запросом, а что до полиции, стоит им сунуть нос... — Не договорив, он взял телефонную книгу. Из кухни было слышно, как шипит сковорода, на которой Элизабет что-то жарила. Он был королем в этом доме! Адриан Император!

Он набрал первый попавшийся номер и только успел спросить дежурного больницы, не поступал ли к ним в течение вечера десятилетний мальчик, как услышал звонкий голос Элизабет, удивленно воскликнувшей: «Дэвид!» Мальчик вошел в дом с черного хода — видно, надеялся проскользнуть незаметно и сразу же налетел на свою маму, хлопотавшую в фартуке на кухне.

— Спасибо, уже все в порядке, — сказал Адриан Суорт-мор медсестре на другом конце провода. — Юный мошенник объявился.

Он повысил голос, звучавший теперь искренне и доверительно, — нечего делать из этого трагедию. Мальчишки есть мальчишки. Страх

заставит ее сердце трепетать, размягчит его, наполнит благодарностью, тем легче будет его задача. Адриан Смелый.

Пьяный он, что ли? Он опустил трубку на рычажок, повернулся и поймал на себе взгляд Анджелы, пристальный, сияющий.

— Ну вот, — вздохнул он с облегчением. — Дэвид дома. Она улыбнулась, он в ответ тоже улыбнулся и заглянул в ее глаза, словно сейчас его интересовала только она.

Всю дорогу Дэвид очень тихо сидел рядом с Джимом и его приятелем. Две женщины, возвращавшиеся из города с покупками, без умолку болтали, но не слишком громко, и грохот поезда то и дело заглушал их голоса. Дэвид подумал, что если следить за их болтовней, пытаться разобраться, о чем они говорят, то время пройдет быстрее и он отвлечется от мыслей о двух вещах, которые он старался забыть: о печальной истории его отца и о жуткой цели отцовского врага.

Он гнал от себя тревожные мысли, поскольку ни в том, ни в другом случае, судя по всему, не мог ничего изменить. Дэвид был умным, уравновешенным мальчиком. (Рассудительность он унаследовал от отца, уравновешенность — от матери.) В сочетании оба эти качества делали его существом здравомыслящим, которое не станет биться головой о стену, ведь ее все равно не прошибить. Ему только десять, как же он сумеет внушить отцу, что тот должен поступать более разумно? Доводы, которые привел отец, не убедили его; он принял их с готовностью скорее потому, что они свидетельствовали о желании отца соблюдать принятые нормы поведения, казаться просто слегка чудаковатым, чем явным безумцем. А как он мог противостоять этому толстому господину с гладким лицом в зловеще поблескивающих очках без оправы? Господин этот был не просто взрослым и потому физически куда более сильным — он ведь был прекрасно одет и производил впечатление человека преуспевающего и влиятельного, таких железнодорожные служащие и полицейские всегда охотно выслушивают и с не меньшей охотой выполняют их распоряжения. Конечно, поверят ему, а не какому-то мальчишке.

До чего же противно быть десятилетним. Трудно и унижительно. Дэвид добросовестно вслушивался в болтовню двух женщин, а в дальнем уголке его сознания кружились мысли обо всем этом, и самая главная не отпускала его — надо скорее становиться взрослым. Есть такая пора, которую называют юностью. Он слышал, как мама что-то рассказывала об этом, а однажды случайно увидел это слово в книжке. Юность — когда ты становишься подростком. У юных, должно быть, тоже свои заботы, но, с другой стороны, они небось не труднее тех, с которыми ему пришлось

столкнуться, и все-таки станет легче, когда тебе положено будет иметь свои проблемы: проблемы, которые окружающие могут оценить и о которых все толкуют. Если ты юн, как Анджела, на тебя смотрят сочувственно и удивленно, правда, воспитание не позволяет взрослым поинтересоваться, как же ты справляешься со своими незадачами. А вот когда тебе десять, они просто не замечают тебя и полагают, что у тебя тишь да гладь, ведь школьные годы самые безоблачные.

Его цель, думал Дэвид, — тринадцать. Стать тринадцатилетним, высоким, сильным, отпустить волосы до плеч, тогда у него появятся серьезные проблемы, тогда все изменится. Но продержится ли его отец до той поры? Может ли он надеяться, что и через три года будет понимать своего отца? Убедит ли он его тогда, выберется ли отец из своей передрыги и заживет как все люди? Или же ему будет все хуже и хуже, а потом в конце концов он сойдет с ума и с воплями побежит вдоль платформы? А если так случится, кто будет виноват? Это мама довела его до сумасшествия? Конечно, нет, она всегда была спокойной и благоразумной. Анджела? Да она просто глупая девчонка, неспособная на такое — свести с ума. Он сам? Нет. Кто же тогда?

Внезапно Дэвид увидел учтивое выбритое лицо мистера Блейкни. Врага его отца. Он пытался что-то украсть у Дэвида. И тут же Дэвид понял, что именно этот человек пытался украсть, да, в сущности, уже украл. Здравый рассудок его отца.

Тринадцать. Когда наступит этот волшебный день рождения, он будет высоким и сильным. Он станет тренироваться каждое утро, наращивать себе мускулы — готовиться к этому дню. Потому что, продержится его отец до той поры или нет, Дэвид все равно не упустит господина в очках без оправы, настигнет его. Отомстит. Вы довели моего отца до сумасшествия, он из-за вас с воплями мечется среди носильщиков. Я сведу с ним счеты! Получай! И еще! Убью! Думал, выйдешь сухим из воды, все забудут, чьих рук это дело. Но один человек не забыл. Тринадцать. Сколько навалилось на меня, не всякому взрослому такое по плечу. В школе его окружали тринадцатилетние, четырнадцатилетние и так далее — даже восемнадцатилетние. Сохнут по девчонкам. Едут на велосипедах и свистят им вслед. Или обмениваются книжками. Что это за книжки? Разные, но все про девчонок. А то еще гогочут, когда какой-нибудь верзила вытащит что-то из кармана. Что? Да какие-то штуковины для девчонок. Тебе поможет то, что волнует других, а не то, что ты таишь. К Дэвиду подошел контролер, и он молча протянул ему билет, а внутри все бурлило: мой отец сошел с ума, он остался там, на вокзале! Поищите господина в очках без оправы: он задумал убить моего отца, я знаю об этом, я расквитаюсь с ним.

Вот исполнится тринадцать, затаясь думал он, пряча билет в карман, и тогда я расквитаюсь с ним. Он не посмеет заявить в полицию, он-то знает, что это он отправил моего отца в клинику для душевнобольных. Длинные солнечные палаты. Я пойду к нему в больницу. Пап, я победил его. Смотрит на меня как затравленный. А потом вдруг пойму по его глазам: он все понимает. Ты свел счеты, сынок. Я горжусь тобой.

Поезд замедлил ход. Пассажиры засуетились, начали собирать вещи, подниматься с мест. Час настал. Не столкнуться бы с врагом, нельзя, чтобы тот его увидел, надо быть начеку. Отец доверил ему святое дело — ведь это был его отец, и он, Дэвид, боялся за своего отца, неважно, нормальный он или душевнобольной. Показалась длинная освещенная платформа. Дэвид, спотыкаясь о ноги Джима и его приятеля, выбрался в коридор и заторопился к двери, чтобы выйти первым. Конечно, он рисковал. Этот, в очках без оправы, мог ведь подойти к тому же выходу. И Дэвид прошел в следующий вагон. И очень даже кстати — очутился ближе к хвосту поезда. Теперь ему видна большая часть платформы. Он непременно должен проследить, как этот, в очках без оправы, уйдет с вокзала.

У Дэвида созрел план. Отомстить он сможет не раньше чем через три года, но он вовсе не намерен сидеть до тех пор сложа руки. За этим, в очках без оправы, надо неотступно следить. Кровь в жилах закипала от тайного, мрачного волнения, он обдумывал, как станет тщательно копить информацию о нем, все до мельчайших подробностей, составит исчерпывающее представление о характере своего врага. Но самым главным было вот что. Надо узнать имя и адрес этого господина. Может, отец и знает, но в глубине души Дэвиду ужасно хотелось справиться со всем самому. Он чувствовал себя защитником собственного отца и не хотел, чтобы отец что-нибудь заподозрил, пока не наступит день, когда Дэвид сможет прийти к нему и сказать: «Справедливость восторжествовала. Ты отомщен».

Он выпрыгнул из поезда и крадучись пошел к турникету. Все пассажиры непременно проходят через турникет. Он спрятался за тележку с ящиками и незаметно выглянул оттуда. Появились первые пассажиры, те, что торопились пройти контрольный пункт и обогнать основной поток. Господина в очках без оправы среди них не было. Он, должно быть, только сходит с поезда, ищет Дэвида. Предчувствие опасности наполняло Дэвида радостным волнением. План, придуманный им, был смелым, а смелость города берет. Он сперва дождетя, пока отцовский враг пройдет через турникет, а затем выскользнет из своего убежища и пойдет за ним по пятам до стоянки такси. Дэвид хотел услышать адрес своего врага, когда тот сообщит его водителю. Дэвид не упустит момента, подкрадетя совсем

близко и услышит.

Ждал он долго, даже замерз. И вот наконец появился Морис Блейкни, он шел вдоль платформы крупными шагами, чуть вприпрыжку, небрежно размахивая «дипломатом» и двигаясь прямо на Дэвида. Мальчик замер в ужасе — на мгновение ему показалось, что Блейкни смотрит на него в упор. Но тот ничего не замечал вокруг себя, его мысли были заняты чем-то другим. Он встал в хвосте очереди, профилем к мальчику, — пассажиры медленной вереницей продвигались к выходу.

Дэвид молниеносно выскочил из своего укрытия и втиснулся между пассажирами позади Мориса Блейкни. На его счастье, он оказался рядом с огромным молодым человеком, стоявшим как раз за Блейкни, гигант был куда выше и шире доктора. За спиной этого бегемота он чувствовал себя в безопасности, как за воротами амбара. Очередь медленно ползла к турникету, а Дэвид ждал, зажав билет в потной руке. Вот господин в очках без оправы миновал турникет, за ним, расталкивая всех локтями, — старая дама, затем гигант, а там и Дэвид. Он проскользнул незаметно, как угорь. Господин в очках без оправы был уже на стоянке такси. Перед ним человек шесть, а свободных машин только две. Дэвид следил — еще одно такси подкатило к самой очереди. Перед господином в очках без оправы остался один человек: нет, двое сели вместе, и теперь подошла очередь господина в очках без оправы. Такси с двумя пассажирами отъехало. Площадь перед вокзалом опустела. Дэвид прирос к стене. Дул сильный ветер, мальчик дрожал от холода. Краешком глаза он посмотрел на дорогу, прикинул шансы к побегу и успокоился: если вдруг господин в очках без оправы повернется и увидит его, он сумеет скрыться. Но тогда его план рухнет, и сколько времени пройдет, пока он сможет его все-таки осуществить! Господи, хоть бы он не поворачивался! Господь, верно, испытывает то же самое чувство, с каким Дэвид кормит уток на пруду. Больше не бросай так корку хлеба. Я буду хорошим, буду усердно молиться в церкви, стану верить в тебя.

Вот и такси. Оно подкатило прямо к Блейкни. Блейкни подошел к машине и открыл дверцу. Стоявшие за ним автоматически шагнули вперед, заполняя освободившееся место, в ту же секунду Дэвид подскочил сзади к такси и начал возиться у багажника, словно собирался его открыть. Сперва бдительный, потом проворный, теперь он прямо прилип к такси, он был похож на полуголодного парнишку, одного из тех, что слонялись по вокзалам во времена королевы Виктории, а не на мальчика наших дней из хорошей семьи. Очередь с удивлением поглядывала на него. Водитель высунулся из окошка.

— Этот мальчик с вами? — спросил он.

— Мальчик? — удивился Блейкни. Он повернулся в ту сторону, куда смотрел шофер. И увидел крошечную фигурку в голубом плаще, выскользнувшую из-за такси, — мальчик метнулся через дорогу, не глядя по сторонам. Машин на проезжей части не было. На том краю дороги фигурку поглотила темнота.

— Со мной? — снова спросил Блейкни. — Нет.

Он сел в такси, назвал свой адрес и погрузился мыслями в суету прошедшего дня. Больше всего он беспокоился из-за статьи, которую обещал написать о некоторых сложных проблемах психики больного. Что это за мальчик? Может, с задворков близлежащих улиц? А не сын ли это Джири? Блейкни подсадовал, что не разглядел его получше. Может, мальчику нужно было помочь. Джири спрыгнул с поезда, он сам видел. А мальчик, видно, поехал один. Что тут долго рассуждать, надо бы поехать и разыскать его. Мал еще разгуливать по ночному городу. Но если это сын Джири, почему же он тайком подбежал к такси Блейкни? Может, хотел, чтобы тот отвез его домой, а в последний момент не решился попросить?

Отбросив прочие заботы, Морис Блейкни всю дорогу думал о сыне Джири. Он был добросердечным человеком, и сейчас ему было не по себе оттого, что он в поезде делал записи к лекции, а не попытался разыскать мальчика после того, как увидел, что его отец ни с того ни с сего спрыгнул с поезда.

— Мы слишком заняты, — бормотал он, обвиняя самого себя. — А долг, человеческий долг! У нас слишком много других забот.

Такси подъехало к его дому, Морис Блейкни попросил:

— Вы не могли бы оказать мне любезность?

— Чего? — обрезал водитель, грубости и нахальства ему было не занимать.

— Ведь вы сейчас вернетесь на вокзал, правда?

— Да, я прикреплен там к стоянке, — с сожалением ответил таксист.

— Помните мальчика, крутившегося возле такси? Вы еще спросили, со мною ли он.

— Помню.

— Пожалуйста, поищите его и, если найдете, постарайтесь усадить к себе в машину и отвезите домой. Боюсь, он заблудился. Если вы его отвезете — его родители, я хочу сказать, его мать не поскупится отблагодарить вас.

— У меня своих делов по горло, — отрезал таксист. — Боитесь, что ребенок потерялся, звоните в полицию. Они там для того и посажены.

Доктор Блейкни без лишних слов расплатился по счетчику и дал солидные чаевые.

— Хорошо, сэр, — уступил водитель. — Если я увижу его. Конечно, я не могу вылезать из машины. Просто буду поглядывать по сторонам.

— Конечно, — подхватил Морис Блейкни. — Просто смотрите по сторонам.

Такси отъехало, а он вошел в дом.

Дэвид бежал что есть духу, пока не убедился, что за ним никто не гонится. Он остановился у фонарного столба, сердце так и прыгало. Провал! Кампания против господина в очках без оправы началась с чудовищного провала. Этот господин узнал его, можно не сомневаться. Теперь будет начеку. Начеку! Но кого ему бояться? Ему ничто не грозило. Дэвид даже не знал, понятия не имел, где его искать. Какой толк надеяться, что случай сведет его с Блейкни, очень даже может быть, что он его никогда не увидит. Вот тебе и грандиозный план! Вот как ты мстишь за своего отца, которого свел с ума жулик и интриган в очках без оправы!

Он стоял, прислонясь к уличному фонарю, а мысли вертелись вокруг одного и того же. Имя, адрес. Его отец обратился к этому господину по имени, он отчетливо это помнит, но само имя напрочь вылетело. Он тогда был слишком взбудоражен и испуган, чтобы удержать его в памяти. Нет, надо взять себя в руки. Впредь — мужество, стальные нервы, спокойствие!

Думай... Думай... Имя. «Блогшоу, дайте мне побыть с моим сыном. Бруно, дайте мне побыть с моим сыном».

Как в воду кануло. В самом деле, теперь ни за что не всплывет. Сердце у него так колотилось, что уши заложило. Испытывая отвращение к самому себе, Дэвид оторвался от столба и бесцельно побрел вперед. Прошел одну грязную улочку, потом другую. Тут вроде бы широких улиц и не было. Остановился и прислушался: не долетает ли сюда шум машин, по нему он мог бы сориентироваться и выйти на какую-нибудь знакомую улицу, где есть хоть одна живая душа. Тишина. Ночь, казалось, поглотила все. Погруженный в раздумья, отчаявшийся, Дэвид брел вдоль молчаливых домов. Кое-где в окнах поблескивали голубые огоньки телевизоров. Остальные дома словно вымерли. Лишь из одного доносились звуки: играли на фортепьяно, гили и смеялись. Ему было так одиноко, но домой возвращаться не хотелось. Там никто не разделит с ним одиночества.

Долго ли он шел? Знобкий ноябрьский ветер пробирал его до мозга костей. Что же делать, что же делать? Должен ведь найтись выход.

Он снова завернул за угол. Вот оно, спасение! Блики света, люди, теплый запах масла: ого, рыба и жареная картошка! Вдруг он почувствовал, как проголодался; карман отвис под тяжестью денег, которые ему дал отец, он был богачом. Теперь он как взрослый и вообще парень не промах; он

купил себе большую порцию рыбы с картошкой, ему завернули все это в газетный кулек, и, уплетая за обе щеки, мальчик с легким сердцем продолжал свой путь. С таким держи ухо востро: всегда за себя постоит.

«Байндуид, дайте мне побыть с моим сыном. Блейкни, дайте мне побыть с...» Блейкни] Дэвид даже вскрикнул от радости. Проглотив оставшуюся картошку и выбросив пустой кулек, он ускорил шаг.

Найти вокзал, добраться до дома... это тотчас стало совсем просто — спросить у первого же встречного. Так он и сделал. Ему объяснили, совсем все несложно.

- Что-то ты припозднился, сынок, один ведь. Он снисходительно улыбнулся: — Я сейчас прямо домой.

Осторожность, спокойствие. Ничего им не говорить. Главное теперь — добраться до дому, проскользнуть наверх и притвориться, что все это время читал в своей комнате. Он мысленно представил себе эту сцену и «прорепетировал» ее. Но Анджела тебя искала. Подымалась к тебе в комнату. Анджела, верно, ослепла. Смотрела на меня и не увидела. Лжешь. Ну и пусть. Он имеет право повидаться со своим отцом, и, если нужно будет солгать, чтобы отстоять это право, он солжет.

Вокзал. Такси. Он подошел к машине и сердце его ушло в пятки. Это было то самое такси, на котором уехал Блейкни! Он узнал ленту шашечек на дверцах, узнал мягкую фетровую шляпу водителя, его настороженный взгляд. Слишком поздно.

— А, это ты, дружище. Пассажир, которого я давеча отвез, велел разыскать тебя. Ты, мол, потерялся, что ли.

— Нет, я не потерялся, — ответил Дэвид. — Я возвращаюсь домой. Не отвезете? — И он назвал свой адрес.

— Тот человек сказал, что твоя мать расплатится за проезд.

— Я сам расплачусь. У меня есть деньги. Довольный таким исходом дела, водитель согласно кивнул головой, и они покатали. Мозг Дэвида сверлила мысль: как выудить у таксиста адрес Блейкни?

— Это господин Блейкни интересовался мной, верно?

— Разве? — отвечал водитель, затягиваясь сигаретой.

— Он мой дядя. Только я забыл, где он живет.

- Если он твой дядя, — равнодушно бросил водитель, — спроси у мамы, она тебе скажет.

- Не уверен, что она знает, — робко настаивал Дэвид.

— Ну уж это ваши заботы, — отрезал водитель, тормозя у дома Дэвида. — Приехали. Девять шиллингов.

На самом деле водителю причиталось шесть, но он не ошибся, заключив, что Дэвид никогда не ездил на такси один и понятия не имеет,

какие платят чаевые. Деньги есть деньги, тут каждый сам о себе заботится. Он дал Дэвиду с десяти шиллингов два шестипенсовика сдачи и уехал.

Дэвид остановился у изгороди. Окна в комнатах были освещены, как обычно. Наверно, еще не очень поздно. Путешествие, конечно, отняло у него время — интересно, час или больше? Сейчас вряд ли намного больше восьми. Он пробрался к черному ходу. Надо проскользнуть через кухню. В такую пору там не готовят.

Он ошибся: мама встретила его клубами перегретого воздуха и возгласом удивления.

Дэвид стоял не шелохнувшись. Первое, что его поразило: мама была какая-то другая. Лицо тоньше и моложе, разумянившееся, но вовсе не такое, каким оно становится от жара газовой плиты. Даже голос, когда она произносила его имя — радостно, огорченно и жалобно, — был другим. Он не мог объяснить этого, но уже знал, когда они стояли и смотрели друг на друга, что мама теперь стала другой, теперь она не та женщина, какую он видел утром за завтраком.

А потом в кухню вошла Анджела, всем видом показывая свое негодование, а за ней — человек в очках, скуластый, смешной какой-то.

Дэвид закрыл за собой дверь. Он теперь понял: все изменилось — и в нем самом, и вокруг. Он повидался с отцом, и в их жизни началась новая глава, она будет развиваться сама по себе, независимо от его поступков и желаний. И еще — он вернулся домой, а мама стала совсем другая, Анджела ходит по кухне, будто охотник на слонов, и этот мужчина в доме. Совсем другой стал их дом. Он сразу понял.

— Где же ты был? — Элизабет Джири почти плакала. Она еще не овладела собой, да и не знала, где взять силы для этого.

— А что, разве я опоздал? — спросил Дэвид. Он поддался первому побуждению — и надерзил. Но тут же пожалел об этом. Брякнул глупость, а маме только того и надо. Ее так и прорвало: посыпались сердитые попреки и укоры.

— Послушай, Дэвид, ты всех нас заставил очень волноваться. (Нас! Всех!) Ты вернулся на несколько часов позже обычного, ты никогда еще так не запаздывал и никому не сказал ни слова. Может, у тебя были серьезные причины, ты лучше бы объяснил нам все, чем заставлять нас так волноваться, а если ты собираешься и дальше поступать так же глупо...

— Может, перейдем в гостиную, — предложил Адриан Суортмор, выглядывая из-за плеча Элизабет; он решил завладеть инициативой. — Самые неприятные сцены всегда происходят на кухне. Давайте пройдем в гостиную, сядем поудобнее и все выясним. Уверен, Дэвид не хотел заставлять нас волноваться.

Ах, ты уверен! Да неужели? Этот господин поднял в Дэвиде волну негодования. Да кто он такой?! Что ему надо было у них дома, пока Дэвид отсутствовал? Нужно спасти отца. Этот прилизанный высокомерный субъект ни за что не станет здесь командовать вместо отца.

Ветчина, которую Элизабет жарила на рашпере, стала подгорать. В носу защекотало от голубого дымка.

— О, лучше я послежу за ветчиной.

- Пускай Дэвид все расскажет мне, — предложил Адриан Суортмор. — Дэвид, ты меня не знаешь, я давнишний друг твоей мамы, мы были знакомы задолго до твоего рождения, и, если ты захочешь сказать мне, почему задержался допоздна, я попытаюсь ей все объяснить и все уладить.

Он улыбался ободряюще и доверительно, и Дэвид сразу понял: этот человек — враг куда более опасный, чем Блейкни. Ну и дела! Враги — повсюду, прямо как грибы после дождя! Он подумал так и почувствовал себя даже счастливым.

Суортмор направился в гостиную первым. Дэвид на секунду замешкался.

— Ма, мне ему говорить?

- Конечно, дорогой, — ответила она, продолжая возиться у плиты. — А мне нужно прийти в себя. Просто скажи мистеру Суортмору, в чем суть дела, а потом мы все вместе поужинаем. Где бы ты там ни пропал, есть-то наверняка хочешь.

- Нет, — гордо ответил он. — Я поел рыбы с жареной картошкой.

- Рыбы с картошкой? — Она резко выпрямилась. — Кто же тебя угостил?

— Никто. Я купил.

- И съел, — заключила она сокрушенно. — Прямо из газетного кулька, прямо на улице. А ведь знал, что я тебя здесь жду и волнуюсь. Почему ты такой злой?

— Я не хотел быть злым.

— Дэвид! — позвал Суортмор, и в его голосе едва заметно прозвучали железные нотки. Он давал понять мальчику, что тот должен повиноваться.

— Ступай, — сказала Элизабет, лицо ее сделалось каким-то тяжелым и чужим. — Расскажи обо всем, а я пока приготовлю ужин.

Дэвид поплелся в гостиную. Суортмор сидел в кресле, в кресле отца, а Анджела стояла, положив руки на спинку дивана, прямо как прокурор.

— Садись, Дэвид, — сказал Суортмор. — И вот что я тебе скажу. Нам не стоит делать из этой истории драму. Ты поступил глупо, но мы все то и дело совершаем глупые поступки. — Он улыбнулся.

— Ничего глупого я не делал, — ответил Дэвид. Суортмор поджал

губы.

— А что же ты в таком случае делал?

— Я встречался со своим отцом.

Суортмор насторожился. Он не был подготовлен к такому повороту событий. Прежде чем он решился заговорить, Анджела с яростью выпалила:

— Где?

— В Лондоне.

— Ты один ездил в Лондон?

— Пришлось одному. Если бы я попросил кого-нибудь, меня бы все равно не взяли.

Анджела пристально, с сомнением смотрела на него — правду он говорит или лжет?

— Откуда же ты узнал, где его можно найти?

— Кого найти? — переспросила Элизабет Джири, которая едва-едва пришла в себя и теперь, торопясь все узнать, явилась в гостиную с подносом.

— Он говорит, что виделся с папой.

У Элизабет подкосились ноги. Лучше бы она не входила. Кухня, которую она так спешила оставить, казалась ей сейчас приютом благословенного неведения.

— Как же он мог? — Она повернулась к Дэвиду. — Что все это значит?

— Я ездил повидаться с отцом.

Все бурлило в нем, его переполняла безумная гордость. Они все заодно, все против него. Они — вместе, а он — сам по себе. И дом этот, и эти женщины изменились за считанные часы. Этот человек, должно быть, что-то сделал с ними со всеми. Присутствие этого человека словно цементом скрепило его мать и сестру в их вражде к нему. И прекрасно. Он найдет способ разрушить этот союз. А что может быть надежнее правды?

— Дэвид, — сказала Элизабет Джири, — если ты говоришь правду, продолжай.

— А что еще добавить? Я виделся с отцом, вот где я был целый день, у него все хорошо, мы вместе пообедали, и он дал мне денег, а когда я вернулся, я сначала пошел пешком, купил себе рыбы с картошкой, а потом приехал домой на такси.

Он рассказывал и сам себе удивлялся: и все это я!

— Почему ты не сядешь, Дэвид? — включился в разговор Суортмор. У него было время собраться с мыслями, и теперь он пришел к выводу, что лучше проявить сочувствие ко всем, тогда можно будет выбраться из

щекотливой ситуации целым и невредимым. — Давай поговорим обо всем спокойно.

— Я и говорю спокойно.

— Предположим, ты действительно ездил повидать отца, — сказал Суортмор, взвешивая каждое слово, — безусловно, в этом нет ничего дурного. Ты соскучился по нему, верно?

Ярость полоснула по сердцу Дэвида, рассекла его в один миг, словно трещина — зеркало. Никто не должен совать нос в их с отцом отношения. Даже сам господь бог, и уж тем более этот господин с помятым, недоуменным лицом, рассеившийся в отцовском кресле. Он стоял накупившись и молчал.

— Дэвид, — сказала Элизабет Джири в полном отчаянии. — Я не знаю, где твой отец. Если даже я не знаю, как же узнал ты?

Дэвид мигом повернулся к ней. Теперь в его сердце не осталось жалости. Он ненавидел мать. Он с наслаждением отдал бы приказ, чтобы ее высекли, а заодно и Анджелу.

— О нем ведь говорят... — бросил он. — Ребята в школе говорят, потому что слышат, что говорят о нем их родители. Он все время проводит на Паддингтонском вокзале. И ни за что не хочет уходить оттуда. Живет в гостинице, а весь день торчит на вокзале.

— Дэвид, как могла тебе прийти в голову подобная глупость...

— Это не глупость, это правда.

— Уж кто-кто, а твой отец на такое не способен.

— С чего ты взяла? — ошетинился Дэвид.

— Дэвид, — остановил его Суортмор, решив, что пора вмешаться. — Ты уверен, что мальчик или мальчики, сказавшие тебе это, не разыгрывали тебя?

— Уверен.

— Это тебе сказал твой друг или враг?

— Это сказал мальчик по имени Джулиан Робинсон, и неважно — друг он мне или враг. Я был сегодня на вокзале, видел отца и убедился, что это правда.

Элизабет Джири застыла с подносом в руках. Потом растерянно поставила его.

— Он сам тебе сказал, что никогда не уходит с вокзала? Он сказал тебе, — она беспомощно развела руками, — что-нибудь о том, как он проводит время?

— Мальчишки говорят, что он спятил. — Дэвид вовсе не хотел говорить во весь голос, но почему-то выходило громко. — Они говорят, что он не может уйти с вокзала: у него что-то случилось с головой и он

лишится рассудка, если уйдет с вокзала, вот он никогда оттуда и не уйдет, если только его не заберут... в психушку или еще куда-нибудь.

Едва Дэвид произнес слово «психушка», из глаз его ручьем полились слезы. Он сидел забившись глубоко в кресло, и рыдал, никого и ничего больше не замечая. Рыдания его не были громкими, но они сотрясали его, душили.

Элизабет подошла утешить сына, но он оттолкнул ее, и она беспомощно опустила руки. Элизабет с мольбой посмотрела на Суортмора, а тот, хоть и понимал, что должен предпринять какие-то шаги, совершенно растерялся. Двое взрослых не решались прервать молчание. Первой заговорила Анджела. Все про нее забыли, а ее душил гнев, и теперь он прорвался.

— Как похоже на Дэвида — поверить в дурацкую историю, которую он подхватил в школе у какого-то абсолютного кретина ребенка, а потом устраивать дома сцены и рыдать на глазах у всех.

— Замолчи, Анджела. Нельзя быть злой.

— Ничего себе! Я — злая. А Дэвид тогда какой?

Она хотела сказать, что Дэвид испортил что-то очень важное. Этот удивительный вечер, приход Суортмора, человека, лицо которого знают миллионы, оно сейчас сияло для нее, и предчувствие чего-то невероятного, влечение ее мамы к этому незнакомому мужчине; Анджела и не подозревала о том, что с ней сейчас творится, а объясни ей кто-нибудь, она бы отчаянно засмушалась; в воздухе было нечто такое, что Анджела волея-неволей чувала — словно запах тропического цветка: это сулило перемены в ее полной событиями жизни, приключение, посвящение в тайну, это необходимо ей, после скучного детства она имеет на такую перемену полное право, а тут противный Дэвид встрял; его отсутствие объединяло их, его присутствие — угнетало. По ее сценарию ему надлежало попасть в беду, конечно не утонуть или угодить под машину, ей вовсе не нужна была смерть брата, но уж если он исчез — так исчез: убежал бы из дому, его бы искала полиция и после долгих поисков нашла бы под забором умирающим от голода.

— Дэвид хуже чем злой, — сказала она. — Ведет себя как глупый, слезливый ребенок.

Пока что в ее лексиконе это слово было самым обидным. Произнеся его, она замолкла. Потрясла головой и вышла из комнаты, вскидывая ноги, как жеребенок.

— Дэвид, — предложил Суортмор, стараясь, чтобы его голос звучал как можно ласковее, — неплохо бы тебе лечь в постель, как ты считаешь? Пойди отдохни, а мы с мамой обсудим то, что услышали от тебя.

Ненависть в Дэвиде была сильнее горя. Какое право имеет этот человек обсуждать папино несчастье? С кем бы то ни было, тем более с мамой?

Он больше не плакал и с ненавистью взглянул на Суортмора.

— А вы остаетесь?

Суортмор подарил ему непринужденную улыбку.

— Не волнуйся. Я проведу у вас только вечер. И скоро вернусь в Лондон.

— О, не уезжайте, — вырвалось у Элизабет Джири.

Ее возглас всех удивил, саму ее — не меньше остальных. У нее это получилось чисто импульсивно. Слова сорвались с губ помимо ее воли. Пока они не были произнесены, она даже не подозревала, как сильно ей хотелось, чтобы Суортмор остался и защитил ее, как сильно она боялась той минуты, когда он уйдет и дом снова останется без мужчины.

— Дэвид, — повернулась она к сыну, пытаясь скрыть смущение, — иди спать, а я принесу тебе горячего молока. Не огорчайся, дорогой. Тебя все это слишком расстроило, но увидишь — все уладится.

- И папа так сказал, — угрюмо буркнул Дэвид. Однако встал с дивана и вышел, даже не взглянув на Суортмора.

Элизабет не решилась упрекнуть сына за эту грубость. Она поняла вдруг, что он еще уязвимее, чем она сама.

— А теперь, — воскликнул Суортмор, довольный, что все снова на своих местах и с уходом детей он опять может управлять событиями. — Давайте поедим как следует. Я так проголодался.

— Я накормлю вас, — ответила она бесцветным голосом. И лицо ее тоже ничего не выражало: жизненные силы покинули ее, их хватало только на заученные действия.

Ай да умница Суортмор, покоритель женщин, словно в воду глядел. Пусть ее похлопочет, принесет еду, повернется вокруг него, а там, глядишь, и кровь заиграет в жилах. Ей ведь было над чем призадуматься, и он готов был помочь ей, но он ничего не мог предпринять, пока она не подчинится ему. Он стремился прийти ей на помощь и в то же время имел на нее виды, хотел завладеть ею, чтобы она стала беспомощной, безвольной, обессиленной, дрожащей, стала его женщиной; и эти два желания слились в нем воедино и одновременно обуревали его.

Элизабет поставила перед Суортмором яйца с ветчиной, извинилась, что не может составить ему компанию — кусок в горло не лезет, — и понесла наверх Дэвиду горячее молоко. Он уже крепко спал. Или притворялся? Она поставила чашку на столик и низко наклонилась над сыном. Нет, в самом деле спит. Он, должно быть, как только донес голову

до подушки, буквально провалился — сработал защитный рефлекс здорового ребенка. Он забылся, убежал от неприятностей, навалившихся на него, в зеленую пелену сновидений. Анджела с рассерженным видом бродила по своей комнате. Элизабет решила не заходить к ней. Она пока дочери не помощник — сама еле на ногах держится. Тихо закрыв дверь комнаты Дэвида, она сошла вниз к Адриану Суортмору.

Тот повернул к ней лицо — честное, открытое, ничем не омраченное.

— Элизабет, у вас есть свободная комната, чтобы я мог переночевать?

— Да, — ответила она и подумала: небо вняло ее мольбам.

— Вы не будете ужинать? — продолжал он, спеша разделаться с ненужными формальностями и перейти прямо к делу.

— Не хочется. Выпью чаю.

— Прекрасно. Давайте выпьем вместе. Но перед тем как вы поставите чайник, подскажите мне, кому я могу позвонить, чтобы проверить всю эту историю, касающуюся вашего мужа.

— А разве надо проверять?

— Безусловно. Потому что, если все так на самом деле, вы должны будете что-то предпринять.

— Вы правы. Но меня эта история доконает. По мне, пусть будет что будет. Что я изменю?

— Я понимаю вас, Элизабет, но взгляните на все с другой стороны. Если у него действительно нервное потрясение, тогда понятно, почему он совершил такую глупость — ушел от вас. Положению женщины, от которой ушел муж, не позавидуешь. Но если он душевнобольной, если ему нужна врачебная помощь, тогда ему уже не до жены. И развод в этом случае — не ее вина.

— Возможно, они скажут, что это я свела его с ума.

— Проследите за событиями несколько дальше. Допустим, вы захотите развестись с ним; если он невменяем, это не составит никакого труда.

— Но зачем впутывать меня во все это? Вменяем он или нет, я-то здесь при чем? Очень скоро выяснится, что с ним, и, если он невменяем, его изолируют.

— Не согласен. Совсем не обязательно, что это

произойдет скоро. В таком состоянии он может продержаться месяцы — тихое помешательство, и все, а покуда на людях он ведет себя нормально, не скандалит и не кричит в общественных местах, так может тянуться, пока у него не кончатся деньги и его не выбросят из гостиницы. А тем временем все будут судачить по этому поводу. Представьте себе, что ждет Дэвида в школе. Там и сейчас для него ад кромешный, раз он решился

сесть в поезд и отправиться на Паддингтонский вокзал.

— Джулиан Робинсон, — произнесла Элизабет, ее голос оставался грустным и отрешенным. — Его родители — Филип и Дженифер Робинсон. — На имена у нее была великолепная память. — В телефонной книжке записан их номер. Если хотите звонить, звоните прямо сейчас, пока я на кухне. Я в принципе выносливая, но на сегодня с меня хватит.

— Понятно, — посерьезнев, сказал он ей. — Я и хочу избавить вас от лишних страданий.

Она взглянула на него с искренней благодарностью, которую не могла погасить усталость, и вышла на кухню. Как только она удалилась, Суортмор принялся быстро листать телефонную книжку. Вот она, золотая жила. Теперь есть с чем прийти к Бену. Какой типаж для программы новостей! Известный ученый (если пока и неизвестный, то скоро им станет) поселился на Паддингтонском вокзале. Одинокий человек, сбежавший с передовой линии науки. Или по-другому: куда идет человечество? Известный ученый чувствует себя дома только среди тех, кто в пути.

— Может, он просто псих. Но какое получится интервью!

— Алло?

— Могу я поговорить с Филипом Робинсоном?

— Слушаю.

— Мистер Робинсон, мы с вами незнакомы. Меня зовут Адриан Суортмор.

— Да? — Робинсон довольно редко смотрел телевизор, имя ему показалось знакомым, но...

— Вы, думаю, поймете, по какому вопросу я беспокою вас, если я скажу, что звоню из дома миссис Элизабет Джири.

— Элизабет Джири? — Мысли Робинсона, словно стрелка компаса, пометались и приняли нужное направление. — Жена Артура Джири?

— Совершенно верно. Жена Артура Джири. Она очень обеспокоена, господин Робинсон.

- И вы хотите навести справки об Артуре Джири?

— Верно. Миссис Джири очень серьезно обеспокоена дошедшими до нее странными слухами. Я ее давний друг, и хочу помочь ей, и, чтобы освободить ее от излишних волнений, навожу справки сам. Вы не скажете, как себя чувствует сейчас Артур Джири и где он находится?

Скверно, что не захватил магнитофона, а то бы подключил к телефону. Но всего не предусмотреть.

Робинсон вкратце рассказал, что ему известно о Джири, а под конец сообщил, что обратился за консультацией к доктору Морису Блейкни. Пришлось объяснить Суортмору, кто такой Блейкни, и, как только

Суортмор все понял, он рассыпался перед Робинсоном в благодарностях. Ему не терпелось закончить разговор и набрать номер доктора Блейкни.

Блейкни, отдыхая после обеда, курил сигару. Трубку он взял нехотя. Но, узнав о цели звонка Суортмора, насторожился, и к нему тотчас вернулась его деловитость.

— Да, я знаю человека, о котором вы говорите. Меня неофициально попросили повидаться с ним. Конечно, речь шла не о том, чтобы поставить медицинский диагноз. Просто его друг, бывший коллега...

— Филип Робинсон, — подсказал Суортмор.

— А, вы знаете. Да, Робинсон повстречал Джири на Паддингтонском вокзале. Сказал мне, что он какой-то странный, и попросил взглянуть на него. Я побеседовал с Джири сегодня утром в гостинице, и ждал, что Робинсон позвонит мне справиться о результатах, но он еще не позвонил.

— Зато позвонил я, — ответил Суортмор. — Я давний друг Элизабет Джири и помогаю ей разобраться во всем этом.

— Элизабет Джири? Жена? Ясно. Но я мало что могу сообщить вам. При таких обстоятельствах много я и не смог бы узнать. У Джири явные признаки нервного истощения. Я сразу понял, как только повстречался с ним утром. Его объяснения так логичны, что не подкопаешься. Он слишком старается скрыть, что чем-то сильно расстроен, но в глубине души он совсем убит. Не надо быть специалистом, чтобы заметить это. Днем я видел его еще раз. Не знаю, уходит ли он когда-нибудь с вокзала, но сегодня утром и днем часа в четыре он был там. Вместе с сыном. Кстати, мальчик благополучно добрался до дома?

— Вы видели их вместе? — спросил Суортмор. Его взволновал этот новый поворот дела. — Как себя вел Джири?

— Конечно, при мальчике он не был так замкнут и скован; меня он увидел неожиданно и очень смутился. Настолько выбился из колеи, что даже не способен был держаться со мною вежливо.

Суортмор услышал, как вошла Элизабет с чайным подносом. Ничего, пусть будет в курсе дела. Он не мог прервать разговор.

— Почему же, как вы думаете? — спросил он, крепче сжав трубку, словно боялся, что ее отберут. — Почему это так его потрясло?

— Судя по всему, он боится, что за ним следят. Возможно, чувство вины из-за того, что он оставил жену и детей. А может, что-нибудь другое, подспудное. Но что именно, не могу сказать, пока не понаблюдаю за ним.

— А это возможно?

— Думаю, нет, — ответил Блейкни. — Я ведь делаю только то, о чем меня просят, а никто не просил меня лечить Джири. Если его состояние ухудшится, он может попасть в психиатрическую больницу, а там за ним

будет наблюдать специалист...

— Думаете, оно ухудшится?

— Ничего не могу сейчас сказать.

- А если нет? Если он останется в теперешнем состоянии?

— Нет, не останется, — с мрачной категоричностью ответил Блейкни.

— Ему сделается или лучше, или хуже. Не исключено, что самое правильное сейчас — оставить его в покое. Мне лично не хотелось бы теперь мешать ему.

— Эта история, как вы понимаете, весьма тревожит его близких и друзей.

— Если его близкие и друзья тревожатся, — произнес Блейкни слегка высокомерным и небрежным тоном, — они могут поручить кому-нибудь следить за ним, чтобы он не бросился под поезд. А кроме этого, нам, думаю, ничего не нужно предпринимать. Люди, как правило, попадают в стресс, а потом выбираются из него без чужой помощи. Мозг человека, как и тело, обладает способностью освобождаться от инфекции. А это — самый лучший исход.

— Благодарю вас, доктор Блейкни, — сказал Суортмор. — Вы оказали нам добрую услугу тем, что откликнулись на случившееся. Мы вам чрезвычайно признательны;

И они вежливо распрощались. Суортмор положил трубку.

- Легкая инфекция в мозгу, — сказал он скорее себе, чем Элизабет.

— В чем дело? — спросила Элизабет. Разливая чай, она низко склонилась над чашками, чтобы скрыть волнение и страх.

- Как я понял, этот Филип Робинсон, сын которого был так мил с Дэвидом, связался с неким доктором Морисом Блейкни.

— Он ведущий врач у Грейсона. — Теперь она испугалась не на шутку.

— Дорогая, не надо так пугаться слова «Грейсон», — сказал Суортмор. — Робинсон просто попросил Блейкни повидаться с Артуром, взглянуть, в каком он состоянии, и решить, действительно ли его поступки ненормальны. Блейкни так и сделал и пришел к выводу, что причин бить тревогу нет.

— Очень мило с его стороны. Нынешние врачи так бессердечны.

— Тем не менее, похоже, он прав.

— А Дэвид сказал, что Артур на самом деле сошел с ума, — сквозь слезы проговорила она.

— Дэвид — десятилетний мальчик, его вся эта история просто выбила из колеи.

— Адриан, что же мне делать?

— Во-первых, идите сюда. — Они сели на диван, и Суортмор взял ее за руку. — Элизабет, я помогу вам разделаться с этой историей. — И затащу тебя в постель, подумал он. После стольких передрыг получишь удовольствие высшего класса. — Артур на Паддингтонском вокзале. Доктор считает, что его можно без всякого риска оставить там, надо только за Ним присматривать.

Она согласно кивнула.

— Но кто же станет присматривать?

— Я. Я сам. И попрошу кое-кого помочь мне.

— Пожалуйста, Адриан, не впутывайте в эту историю много посторонних.

— Я же не сказал «много». У меня есть один-два подчиненных, которым я доверяю, они — могила. А если выяснится, что работа эта действительно трудоемкая, найму детектива из какой-нибудь частной фирмы, снискавшей себе хорошую репутацию и умеющей хранить секреты. В любом случае ничто не выльется наружу, никто не будет задет или обижен. Задача ведь проста — следить, чтобы Артур не причинил себе вреда. До тех пор пока...

— Пока что?

Он повернулся к ней.

— Доктор Блейкни говорит, что ему станет или лучше, или хуже. Нечего сказать, точный прогноз для больного. Если ему станет лучше, он уйдет с вокзала, вернется к людям, в общество, тогда мы облегченно вздохнем, и вся история на этом кончится. — Черта с два. Не раньше, чем он сослужит мне добрую службу для Бена, думал тем временем Суортмор. — А если ему станет хуже, мы тщательно продумаем, как быть.

— Нет что же делать, если ему сделается хуже?

— Элизабет, у вас сейчас трудное время. Если — что

бог не допустит, и я всерьез не думаю о таком исходе — ваш муж окажется тяжелобольным, ему нужен будет уход, как всякому больному. В любом случае, это не зависит ни от вас, ни от меня. И сейчас, когда все ждут, как развернутся события, от вас требуются только выдержка и присутствие духа.

— И сейчас, — сказала она мягко, — некая сила послала мне в помощь вас.

— Да, — засмеялся он. — Сила по имени Пелт. — Он вскочил. — Боже мой! Я же совсем забыл о нем!

Он начал торопливо листать справочник, разыскивая телефон ресторана, потом попросил позвать мистера Пелта, подождал, пока за ним сходят, затем серьезно и доверительно объяснил приглушенным голосом:

— Ее нельзя оставить в беде. Здесь все очень сложно. Уверен, вы поймете меня правильно. Хотите обсудить что-нибудь со мной?.. Может, встретимся в городе? В следующую среду? Прекрасно.

Отделавшись от Пелта, он вернулся в гостиную спокойный и беспечный.

— А теперь, Элизабет (о, с какой непринужденностью он это произнес! Так говорят со старым другом, с настоящим другом!), доверьтесь мне, поделитесь со мной, что вы на самом деле думаете об этом?

— Обо всем этом?

— О вашем муже, о его уходе из дома, о его villeggiatura¹ на вокзале, о слухах насчет его невменяемости, о том, как это сказалось на вас и ваших детях, обо всем этом. Расскажите!

¹ Здесь: отдых (итал.).

— Я ведь не католичка, Адриан, — ответила она, — а если и была бы ею, вы — не мой духовник.

Он с удовлетворением отметил про себя, что в ней еще остались силы сопротивляться.

— И тем не менее я хочу знать, — настаивал он. — Хочу понять происходящее до конца. Меня ведь беспокоит ваша судьба.

— Почему, Адриан?

— Потому что вы всегда мне очень нравились, хотя жизнь разлучила нас. А теперь она снова свела нас, и вы — в беде.

— Иными словами, вам жаль меня, как жаль любую другую старушку, невезучую, прикованную ревматизмом к креслу.

— Элизабет, не надо язвить. Люди любят вас за ваши достоинства. И если вам хотят помочь, так это оттого, что вы достойны помощи.

— О Адриан. — На затуманенном лице пробилась улыбка. — Мне так хотелось бы в это верить.

— Разрешаю вам поверить. Это правда.

— Что же мне делать с детьми, Адриан?

— Оставьте их в покое. У них свой круг интересов, дающий им жизнестойкость. Девочка вот-вот увлечется мальчиками, и на уме у нее будет только одно — как бы выскочить замуж. А потом у нее начнутся свои заботы. А Дэвид...

— Меня тревожит именно Дэвид. Почему он поехал сегодня к Артуру и не сказал мне ни слова?

— Очень просто. Если бы он что-нибудь сказал вам, вы бы не пустили его. Возможно, он подсознательно чувствовал, что вы станете ревновать его

за то, что он установил какие-то отношения с отцом, когда у вас с ним все порвано. — Суортмор замолчал и пристально посмотрел на нее. — Он ведь не ошибся, Элизабет?

Она медленно покачала головой.

— В глубине души я смирилась, что между мной и Артуром все кончено. Я знаю, он не вернется.

— Почему вы в этом уверены?

— Потому что последние пять лет мы все глубже и глубже забивались каждый в свою нору. Под конец я совсем перестала понимать его.

— И чья в этом вина?

— Трудно сказать. Казалось, он где-то, куда мне доступ закрыт. Возможно, будь я другой, мне бы удалось понять его. Он никогда не умел говорить о своей работе и оттого был одинок. Думаю, это — главная причина.

— Почему же он не умел рассказывать о своей работе? Она слишком сложная?

— Для непосвященных — да, но, даже когда он встречал людей, которые поняли бы его, он и тогда не мог им ничего рассказать. Он всегда был замкнут.

— Почему же?

— Сразу после войны он занимался секретными исследованиями. Ему разрешалось обсуждать свою работу лишь с несколькими коллегами, и то при закрытых дверях. И вот однажды, году в пятьдесят первом, он пришел домой и сказал, что его рассекретили, что теперь его исследования носят иной характер и он, если захочет, может рассказывать о них другим. Но почему-то он никогда этого не делал.

— У него были близкие друзья?

— Раньше он был очень близок со своим старшим братом. Но тот уехал в Новую Зеландию, и Артур не видел его лет десять. Он часто поговаривал, что съездит к нему на рождество или еще в какой-нибудь праздник, но, когда праздник наступал, получалось, что такие расходы нам не по карману.

— А кто еще?

— У него был очень близкий друг, еще по колледжу, Джеффри Уинтерс. Но Джеффри умер года три назад.

— При грустных обстоятельствах?

— Полагают, что он покончил с собой.

Они замолчали, представляя себе, как Артур Джири бродит по грязным платформам и думает о своем погибшем друге. Их дружба оказалась недостаточно крепкой, чтобы удержать Джеффри на земле. Он

высвободился, и ветер унес его на небеса. С тех пор Артур не заводил друзей.

— Он любит детей?

— По-моему, очень. Конечно, теперь они не так близки, как раньше, когда дети были маленькими. Но Дэвид очень тянется к нему, это правда.

Адриан Суортмор помрачнел, на душе стало тяжело и мутно. Да, старина Джири, по крайней мере одному человеку ты понадобишься. Твой побег на вокзал — сюжет, который я ищу; мне нужна сенсация, способная поднять мой авторитет в глазах Бена. А то, что ты смылся отсюда и бросил свою еще миленькую жену, — тоже неплохо, она тепленькой попадет прямиком ко мне.

Он повернулся к Элизабет.

— Не унывайте, Элизабет. Ведь жизнь не кончена. Эти горести — они пройдут. Подумайте немного о себе, поживите для себя.

Он привлек ее к себе и хотел поцеловать, но тут на лестнице послышались шаги Анджелы.

— Мам, — сказала она, с вызовом кивая на дверь, — я уйду.

— Что ты, девочка! Так поздно?

— Пойду к Хейзел, — раздраженно бросила она.

— В такой час? Одна?

— Отпустите ее, — тихо произнес Суортмор.

— Как можно, девочка, — продолжала Элизабет, не обращая внимания на слова Суортмора. — Неужели ты пойдешь к Хейзел в такое время? Она, наверное, уже спит!

Анджела усмехнулась.

— Хейзел никогда не ложится раньше двенадцати. Она просто сидит у себя в комнате, читает и слушает пластинки. У нее шикарные пластинки, я себе не могу купить такие. Ей будет приятно, если я загляну к ней.

— Но как же так, — растерянно продолжала Элизабет.

— Послушай, мама, ты же знаешь, где она живет. Через две улицы.

— Идите, Анджела, — кивнул Суортмор. — Вам полезно сейчас пройтись.

— Как вы смеете! — Элизабет повернулась к нему, вспыхнув от искреннего негодования.

Но Анджела предпочла подчиниться авторитету Суортмора — вскинула голову и вышла. Хлопнула входная дверь.

— Не смейте обращаться со мной так, словно я пустое место, — сказала Элизабет.

— У меня такого и в мыслях не было. — Суортмор не собирался признавать свою вину. — Я обращаюсь с вами как с личностью. И весьма

незаурядной личностью. Просто я подумал, что будет очень кстати, если Анджела немного проветрится. Я имею в виду, для нас.

Она встала.

— И для того, чтобы остаться со мной, вы готовы позволить пятнадцатилетней девочке тащиться среди ночи одной через весь город?

— Сядьте. — Суортмор потянул ее к себе. — Две улицы — это же не весь город.

Он схватил Элизабет за руку, но она вырвала ее и бросилась к дверям. Он услышал ее шаги в холле, потом стук входной двери.

— Анджела! — кричала Элизабет в сырую мглу. — Анджела! Сейчас же вернись!

Она едва успела ее нагнать. Девочка была уже у ворот, через несколько секунд тьма поглотила бы ее, и, хотя она услышала бы зов матери и сердце ее запрыгало бы от волнения, она ни за что бы не вернулась. Но сейчас мать ее видела, а власть Элизабет над Анджелой была слишком велика. Девочка не могла ослушаться — так вот просто, прямо у нее на виду.

Ее рука, взявшаяся за щеколду калитки, упала, она постояла немного, потом повернулась и пошла обратно к дому. Только в глазах, которые она упорно прятала от матери, затаился гнев.

Элизабет молча пропустила Анджелу вперед, закрыла дверь, и обе вернулись в тепло и свет дома, где все подчинялось здравому смыслу и где им ничто не угрожало.

— Вот и хорошо, детка, — бодро сказала Элизабет. — Жаль, что мне пришлось выбежать и звать тебя, но я ведь не разрешила тебе уходить к Хейзел, хочешь поговорить с ней — позвони.

Анджела прошла через холл, не поворачивая к матери головы, словно вовсе ее не слышала. У лестницы оглянулась, уже держась одной рукой за перила, и бросила:

— Я пойду спать.

— Пойди скажи «спокойной ночи» мистеру Суортмору, — все тем же бодрым тоном сказала Элизабет.

Анджела метнула на нее полный презрения взгляд. (Между нами война, а ты хочешь, чтобы я соблюдала приличия!) Не проронив ни слова, она повернулась и пошла к себе наверх.

Элизабет стремительно возвратилась в гостиную, стуча каблуками по дубовому паркету. Она была рассержена, чересчур рассержена! Суортмор предложил ей свою помощь, поддержку, пожелал освободить ее от тисков этого страшного напряжения. И, естественно, она приняла его намерения с открытым сердцем. А он, оказывается, вот каков! Решил пожить за ее

счет!

Суортмор поднялся, как только Элизабет появилась в гостиной. Он пребывал в некоторой растерянности. Быть с ней ласковым? Или же идти напролом и заставить ее сдаться?

— Элизабет, не надо...

— Не думаю, Адриан, — прервала она его, — что стоит продолжать этот спектакль. Настроение испорчено, вы согласны со мной?

- Разбито вдребезги, — криво усмехнулся он.

— Это, наверное, то же самое. Как-то все не так пошло. Полагаю, что, появившись в моем доме, вы искренне хотели оказать мне дружескую помощь. А потом вам пришло в голову, что одинокая, беспомощная, брошенная мужем женщина не будет возражать, если по отношению к ней позволят что-нибудь сверх того, надо только избавиться от ее дочери.

- Забудьте об этом, Элизабет. — Суортмор пошел на попятный. — И никогда не вспоминайте.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, глаза его лучились искренностью, которую ему ничего не стоило изобразить.

— Согласна, — сказала она наконец. — Мы вычеркнем из протокола последние четыре строки. Только не думайте, что я не благодарна вам, Адриан.

Тем не менее она вышла приготовить ему комнату. Инцидент, решила она, исчерпан. Суортмор прошелся по гостиной в поисках виски с содовой, хмуро выпил неразбавленным. Сучка кичливая! Как цементом залепили, ни одной лазейки не найдешь! Не мудрено, что муж у нее свихнулся — довела. Да и тот тип не лучше. Залез в свою скорлупку, прячется от всех. Они оба бесили Суортмора. Почему эта идиотка отказалась чуть-чуть развлечься? Интересно, для кого это она себя бережет? Уж не думает ли, что за такой старухой мужчины станут выстраиваться в очередь? Надо бы ее проучить, позабавиться хорошенько с ее рыжеволосой дочкой.

Все шло своим чередом. Артур Джири находился на Паддингтонском вокзале, и камеры телевизионной компании «Консолидейтед телевижн» скоро возьмут его под наблюдение.

Элизабет вернулась сказать, что комната готова. Суортмор поблагодарил ее, они пожелали друг другу спокойной ночи, с улыбкой, как старые добрые друзья, но комнату, где он лег спать, надев пижаму Артура Джири, всю захлестнуло его ненавистью.

А потом ночь окутала дом. И все четверо — каждый в своем отсеке из кирпича и штукатурки, в убежище, где обитают мечты и тревоги, — забылись беспокойным сном. Девочка и мужчина злились, каждый по-

своему и по разным поводам. Женщина была в растерянности, тонкие иглы страстного нетерпения пронзали ее — она терзалась желаниями жгучими и противоречивыми. Она хотела, чтобы ею распоряжались, властвовали над ней, и одновременно хотела, чтобы ее оставили в покое, а еще хотела властвовать сама, и еще — чтобы ее любили и жалели. Ее раны никогда не заживут, жизнь кончена. А мальчик, тот был охвачен паническим ужасом.

Потому что панический ужас способен настичь свою жертву и в глубоком сне и увлечь ее за собой — вот Дэвид и проснулся вскоре после полуночи. И в его мозгу, в пробудившемся сознании тотчас всплыл страшный, чудовищный факт. Его отцу причинили боль. У него переломаны ребра. Дэвид лежал в темноте и вновь переживал ту минуту, когда отец вдруг скинул пиджак и рубашку и он увидел серый панцирь пластыря на его теле. Думая об этом, он представлял себе еще и переломанные кости. Грустно, грустно. Это же тело отца. Тело, которое дало ему жизнь, когда отец занимался этим с мамой и превратил его во что-то живое, вроде как в головастика. А теперь два эти тела разлучили, их жар погас, и отец его — один, на чужой кровати, ему так плохо там, и у него сломаны ребра.

Упал с лестницы? Но ведь отец никогда не был неуклюж. Корка банана? Так ли? Он, Дэвид, должен был защитить его. Кругом враги. Лицо Блейкни, его высокомерная улыбка всплыли в памяти Дэвида. Враги, мощные и бесстыдные, они способны напасть на его отца, переломать ему кости, изуродовать его.

Глотая слезы, Дэвид осторожно поднялся и пошел через коридор к маминой комнате. Элизабет Джири спала в постели, которую раньше делила с Артуром Джири. Когда Дэвид был маленьким, стоило мраку окружить его тенями страха, он норовил нырнуть между мамой и папой. Бывало, шел тихонько к их кровати и ложился, приткнувшись спиной к маме или к папе — смотря кто оказывался с краю. Тогда страх отступал, и Дэвид успокаивался.

Теперь Дэвид был взрослее, он больше так не делал. Страхи в темной детской улетучились, зато появились другие, эти пришли навечно, они никогда не исчезнут, так и придется жить с ними всю жизнь. Он был готов к этому. Но сейчас его гнал к маме, к мягким линиям ее фигуры не страх, его гнала тоска. Тоска оттого, что они одиноки, а тело отца изуродовано.

Едва Дэвид придвинулся к Элизабет, она проснулась. На миг она вся напряглась, готовая оказать сопротивление. Что-то в ней, нет, не ум, а какой-то уголок подсознания, слишком примитивного, чтобы найти объяснение происходящему, било тревогу: берегись, это, возможно, тот самый мужчина, которому ты легкомысленно доверилась. Но через секунду

она поняла, что это Дэвид, и тело ее снова обмякло.

— Что такое, мальчик? Что-нибудь случилось? Дэвид уткнулся ей в плечо.

— Милый, ты плачешь. Успокойся, родненький.

Ее защитная кора дала трещину, нет, даже не память, а все ее существо всколыхнулось, и она, крепко прижав к себе сына, уложила его рядом с собой, в свою неуютную постель.

Дэвид пытался найти слова. Он хотел сказать ей, что отцу причинили боль, что у него есть враги, поломавшие ему ребра, что в больнице ему наложили пластырь, и он все время в этом пластыре, и потому от пота у него зудит кожа. Но, как только мамины руки сомкнулись вокруг него, что-то словно щелкнуло внутри — панический ужас куда-то исчез, и он тотчас заснул.

А в комнате для гостей беспокойно ерзал на подушке Суортмор, его спящее лицо дышало злобой.

Будильник у кровати Элизабет Джири затрезвонил в семь тридцать, Дэвид был в маминой постели, и они крепко спали. Элизабет проснулась с тяжестью на сердце. Она знала, что-то не так, знала еще до того, как вспомнила, что именно не так. А потом вспомнила. В доме находился Адриан Суортмор, словно ей мало того, что на нее свалилось, — еще и с ним надо было разбираться с самого утра.

Она встала, собрала вещи, чтобы пойти в ванную. Дэвид заворочался и проснулся.

— Привет, — робко произнес он. При свете дня ему было немного не по себе, что он в маминой постели.

— Здравствуй, дорогой, — с привычной ласковостью откликнулась Элизабет. Она не придавала особенного значения тому, что он спал в ее постели.

— Пора вставать?

— Полежи пока, ты ведь еще сонный. Я пойду приму душ, оденусь; ванна освободится, и ты тоже умоешься.

Она направилась было к двери, прихватив одежду, потом вернулась, достала халат и надела его. Обычно она ходила по коридору в одной ночной рубашке, а сегодня — другое дело. Суортмор.

Она ступала почти неслышно, но, когда шла мимо его комнаты, он тем не менее слышал ее шаги. Он лежал на спине, скрестив руки под головой. Бледный утренний свет падал на его лицо, поросшее седоватой щетиной.

Ишь, пошла себе, дрянь, думал он. Чертовски неудобно, что день начинается не в городе, а здесь. Теперь половина утра пропадет в дороге.

Он вспомнил, что поезд прибывает на Паддингтонский вокзал. Его добыча. Джири. Надо будет взглянуть на него. Лежа на спине, Адриан Суортмор принялся размышлять. Размышлял хладнокровно, в тишине мысль работала выверенно, с небывалой энергией. Воздух в комнате был чист и свеж, Адриан отлично себя чувствовал. Удача идет прямо в руки.

Он поднялся, подошел к зеркалу, причесался, посмотрел белки глаз, отметил, что седины на щеках прибавилось, оглядел себя всего. Неплохо. Он еще не стар. Энергия так и бьет ключом. Он услышал звук льющейся воды за стеной в ванной, представил себе голую Элизабет Джири, но эта картина не взволновала его. Подумаешь, одна улизнула, зато остальных — пруд пруди, и куда более аппетитных. Он решил добраться до самой вершины, а там курочки только и ждут, чтобы их подцепили. Он еще не достиг вершины, лучше честно сознаться себе в этом. Он, конечно, высоко, но еще не на самом пике. Вот сделает сенсационную многосерийную передачу, тогда и окажется там, а для этого надо завоевать Бена Уорбла, а значит, заполучить первоклассный материал, и таким материалом был Джири. Итак, его цель — Джири/ а он — охотник. Все просто как дважды два.

Мягко ступая, Элизабет Джири вернулась к себе. Затем он услышал, как в ванную пробежал мальчишка, поплескался немного и побежал назад. Через несколько минут мальчишка постучал в комнату Адриана — он был уже одет и стоял на пороге с чашкой чая для гостя. Ох уж эти знаки внимания, ни на минуту о них не забывают. Ох уж эти знаки внимания представителей среднего класса. Овладей я ею на коврик у камина, размышлял Суортмор, прихлебывая чай, все равно утром мне бы подали чашку чая и отвезли на вокзал.

Мальчишка сказал, что ванная свободна. Адриан поставил пустую чашку на столик, открыл дверь и вышел в коридор. Поверх пижамы он надел тонкий халат Джири. Он помылся в ванной, почистил зубы щеткой, которую приготовила для него Элизабет Джири, — новенькой, завернута была в целлофан. Все те же знаки внимания. Нежданный гость, оставшийся в доме на ночь, не должен выходить утром к завтраку с налетом на зубах, скопившимся за сутки. Но бритвы не было. Джири свою забрал, а Элизабет в отличие от многих женщин бритвой не пользовалась.

Одежду свою он оставил в комнате. Он надел на голое тело халат Джири и взял свою пижаму, вернее пижаму Джири. Ему лень было ее натягивать. Халат прикроет наготу, идти тут всего ничего, да и никого нет.

Он открыл дверь. По коридору навстречу ему шла Анджела Джири, ее плотно облегал халатик, личико заспанное, она еще не совсем проснулась. Адриан Суортмор стоял как вкопанный, пока она не приблизилась к нему

чуть ли не вплотную. Им внезапно овладело вожделение. Он ждал, когда это чистое юное существо окажется рядом! Без стеснения, открыто, что удивило его, он испытывал удовольствие оттого, что его голое тело скрывает от ее глаз лишь тонкий легкий халат. Суортмор ощущал себя хозяином положения.

— О, доброе утро, — еле слышно произнес он. Он понимал, что она увидела пижаму у него в руках, понимал, что она смущена — рядом с ней, совсем близко, мужчина.

— Доброе утро, — ответила Анджела, мельком взглянув ему в глаза и тут же отведя взгляд, голосок ее был не совсем детским.

— Все тихо после вчерашней бури, — доверительно сообщил он ей. — Порядок восстановлен. Да?

— Благодаря вам, — смущенно ответила она. Ее робость возбуждала его. Он хотел впиться в нее, распотрошить ее всю, так чтобы на ее белой коже остались следы от его щетины.

Видя, что Адриан не уступает ей дорогу, она повернула было обратно к себе. Но он опередил ее, проскользнул мимо и на пороге своей комнаты пробормотал извинения:

— Простите. Я еще толком не проснулся.

Я никогда не был так бодр, думал он, скидывая с себя халат. Ладно, не она, так другая. И очень скоро.

Он быстро оделся. Капитан, король, человек, распоряжающийся событиями. Небритые скулы и подбородок делали его еще более мужественным, более земным. Ну-ка, посторонитесь, я и так долго ждал своего часа. Хм, я все правильно рассчитал. И не собираюсь останавливаться, не добравшись до вершины, до самой вершины, до пика. Он дал себе слово: через двенадцать месяцев у тебя будет все, что пожелаешь, все.

В столовой Дэвид заканчивал завтрак. Элизабет была сама любезность — положила Суортмору половинку грейпфрута и пошла варить ему яйцо. Решила забыть о его бестактности. Он усмехался, жуя грейпфрут. Мальчишка вежливо извинился — ему пора в школу.

Элизабет возвратилась с яйцом. Сверху спустилась Анджела и тоже села к столу, так они и сидели, словно хорошо воспитанные незнакомцы. Анджела, уже в школьной форме, старалась не глядеть на него, обмениваясь с матерью привычными фразами. Суортмор ел, исподтишка наблюдая за ней. Нельзя отпускать ее, а то она снова забьется в свою скорлупу. Она нужна ему. Как только Элизабет отлучилась, Суортмор поспешил воспользоваться ситуацией, а то и Анджела, того гляди, умчится следом за матерью.

— Анджела, — сказал он тем же доверительным тоном, каким говорил с ней наверху, но без наглых эротических ноток, которые позволил себе утром. — У вас дома есть где-нибудь фотография отца?

Заинтригованная, она подняла голову.

— Есть, наверху.

— Видите ли. Я знаю, ваша мама очень переживает за него, я хотел бы ей помочь, если смогу.

Она кивнула, продолжая смотреть на него. Порядок, я не спугнул ее, подумал он и пояснил:

— Но для этого мне надо знать, как выглядит ваш отец.

— Мама убрала все фотографии, — сказала Анджела, косясь на дверь. — Наверное, не хочет расстраиваться. Но у меня в комнате висела одна, и я ее сохранила. Можете взять пока,

— Да мне достаточно только взглянуть. Вы говорите, она в вашей комнате?

— Сейчас принесу. — И она выбежала.

Суортмор остался ждать. Элизабет не возвращалась: он услышал, как она проводила Дэвида, а потом пошла наверх. Анджела, видно, столкнулась с матерью на лестнице — она почти сразу же влетела в комнату. Ее лицо сияло от возбуждения, это делало ее еще красивее.

— Вот, — сказала она.

Фотография была хорошего качества, четкая, размером примерно девять на девять дюймов, в светлой окантовке. Суортмор пристально изучал ее.

— Она недавняя?

— Папа фотографировался два-три года назад. Но с тех пор он не изменился. Во всяком случае, — добавила она, — не изменился, когда я видела его в последний раз, а это было всего несколько недель назад.

Она замолчала, словно взвешивала, можно ли довериться Суортмору или о чем-то спросить его. Суортмор безмолвствовал, изучая фотографию. Но она больше ничего не сказала, а вскоре вернулась Элизабет узнать, когда он собирается на вокзал.

— А тебе пора в школу, Анджела, — добавила она. — Хоть здесь и недалеко, но надо быть хотя бы за десять минут до занятий; думаю, учителя ждут, что ты будешь подавать пример, ведь ты теперь отличница.

— О, отличница, — протянула Анджела, в голосе ее звучало отвращение к глупому, скучному миру школьного детства.

Суортмор понял, что эти интонации предназначены ему, ими многое было сказано. Он тепло и понимающе улыбнулся ей. Что поделаешь, сейчас вряд ли он сможет добраться до нее, но через год-другой она, глядишь,

подвернется ему в Лондоне одна, без матери, тогда он ее и сглотнет. Он проводил ее ласковым взглядом. Мой золотой птенчик. Посиди еще малость у себя в гнезде.

Едва показались высокие стальные арки вокзала, поезд начал тормозить, а сердце Адриана Суортмора забилося быстрее. Он сидел, подавшись вперед. Ехал он в купе первого класса, у кресла были удобные мягкие подлокотники. Кладя на них руки, он заметил, что ладони у него чуть влажные. В качестве дара, бесплатно, он оставляет Британским железным дорогам капли своего пота.

У Суортмора было место в углу у окна, и, выглядывая из-за изящно приспособленной занавески (такие висят только в купе первого класса), он видел длинные унылые улицы, убегające в дымную даль нагромождения кирпичных зданий. Муравейник. Суетливая замкнутая жизнь лондонца. Он подумал о вокзале, к которому подъезжал, о его необычной двуликости. С одной стороны, в нем, будто в капле воды, отражается Лондон: здесь, как в городе, всегда полно народу, он навечно прикован своими стальными цепями к этому мрачному месту. С другой же стороны — он невесом, словно парит в воздухе, транзитная точка для путешествия в другие точки мира. А для одного человека — «островок спасения».

На мгновение он прикрыл глаза и восстановил в памяти лицо Джери на той фотографии. Овальное, серьезное, глубоко посаженные глаза, довольно крупный рот. Должно быть, широкоплечий. Он забыл спросить у Анджелы, какого роста ее отец. Если судить по размаху плеч, скорее всего среднего. Или же очень высокий. Но тогда девочка сказала бы ему об этом.

Мимо проплывали платформы и товарные вагоны — сначала быстро, потом медленно. Поезд остановился. Соседи по купе поднялись и, смешавшись с остальными пассажирами, стали протискиваться к выходу.

Адриан Суортмор продолжал сидеть, его влажные ладони покоились на мягких подлокотниках. Теперь, когда настала решительная минута, он весь напрягся. Нешуточное дело — охота на человека ради того, чтобы водрузить его голову дома над камином.

Суортмор вышел с последними пассажирами. Торопливо проследовал по платформе, опустив голову из боязни, что кто-нибудь увидит его и узнает. Он инстинктивно старался остаться незаметным, пока в голове не созреет план дальнейших действий. Кафе, торгующее спиртным, находилось поблизости, и он решил пропустить рюмку, затем вдруг вспомнил, что небрит, и передумал — сначала надо зайти в привокзальную парикмахерскую. Сидя в кресле и ощущая щекотание бритвы, снимающей бороздками покрытую мыльной пеной щетину со скул и подбородка, он не

без гордости думал о себе: молодец, держу себя в руках, не отправился сразу же в кафе. Туда можно пойти и позже: оно будет открыто. Они открываются в одиннадцать.

Свежевыбритое лицо пощипывало; Суортмор по лестнице вышел из парикмахерской. Он очутился на первой платформе. Буквально в нескольких шагах было еще одно кафе. Он решил взять чашку кофе, маленькую бутылочку бренди и вылить бренди прямо в кофе. Придя в восторг от своего плана, он быстро вошел в кафе. Сначала купил бренди — так кофе не успеет остыть. Потом подошел к стойке с кофеваркой, заказал себе чашку и стал наблюдать, как ему наливают. Чашка наполнялась, а он ощупывал лежащую в кармане бутылочку бренди. Он был спокоен, в голове никаких мыслей, ничто его не волновало. Еще секунда — и все будет готово. Он отнесет свою чашку к столику в углу зала, выльет в нее бренди и выпьет. Кофе согреет желудок, голова прояснится, а бренди растечется по жилам, и его нервы вновь станут стальными. Повернув голову, он увидел Джири.

— Шиллинг, — сказала барменша, протянула Суортмору чашку и призывно улыбнулась.

Секунду он тупо смотрел на чашку. Всего в двух ярдах от него сидит Джири. Перед ним — пустая чашка, он читает какой-то еженедельник.

Суортмор положил на стойку монету в два шиллинга и двинулся прочь. Барменша крикнула вдогонку:

— Сэр, возьмите сдачу!

Суортмор остановился, этот пустячный инцидент привлек внимание стоящих поблизости. Несколько человек взглянули на Адриана, взглянул на него и Джири.

Суортмор вспыхнул, вернулся к стойке и забрал деньги. Потом опять повернулся, поискал глазами свободный столик и увидел, что Джири все еще смотрит на него. В глазах Джири мелькнул огонек: он, видно, узнал Суортмора. Суортмор, глядя в сторону, быстро прошел мимо него. Он совсем растерялся. Он-то собирался осмотреться на вокзале, найти Джири, праздно слоняющегося по платформе, потом, не обнаруживая своего присутствия, постоять или посидеть возле него, а если выйдет, перебросятся с ним фразой-другой. Он был абсолютно уверен, что Джири не узнает его. Его лицо было знакомо многим, но в основном не таким людям, как Джири.

Теперь он чувствовал себя так, словно охотятся за ним. Даже под ложечкой засосало — до того хотелось кофе, однако он поставил чашку на столик и пошел напрямик к выходу. Не мог же он сидеть и пить прямо под носом у Джири. Знает его Джири или нет — не имеет значения, он увидел

Суортмора и запомнил. Проскочив платформу, он наконец окунулся в спасительный мрак зала продажи билетов.

Пойти в другое кафе? Выпить кофе? Мысль, что придется снова пройти через всю эту церемонию, показалась ему невыносимой — он был взвинчен до предела. Он вытащил из кармана бутылочку, открыл и поднес к губам. Половину? Нет, всю. Запрокинул голову и стал с жадностью пить. Какой-то прохожий мимоходом сочувственно глянул на него, словно Суортмор — один из тех, кто хлещет всякую дрянь на набережной Темзы.

Глубоко вздохнув, Суортмор бросил пустую бутылку в урну. Бренди добралось до его мозга. Адриан-охотник стоял у телефонных будок. Дикий лев Джири окопался в своем логове на первой платформе. На этот раз ему удалось избежать опасности. Опытный стрелок не должен терять хладнокровия. Суортмор крадучись подошел к киоску и спрятался за ним.

Ничего не подозревая, Джири слегка враскачку шагал вдоль платформы, вот он миновал книжный киоск, увидел Суортмора и остановился, дружелюбно улыбаясь.

— Простите, мне кажется, я знаю вас, — сказал он. — Вы мистер Суортмор, не так ли?

— Да.

— Мы незнакомы, — продолжал Джири. — Но вы, по-моему, старый знакомый моей жены.

Бренди пело в крови Суортмора. Он согласно кивнул, пристально глядя Джири в глаза.

— Я видел вас однажды по телевизору в какой-то дискуссии-викторине. Я вошел, когда передача уже началась, и жена показала мне на вас. Напомнила, что вы вместе работали в Манчестере.

— Да. Сразу после войны.

— Я тогда еще не был с ней знаком, естественно. — Джири улыбнулся. Он чувствовал себя в безопасности, на душе было спокойно, и ему хотелось провести хотя бы остаток дня вместе с кем-нибудь. Хотелось узнать, не смутил ли он Суортмора, так откровенно рассматривая его там, в кафе. — Вы ведь привыкли, что люди узнают вас.

Суортмор чувствовал, что его охватывает паника. Его, охотника, загнали в угол. Надо найти способ контратаки. Сила — вот спасение: надо быть грубым.

— Дело в том, что вчера я был у вашей жены, — мрачно произнес он.

— А-а, — протянул Джири. — Значит, вы приехали одиннадцатичасовым.

Отличная конспирация, подумал Суортмор. Что ж, поздравляю тебя, дружище. А вслух произнес:

— Да. Очень удобный поезд.

— Она, конечно, посвятила вас во все. — Оживленное выражение лица исчезло, но Джири, судя по всему, не был взволнован.

— Да. Мне, разумеется, грустно было услышать об этом.

— Разумеется, — поддакнул Джири. — Ну что ж, рад был повидаться с вами.

Слегка поклонившись, он двинулся дальше. В подобных обстоятельствах ему уже было трудно продолжать беседу с Суортмором. Тот заставил его вспомнить прошлые печали, а вдобавок Джири успел разглядеть этого человека — он пришелся ему не по душе.

Суортмор смотрел, как Джири удаляется по платформе. По крайней мере теперь для него было бесспорно одно: Джири действительно постоянно торчит на вокзале. Он шел таким же привычным шагом, каким хозяин обходит собственный сад. Большинство людей на вокзале или торопятся, или слоняются без дела в ожидании поезда. Джири шел своей обычной походкой. Он мог позволить себе остановиться и поговорить. Значит, он никуда не спешил, но делал он это непринужденно, без желания убить за разговорами время. На миг Суортмору даже подумалось: уж не открыл ли Джири секрет счастья? И тут же он взял себя в руки. Охотнику дозволено лишь чуточку завидовать льву. Но ему не дозволено упустить льва, оставить его в живых.

Он вернулся в кафе, где Джири теперь не было. Еще кофе с бренди? Нет! Он был сыт и согрет, а все-таки нервничал. Заказал холодного легкого пива и сел за столик — решил за кружкой пива хорошенько все обдумать.

Прошло три дня. Вечером Суортмор у себя дома говорил по телефону. Гостиную заливал мягкий свет, окна были широкими, отопление в квартире превосходным, даже в морозные ночи он мог не задергивать на окнах плотные шторы и любил время от времени поглядывать на улицу. Вот и сейчас, разговаривая по телефону, он смотрел на реку, мерцающую вдаль, на высокие здания того берега. Квартира находилась на одном из верхних этажей, даже по небу было видно, какой на улице холод. А здесь, внутри, тепло, мягкий свет, пушистые ковры. Этот контраст доставлял Суортмору наслаждение, он ведь вообще был любителем контрастов.

Правда, телефонный разговор испортил ему настроение, он стал нервничать и злиться.

— Вы уверены? И никого нельзя подослать?

— К сожалению, нет, — отвечал девичий голос. — Они работают бригадой и сейчас на задании.

— Но сэр Бен заверил меня, что я смогу воспользоваться их услугами.

— Послушайте. Они ведь нужны вам завтра, да? — рассудительно ответила девушка. — И завтра они будут в вашем распоряжении. Соберутся в девять тридцать и будут докладывать шефу о проделанной работе.

— Я же специально договаривался, — проскрежетал Суортмор, — что они придут ко мне вечером получить инструкции. Их ждет завтра деликатное задание, а к тому же представляется возможность сделать сенсационную передачу. Мне важно работать с бригадой, понимающей, что мы делаем. Я все это объяснил сэру Бену, и идей пригласить их ко мне домой, немного выпить с ними и установить контакт принадлежит ему.

— Мне очень жаль, мистер Суортмор: Я вас прекрасно понимаю, но у нас указание держать бригаду наготове в распоряжении передачи «Обозрение».

— Естественно, именно в тот вечер, когда они нужны мне, там без них обойтись не могут, — тихо заметил Суортмор.

— Они сейчас в аэропорту. Все эти министры африканских государств возвращаются домой.

— Африканских государств, — повторил Суортмор и повесил трубку.

Он сидел неподвижно, глядя в окно на темную реку и на другую, извивающуюся змеей реку уличных огней, рядом с ней. Да, холодина на улице — кажется, птица на лету замерзнет. Он представил себе, как сейчас на семи ветрах дрожат у взлетной полосы в аэропорту телевизионщики в своих плащиках. Он ненавидел работников из «Обозрения», весьма популярной программы новостей, событий и фактов. И больше всего он ненавидел руководителя программы. Этот человек обладает удивительным, поистине жутким чутьем, у него, Суортмора, никогда такого не было, хотя он и притворялся, что есть, его буквально распирало от желания обладать подобным чутьем, вернее, обладать силой и властью; имей он это чутье и используй его с умом, наверняка бы добился своего. Больше всего на свете он жаждал власти. Власти, власти.

— Теперь придется работать с людьми, не получившими инструкций, сонными, промерзшими, недовольными, а чего доброго, и простуженными, — сказал он вслух. — А если все провалится, мне еще предстоит объясняться с Беном и брать вину на себя.

От звука собственного голоса, тяжело ударявшего о массивную мебель, ему стало совсем одиноко и неуютно. Он резко задернул штору и сел перед электрическим камином. Убить остаток вечера можно по-всякому, и он стал решать, на чем именно остановиться.

Когда наутро Суортмор выходил из такси у здания «Консолидейтед телевижн», небо было затянуто густыми белыми, словно китайский

фарфор, облаками. Таксист наблюдал, как Суортмор, глядя на небо, роется в кармане в поисках мелочи, чтобы расплатиться с ним.

— Да, сэр, вот и дождались, — сказал он, тыча большим пальцем куда-то вперед и криво ухмыляясь.

— Чего дождались?

— Снега, — ответил водитель с мрачным удовлетворением, сунул деньги в карман, и машина отъехала.

Всю дорогу до административного корпуса, где его ждали операторы, Суортмор чертыхался. И так все в пакостном настроении, только метели не хватало. Он толкнул дверь комнаты, где они условились собраться. Три бесцветных юнца, с сигаретами, в толстых свитерах и узких брючках, встретили его чуть враждебным взглядом.

— Вы — бригада телеоператоров?

— Здесь не все. Главный еще не приехал.

— Уже приехал, — раздался за спиной Суортмора ровный голос северянина. В комнату вошел главный оператор, коренастый лысый мужчина в массивных очках. — До двух не спал. Собаке не пожелаю.

Он дрожал в своем пальто, перехваченном поясом.

— Ничего страшного, — бодро произнес Суортмор, пытаясь скрыть собственное раздражение. — У меня для вас отличное легкое дельце на сегодня. Ехать никуда не надо. Расположимся на Паддингтонском вокзале.

— На Паддингтонском вокзале? — недоверчиво спросил главный. — Что же там делать? Снимать локомотивы?

— Будем брать интервью, — тихо и деловито ответил Суортмор. — У человека, который не подозревает, что у него берут интервью.

— Чистосердечные признания перед камерой? — спросил один из бесцветных юнцов, взглянув снизу вверх на Суортмора.

— Тут дело деликатнее. Очерк о характере, — продолжал Суортмор. — Человек, который нам нужен, чудаковатый ученый. Он живет на Паддингтонском вокзале. Никогда оттуда не уходит.

— А где же он проводит свои опыты?

— Я ничего не знаю о его жизни и работе, — ответил Суортмор, тщательно взвешивая каждое слово. — Наша цель — постичь натуру человека. Представить себе картину его жизни. Прежде всего узнать, почему он никогда не покидает вокзала.

— Да он чокнулся, — произнес главный. — С катушек долой, и вся недолга.

- Если он сумасшедший, — допустил и этот вариант Суортмор, — его сумасшествие представляет интерес, поскольку он сам по себе интересный типаж. Нам надо будет поснимать его, а если получится — побеседовать.

Возможно, он окажется крепким орешком. Надеюсь, вы возьметесь за эту работу — вам представляется редчайшая возможность проявить свои таланты.

— Господи, — выдохнул главный, оглядывая своих подчиненных, словно приглашая разделить его недоумение.

— О традиционном интервью, — продолжал Суортмор, — скорее всего, речи быть не может. Если он обнаружит камеры, он просто уйдет, я абсолютно уверен. Поэтому снимать придется с большого расстояния. Сделать несколько кадров, пока он гуляет по платформам и так далее. А после, когда соберем достаточно материала, я попытаюсь втянуть его в разговор. Включу вот эту штуку. — Он показал миниатюрный магнитофон с микрофончиком, который можно спрятать в цветок, продетый в петлицу плаща.

— Можно еще проще, — предложил один из юнцов. — Включите транзистор на время разговора, дома сотрете радиозапись, а беседа останется.

— Слов нет, блестящая идея, — подхватил Суортмор. — А потом вы мне скажете, что я как те идиоты, что слоняются по лондонскому вокзалу с включенным на полную мощность транзистором. — Он полоснул парня ледяным взглядом и продолжал: — На худой конец, если нас постигнет неудача, можно будет использовать снятые с дальнего расстояния кадры и как-нибудь совместить их с записью. Я смонтирую кадры и комментарий в любом случае. Конечно, придется попотеть над монтажом, но это уже не ваша забота. Как только отснимем достаточно материала, привезем его сюда, и я с режиссером займусь монтажом.

— Все ясно, — сказал главный, так и не снявший пальто. — Поехали. Мне не мешает кончить пораньше. Я, кажется, заболеваю.

Они вышли и сели в микроавтобус. Машина тронулась в путь, а на землю начали падать первые хлопья снега.

Джири как раз одевался, когда увидел снег. Он наслаждался бездельем, даже позавтракал в постели. Покончив с едой, он еще понежился, растянувшись на кровати, потом раскрыл газету, которую ему принесли вместе с завтраком, и стал благодушно просматривать ее. Газета сообщала свою ежедневно подновляемую историю о борьбе и страданиях человека, а также напоминала, что авторитет Англии как великой державы, теперь уже второсортной великой державы, какой она стала после второй мировой войны, весьма пошатнулся. Джири эти новости не особенно удручали. В постели было тепло и уютно, ему пришло в голову, что, даже если Англия разорится вконец, в постели все равно будет тепло и уютно.

Наконец он поднялся, включил горячую воду, побрился и помылся. Потом оделся. Снег он увидел, когда застегивал рубашку. На душе потеплело, он подошел к окну. Его номер находился в торце здания, и окна выходили не к вокзалу: ему были видны крыши домов, мостовые, люди, машины. Там, где снег не тревожили, он ложился белым покрывалом. Даже под ногами прохожих он еще не успел превратиться в бурую жижу: лежал белый, а на нем проступали сырые проталинки от следов людей и длинные темные полосы от колес машин.

От снега стало веселее, он нарушил однообразие его вокзальной жизни не только тем, что изменил все внешне, но и тем, что чуточку изменил внутренний ритм. Человек ведь по-иному движется, когда идет снег, иначе, чем раньше, поглядывает на небо, чтобы узнать, будет ли снег падать еще или нет. Джири закончил свой туалет со сладостным предчувствием, что наступающий день будет необычным, надел пальто и отправился на вокзал.

Суортмор увидел Джири сразу, едва тот вышел из гостиницы. Его ребята сидели в кафе, а сам Суортмор устроился на скамейке в зале ожидания, делая вид, что читает газету. Джири в пальто и темной мягкой шляпе не спеша прошел мимо него к киоску, где после некоторых раздумий выбрал два журнала. Затем, сунув их в карман, направился вдоль платформы; там, где кончалась стеклянная крыша и платформы тянулись уже под открытым небом, он остановился.

Суортмор метнулся в кафе за операторами и показал им Джири, стоявшего вдали на платформе спиной к ним. Джири смотрел, как падает снег. Народу было совсем немного, и Джири, замерший перед завесой белых снежных хлопьев, смахивал на человека, погруженного в свои мысли в безлюдном помещении, в каком-то странном сумрачном соборе. Главный оператор без промедления установил одну из камер и начал снимать.

А Джири все стоял себе мирно на другом конце платформы и смотрел, как снег легким покрывалом ложится на покатые крыши товарных вагонов, на верхнюю часть стен и кровли домов, возвышающихся над вокзалом. Снег был липким, но оседал он везде по-разному. К примеру, на железнодорожных путях он уже запорошил рельсы, превратил их в таинственные белые линии, отбрасывающие свет в свинцовое небо. Лег он и на спальные вагоны. А на шлаковом грунте под ними лежал только плешинами. У стены за железнодорожными путями кое-где островками еще торчала жухлая трава, она впитывала снег, и ее островки оставались темными.

Джири смотрел на падающий снег; дизельный локомотив с запасного пути подогнал несколько пустых вагонов. Колеса, на которые налипал только что выпавший снег, скользили по рельсам, и их металлическая

поверхность оголялась, тускло поблескивая на фоне белизны спальных вагонов. Джири был в восторге от этого зрелища. Он стоял на последних сухих дюймах платформы, прямо перед ним неровной бахромой лежал снег. Редкие снежинки залетали под крышу и прилипали к его пальто и ботинкам.

Снег успокаивал Джири, приносил умиротворение. Он запорошил высокую стеклянную крышу, и вокзал стал походить на безмятежный, занесенный снегом домик под соломенной кровлей. Приглушая свет и в то же время делая его более ровным, он размывал резкие контуры предметов; у Джири было такое ощущение, словно он во сне, не просто спит, а видит тот самый сон, когда кажется, все наши обиды будут прощены и все теперь будет прекрасно.

Наконец он повернулся и хотел было двинуться обратно. И тут увидел на другом конце платформы кучку людей, что-то рассматривающих через плечо друг друга, но он не смог разобрать, что именно. Джири решил обойти их стороной. Он любил толпу, если только она состояла из людей безучастных, мысли которых витали где-то далеко, он любил случайное скопище народа. А эта кучка на другом конце платформы, хоть и небольшая, была объединена какой-то целью, и это обеспокоило Джири. Совершенно ясно, они собрались что-то вместе делать, пусть даже просто глазеть. Джири начал взбираться по лестнице, ведущей к мосту под самой крышей вокзала. Он решил дойти до противоположного конца вокзала и там спуститься на платформу. Так он избежит встречи с этой кучкой толкающих друг друга людей.

Как только Джири стал подниматься по лестнице, главный оператор спросил Адриана Суортмора:

— Продолжать съемку?

— Нет, остановитесь. Сделаем еще несколько кадров попозже. У нас есть телеобъектив?

— А что это вы делаете? — поинтересовался какой-то любопытный.

— Снимаем вокзал, — ответил Суортмор. — Фон для фильма.

Едва съемку прекратили, зеваки начали расходиться. Главный оператор накоротке посоветовался о чем-то со своими неразговорчивыми коллегами в свитерах.

— Вон он, — вдруг сказал Суортмор. — Смотрите, он возвращается с дальнего конца платформы.

— Если хотите, можно начать съемку прямо сейчас, с телеобъективом отсюда получится.

— Да, конечно. Хочу.

Джири дошел до входа в здание вокзала, бросил взгляд через перрон и

заметил, что предмет, который облепила эта горстка людей, был кинокамерой. Объектив был нацелен на него, и, насколько он мог судить, камера работала. Он ускорил шаг не оттого, что понял, что снимают именно его, а оттого, что безотчетно опасался разрушительной силы внимания публики. Он не хотел участвовать ни в каких спектаклях, ни в чем, что может вызвать чей-нибудь интерес к любой детали счастливой безмянности и безликости вокзальной жизни. Он ненавидел камеру, и горстку людей возле нее, и общую атмосферу волнения и необычности. Он быстро толкнул дверь кафе и вошел внутрь.

Там жизнь текла своим чередом. Ни один из посетителей, жевавших булочки, пивших чай и кофе, казалось, не подозревал о происходящем снаружи. Кто-то, распахнув пальто, отряхивал с него снег, кто-то не спеша разматывал длинный шарф. В зале, заполненном клубами пара, царила безмятежность, никому ни до чего не было дела — именно в этом Джири сейчас и нуждался. Он заказал кофе, сел поудобнее в кресло и раскрыл журнал. Он читал, и тревога мало-помалу отступила, он вновь обрел покой, вновь стал радоваться жизни. Так длилось несколько минут, а потом вошли двое и все испортили: они громко спорили, обсуждая, что за люди снимали фильм и вообще что занесло их на вокзал. Тут вмешались и другие, и вскоре в спор были втянуты буквально все. Время от времени кто-нибудь выходил посмотреть, не ушли ли киношники, и возвращался сообщить новости остальным: они все еще там, они исчезли, появились снова в другом месте на перроне, они пошли в гостиницу, они снова вышли... В конце концов Джири закрыл журнал, сунул его в карман, взглянул на часы и поднялся. У него созрел план.

Через две-три минуты прибывает экспресс из западных районов Англии. Джири знал, что с поезда сойдет много пассажиров и все они должны будут пройти через турникет. Большая часть направится прямо в метро. Джири решил смешаться с толпой, спуститься в метро и побыть там, пока не надоест, а потом вернуться на вокзал; к этому времени киношники, наверное, соберут свою аппаратуру и уйдут.

Так он и сделал. Поезд прибыл точно по расписанию. Джири стоял у турникета, ждал, пока пройдут первые пассажиры; он пошел вперед, только когда вокруг него образовалась толпа. Она медленно растекалась по перрону и широким ступеням, ведущим к подземке, то и дело застывая на месте. Джири несло вместе с ней по длинному проходу, перегороженному посередине металлическим поручнем. Он очутился у автоматов. Решил было купить билет и сделать несколько кругов по Внутреннему кольцу, однако тут же передумал. Метро было неизведанным пространством. Он не будет чувствовать себя в безопасности ни в одной его точке. Там тоже уйма

народу, но не увидишь сонных, безразличных людей, таких, каких видишь обычно на вокзале. Подземка была частью Лондона, и, если он решится путешествовать по городу, в ушах снова загремят барабаны.

Джири в раздумье постоял у автомата. Подходили люди, бросали монетки, брали билеты. Кое-кто кидал беглый взгляд на человека в темной мягкой шляпе, но большинство не обращало на него внимания. Если они и замечали его, то, вероятнее всего, думали, что он кого-то ждет.

Джири посмотрел на часы: он уже двадцать минут в метро, пора возвращаться на вокзал. Скорее всего, киношники уже ушли или по крайней мере перебрались еще куда-нибудь. Можно будет отыскать укромное местечко, где ему никто не станет докучать.

Он вернулся назад по длинному коридору, на этот раз по другую сторону металлического поручня, и не спеша поднялся на перрон. Он шагал ровно — ни быстро, ни медленно, — опустив глаза. У верхней ступеньки его ждал Суортмор. Пока Джири был внизу, Суортмор мучился: не потерял ли он след Джири, там ли он его ждет, но зато немного передохнул от этой охоты на Джири, от этих людей и всего прочего. Его догадка оказалась верна, и он облегченно вздохнул; он двинулся навстречу Джири и преградил ему путь; тот вынужден был остановиться.

— О, мистер Джири, — весело произнес он. — Опять мы с вами встретились. Забавно, не правда ли, всякий раз, как я попадаю на вокзал, я сталкиваюсь с вами.

— Да, — согласился Джири и шагнул вбок.

— Скажите, вы не против, — продолжал Суортмор, тоже сделав шаг и оказавшись снова лицом к лицу с Джири, — побеседовать со мной? Всего несколько минут?

Джири впервые взглянул на него.

— Побеседовать?

— Да. Видите ли, я пишу статью об обслуживании пассажиров на поездах юго-восточного направления? На первый взгляд тема тривиальная, но она волнует многих, и статью размножат во всех местных газетах.--- Когда лжешь, твоя выдумка должна изобиловать подробностями, загружай ее деталями, думал он про себя. — Я расспрашиваю людей, регулярно едущих по этим направлениям, каково их мнение об обслуживании в Лондоне и других городах.

— Обслуживание нормальное, — бросил Джири, стараясь пройти.

— Все-таки давайте побеседуем, — настаивал Суортмор. — Если вы не торопитесь на поезд, может, пойдём в гостиницу и выпьем что-нибудь?

— Я бы предпочел сделать это в другой раз, — вежливо отказал Джири.

— Другого раза, возможно, не будет, — возразил Суортмор. Он ни на секунду не забывал о магнитофоне, спрятанном в кармане. Он знал, что маленькие барабанные перепонки этого механизма были в действии, все, что говорится сейчас, фиксирует пленка, и он чувствовал свою власть, у него даже слегка перехватило дыхание — не то чтобы эта власть была всепоглощающей, не то чтобы он был ею одержим, просто она тут, совсем близко, и это — великолепно.

— Нет, правда, — отнекивался Джири, а Суортмор тем временем, взяв его за локоть, с шутливой настойчивостью подталкивал к кафе.

— Да бог с ней, с гостиницей. Здесь быстрее.

Они подошли к стойке. Джири не сводил глаз с Суортмора. Суортмор спросил, что он будет пить, но Джири не ответил, продолжая пристально изучать Суортмора. Как и в первую встречу, Суортмору стало не по себе — он, охотник, становится жертвой. Заметил ли Джири магнитофон? Видел ли он камеры, аппаратуру и все прочее? Барменша смотрела на него, постукивая пальцами по стойке: его очередь заказывать.

— Две порции виски, пожалуйста, — сказал он, изобразив на лице привычную улыбку. При этих словах он повернулся к барменше, а когда оглянулся, то увидел спину Джири, направлявшегося к выходу.

— О, простите, — бормотал запыхавшийся Суортмор, трусая следом за Джири. — Я обидел вас? — Он положил руку ему на плечо. — Простите, я подумал, что вас не затруднит уделить мне несколько минут и выпить со мной рюмку виски.

Он хотел было улыбнуться, слегка пожурить Джири, но на лице его невольно отразилась укоризна, и он не стал себя пересиливать.

Джири остановился. Влажная ладонь Суортмора все еще лежала на его плече. Повернувшись вполборота, он взглянул на Суортмора все с той же удивительной пристальностью, однако продолжал молчать.

— Я просто подумал, — нервничая, тараторил Суортмор, — какая удача, что я встретился с вами дважды за последние три дня, и оба раза на вокзале. Вот мне и захотелось пригласить вас выпить. — Он улыбнулся и снял руку с плеча Джири.

— Говорят, — сказал Джири бесцветным голосом, — что, если провести на большом лондонском вокзале много времени, увидишь всех своих знакомых.

Суортмор в знак согласия тут же засмеялся.

— Конечно. Но ведь не со всяким захочется выпить рюмку виски. А мне захотелось пригласить именно вас, поверьте мне и простите, если я был слишком назойлив.

— Я решил, что вы намерены выпрашивать меня для вашей статьи.

— Да, и это тоже, кроме всего прочего, но это не к спеху. Я хочу сказать, если вам неприятна мысль, что сказанное вами найдет отражение в статье, то мы...

— Мне неприятно, когда меня преследуют.

— Простите меня.

Джири повернулся и вышел на перрон. Суортмор побрел к стойке, где стояли заказанные им две порции виски и барменша ждала, когда он расплатится. Он молча протянул деньги, вылил виски из одной рюмки в другую и залпом выпил.

А Джири быстро пересек перрон и направился к гостинице. Поднялся на лифте и прошел прямо к себе в номер. Запер дверь, снял пальто и лег на постель лицом к окну. Он видел лоскут тяжелого серого неба в рамке оконного переплета и летящие вниз снежные хлопья. На фоне серого неба они казались темными. Они все падали и падали, без всякого усилия, неотвратимые, как человеческая судьба. Джири перевернулся и лег на спину, глядя в потолок: он тоже был серым, с невыносимой лепниной. Этот лепной узор, имел, наверное, какую-то законченность, если бы его можно было разглядеть целиком, но комната Джири была только частью большой комнаты, из которой сделали две, и потому Джири видел лишь половину лепнины. Да и в этой половине была нарушена симметрия — сначала электрическое освещение здесь не было предусмотрено, проводку сделали позже. Прошло несколько минут, от бессмысленности и асимметрии узора на потолке Джири стало не по себе. Он снова повернулся лицом к продолговатому лоскуту неба и падающему снегу, потом поднялся и начал ходить по комнате. Его руки и лоб повлажнели, грудь под липким пластырем зудела. Где-то вдалеке зарокотали барабаны.

Он подошел к туалетному столику, вытащил флажку, плеснул в стакан от зубной щетки немного виски и выпил. На душе полегчало, он оставил бутылку, надел пальто и пошел к двери. Но сперва осторожно приоткрыл ее. В коридоре было пусто. Джири приблизился к лифту легким, мягким шагом, вошел в кабину и захлопнул двери. Прислонился к стенке лифта и постоял так секунду, закрыв глаза; потом нажал кнопку первого этажа.

Главный оператор прятал руки в рукава своего толстого пальто с поднятым воротником. Он сидел на скамейке, что тянулась вдоль стен зала ожидания, и постукивал каблуками о деревянную перекладину. Его молодые ассистенты слонялись по залу и курили. В центре стоял Суортмор с магнитофоном в руках. На столе лежали две кинокамеры, с мерзкой насмешкой впиваясь своими темными объективами в лицо Суортмора.

- А что, если он вообще не выйдет? — спросил главный.

- Выйдет, — ответил Суортмор. — А если не выйдет, мы посидим тут, и вы получите гонорар за полный рабочий день, а надо будет, так и за сверхурочные, даже если и пальцем не пошевелинете.

- Я бы предпочел сидеть дома, — заметил главный оператор, — и черт с вашими сверхурочными. Меня уже тошнит от всего этого, точно вам говорю.

Суортмор вспыхнул. Он чувствовал, что главный презирает его. И эти три молодых парня в своих толстых свитерах тоже презирают его, но тут дело другое — они испытывали к нему отвращение чисто автоматически: к любому другому беспомощному в технике толстяку они испытывали бы то же самое. Это Суортмор способен был вынести, но он чувствовал, главный оператор, его сверстник, презирает его за то, что он шпионит и подслушивает с припрятанным магнитофоном и телеобъективом, копается в секретах личной жизни другого, в его белье — и все ради того, чтобы с важным видом поведать эти секреты миллиону сидящих у камина зрителей, а ведь он никогда не переступит порога их дома.

- Его логика безупречна, что и говорить, — сказал Суортмор. — Он выдает себя за нормального, и весьма успешно. Но чем более странные поступки он совершает, тем необходимее привлечь к ним внимание и оказать ему помощь.

- Почему бы просто не послать за врачом? — спросил главный.

В этот момент Суортмор готов был сдаться. Уже открыл рот, чтобы сказать им: складывайте и уходите, а Джири пусть сам выпутывается из своей истории. Но перед глазами возник удивительно четкий образ сэра Бена Уорбла за пустым письменным столом, он стряхивал пепел с сигары и улыбался ему. Сенсация! Да, Бен именно так и улыбнется ему, прищурив глаза, полные насмешки, когда Суортмор придет и сознается, что сенсация, которой он добивался, просто уплыла из рук. «Что же произошло с этим сумасшедшим ученым с Паддингтонского вокзала?» — слышал он вопрос сэра Бена. И отвечал: «Мы его упустили. Постеснялись приставать к нему». Нет, у него язык не повернется сказать такое и увидеть сочувственную улыбку Бена.

Он ненавидел главного оператора за то, что тот презирал его, но еще больше он ненавидел Джири, потому что Джири был виноват во всем. Если бы Джири не свихнулся и не поселился на вокзале, тогда бы ему, Суортмору, незачем было вести себя так мерзко. А если бы Джири довел дело до конца, окончательно свихнулся, все было бы по-другому. Они отсняли бы несколько хороших кадров: санитары связывают ему руки, надевают смирительную рубашку, — и все было бы как надо. Его поздравили бы с успехом и с тем, что он вовремя оказался со своей

бригадой на месте происшествия. Но Джири все испортил, его безумие было совершенно незаметно, он вел себя прилично, спокойно прогуливался по вокзалу и никому не мешал.

Суортмор стоял неподвижно на сыром полу зала ожидания, в душе посылая по адресу Джири самые страшные проклятия, полные неистовой ненависти. Джири загнал его в западню, одному из них двоих не уйти от унижения и муки.

— Если через десять минут он не появится, — процедил он сквозь зубы, — я сам пойду за ним в гостиницу.

— Почему бы вам не оставить бедолагу в покое? — спросил главный оператор.

— За ним так и так надо следить, — ответил Суортмор. — Если его сейчас оставить без присмотра, он, того и гляди, впадет в буйство и убьет кого-нибудь.

Он нахмурился, плюхнулся в кресло и стал смотреть на свои часы, стараясь поймать движения минутной стрелки. Иногда ему казалось, что он видит, как она передвигается, но он не мог сосредоточиться и глядеть на нее неотрывно. Ему чудилось, будто часы издевательски смеются над ним, прямо как сэр Бен. Он вспоминал длинные бронзовые волосы Анджелы Джири, думал о том, как корреспонденты «Обозрения» брали в аэропорту интервью у африканских политиков, и еще он думал — но недолго — о снеге, что падал за окном и ложился на мостовую и рельсы. И тут он заметил, что десять минут прошло.

— Готовьте камеры, я приведу его на перрон, но ни за что не ручаюсь.

Он застегнул пальто, вышел из зала и направился к гостинице. Открывая дверь, он поймал себя на том, что не знает, как ему поступить. Словно наблюдал за кем-то со стороны, за каким-то незнакомцем, чьи поступки невозможно предугадать. Неужели он и впрямь подойдет к администратору и попросит вызвать Джири? Если он так поступит, они, естественно, позвонят Джири в номер, а что делать, если тот не возьмет трубку? Надо узнать, в каком он номере. Может, когда его будут соединять с Джири по телефону, он услышит, какой номер назовет телефонистка. А возможно, сумеет заглянуть в книгу регистрации. Потом улучит минуту и незаметно проскользнет к лифту, подыметесь вверх и постучит в дверь Джири. Джири решит, что это кто-нибудь из персонала гостиницы, и откроет.

А потом? Что незнакомец будет делать потом?

Все еще в замешательстве, Суортмор вошел в холл. А там в плаще и темной мягкой шляпе сидел в кресле у журнального столика Джири. Должно быть, он почувствовал на себе взгляд Суортмора, потому что

тотчас же посмотрел на вошедшего.

Суортмор застыл как вкопанный. Джири неожиданно оказался прямо здесь, под носом, до смешного легко начать с ним беседу. Но Суортмор никак не мог решить, что ему сделать или сказать.

Любой растеряется в такой ситуации, но в единоборстве этих двух людей победа сейчас была на стороне Джири.

Он сидел совершенно спокойно. Суортмор чувствовал, что еще минута — и Джири уничтожит его взглядом. Если бы его страхи оправдались, Суортмор ушел бы, унес бы свою ненависть, свое липкое противное волнение и отвращение к самому себе куда-нибудь еще. Джири сидел в скупо освещенном холле гостиницы, и внезапно нагрянуло то, против чего он был беззащитен. Он снова услышал барабанный бой.

Джири сразу понял: раз Суортмор способен заставить бить барабаны, сопротивление бесполезно. Он быстро поднялся и вышел на улицу, ведущую в город. Мимо проезжало такси, он решил остановить его и затеряться в лондонских джунглях. Но барабаны гнали его назад. Он ускорил шаг, обогнул гостиницу и снова направился к вокзалу.

У Паддингтонского вокзала одна архитектурная особенность — у него нет, так называемого центрального входа. Фасад занимает гостиница, и на вокзал можно войти только сбоку. Такое впечатление, что Брунел 1 любил поезда больше, чем людей: поезда попадают на вокзал, как короли — через высокие стальные арки. Джири почти бегом миновал узкие улочки, загороженные рекламными щитами, и очутился на вокзале.

1 Брунел, Исамбард Кингдом (1806 — 1859) — инженер-строитель, автор ряда проектов английских вокзалов, мостов, железнодорожных перекрытий.

Неподалеку, в другом конце вестибюля, стоял главный оператор со своей группой. Они были наготове. Суортмор шел за Джири по пятам и яростно замахал рукой, давая операторам команду начать съемку. Главный включил камеру, а два его ассистента, подхватив вторую с треножником, потрусили за Суортмором. Джири увидел всю эту суету, резко свернул направо и побежал на другую сторону вокзальной площади мимо вереницы такси. Он направился на служебную территорию вокзала, куда вход пассажирам не разрешался.

Длинная платформа, заваленная ящиками и тюками, окаймленная темной линией люков, спасет его от барабанного боя, думал он. Джири бежал. Суортмор остался далеко позади, а Джири все бежал по платформе. Темнота гостеприимно приняла его. Фонари были высоко, их свет —

мягкий и чуть водянистый от падающего снега — был неярким. Фигура Джири в темном пальто была едва различима. Спасение: он обогнул груженный вагон, нырнул в один из люков.

И остановился. Перед ним, опершись на длинную метлу, почти повиснув на ней, стоял носильщик Чарли. Увидев, что нарушитель порядка — Джири, он расплылся в улыбке, торжествующей и грозной. Схватив метлу, точно копье, он двинулся навстречу Джири.

Джири казалось, что губы Чарли шевелятся, но он не слышал ни слова: все заглушил барабанный грохот. Он начал отступать. На платформе не было ни души, только Суортмор, неотвратно приближавшийся, а за ним — двое с камерой. Суортмор от волнения выкрикнул «Держи его!», словно Джири был вором. Джири резко рванулся в сторону, нырнул между такси и побежал к лестнице, которая вела к мосту.

Водители, до этого читавшие газеты в ожидании пассажиров, начали следить за погоней, невольными очевидцами которой оказались. Джири в своей представительной шляпе бежал по ступенькам вверх. Суортмор мчался за ним. Почти никто не догадывался, что происходит на самом деле. В дальнем конце вестибюля главный оператор, потеряв Джири из виду, выключил камеру и в нетерпении ждал. Ему чертовски хотелось скорее вернуться домой.

На мостике Джири замедлил шаг. Что же теперь делать, думал он. За долгие часы прогулок по вокзалу он хорошо изучил его и знал, что даже пожилому человеку совсем несложно спуститься с моста на крышу второй платформы. Высокий стеклянный купол вокзала нависает над платформами примерно на две трети их длины, а дальше над ними крыши из обычного рифленого железа, как на пригородных станциях. Джири прикинул: если перебраться на крышу второй платформы — а туда легче всего попасть, — он избавится от Суортмора. Суортмор останется далеко позади, и его голос не сможет настичь его, а задавать вопросы по мегафону он вряд ли осмелится.

Утвердившись в своем решении, Джири не спеша двигался к тому месту, откуда собирался начать спуск. И хотя он знал, что Суортмор близко, он шел спокойно, стараясь не вызвать ничьего подозрения, и встретившийся ему толстяк в макинтоше даже не удостоил его взглядом. Толстяк шел крупными энергичными шагами, помахивая чемоданом, набитым бумагами, его ждал великолепный деловой день. Джири зашагал еще медленнее, пока тот не отошел от него на приличное расстояние. Затем он подтянулся, ухватившись одной рукой за кронштейн фонаря, а другой опершись на широкие металлические перила моста, и перелез через них. Движения его были точны и продуманны.

Держась для равновесия за столб, на котором крепилась крыша, Джири добрался до плоской балки, прошел по ней без особого труда, обогнул другой столб и легко спрыгнул на крышу второй платформы.

Увидев, что Джири взобрался на парапет, Адриан Суортмор, шедший за ним по пятам, растерялся и даже вскрикнул. Толстяк, как раз поравнявшийся с Суортмором, приостановился, недоуменно глядя на него. А когда Джири стал продвигаться по балке, Суортмор рванулся вперед.

— Эй, вернитесь! — позвал он. Кричать ему не хотелось. В глубине души он надеялся, что, если обойтись без крика и шума и не привлекать к Джири внимания толпы, можно будет проконтролировать и дальнейшие события. Когда Джири уже спрыгнул на крышу второй платформы, Суортмор подбежал к тому месту, где тот перелез через перила, и заглянул вниз. Стеклопанельная крыша кончалась прямо над его головой, внизу тянулись длинные платформы с припорошенными снегом навесами. Джири был под открытым небом, снег побелил уже его пальто и темную шляпу.

— Джири, — настойчиво, но негромко звал Суортмор. — Вернитесь. Вы погибнете.

Джири остановился ярдах в двадцати от Суортмора и посмотрел на него отсутствующим взглядом. Суортмор совсем растерялся. Он не собирался лезть следом за Джири: во-первых, это было опасно, во-вторых, он был уверен, что здесь обязан вступать в свои права закон. Когда человек сходит с ума и начинает лазить по крышам, стащить его оттуда — забота полиции.

С этой платформы Джири видно не было — его скрывал скат крыши, но на остальных платформах его уже заметили, и любопытные переходили с места на место, чтобы получше разглядеть, что происходит. Среди них Суортмор увидел главного оператора. Он установил камеру, навел объектив и начал снимать. Двое парней с другой камерой как раз подоспели к Суортмору, не дожидаясь приказа, пристроили ее на перила и тоже начали снимать. Джири был пойман: два глаза кинокамер не выпускали его.

Он решительно повернул — теперь он был спиной к вокзалу — и пошел по центру крыши, к ее дальнему концу. Камеры неотступно преследовали его: одна — с платформы, вращая квадратной черной головой, другая — с парапета, чуть задрав свою морду. Джири быстро шагал в густой пелене снега. Следы его тут же заметало.

И вот он у дальнего края, четко вырисовывается на фоне неба. Небольшие группы людей на соседних платформах двигались вместе с ним, шаг за шагом, и теперь тоже застыли на месте. Идти дальше вроде некуда. В ушах — барабанная дробь, громкая, раньше такой не было, она сотрясает все его существо, стучит в груди, стиснутой пластырем. Через три дня его

обещали снять, интересно, думал Джири, что произойдет за это время. Сегодня среда, как-то он проживет эти дни до субботы?! Как слезет с крыши? Ему так хотелось поскорее избавиться от пластыря, но он не мог представить себе той субботы. Это будет утром?

В толпе слева появился полицейский, ему принялись что-то объяснять, показывая на Джири. Любопытно, как они объясняют его появление на крыше. Потом полицейский властным голосом начал звать Джири, но тот как не слышал. Он постоял еще немного, глядя на убегающие заснеженные рельсы, повернулся и зашагал к высоким стеклянным аркам. От пятой платформы отправился к какому-то мелкому пункту назначения местный поезд. Он был набит битком, пассажиры старались пристроиться на скамейках, просматривали газеты. Может, сегодня вечером они прочтут, что по крыше одной из платформ Паддингтонского вокзала разгуливал человек, подивятся, что не заметили его, и на долю секунды преисполнятся гордости, что и они в какой-то мере причастны к столь удивительным событиям.

Джири шел теперь в обратном направлении, камеры по-прежнему следили за каждым его шагом. А Адриан Суортмор все стоял на мосту и с опаской наблюдал за ним. Сейчас Суортмор был бессилен. Он не знал, что делать. Будь что будет, в конце концов как-то все это должно закончиться, он был доволен, что все произойдет помимо его желания. В глубине души он маялся от нестерпимой жалости к Джири, а еще глубже в нем притаился мрачный дикий восторг. Джири оправдал ожидания Суортмора, оправдал его затею, главный оператор теперь не осмелится презирать Адриана, а сэр Бен выпустит его в эфир, его ждет успех. Джири принесет ему удачу.

Лицо Джири выглядело замкнутым и озабоченным. Поначалу Суортмор решил, что Джири намерен вновь перебраться через перила на мост. Он бросил взгляд на юношей в толстых свитерах, сосредоточенных на своей жестокой бездушной аппаратуре и безразличных ко всему остальному. Их присутствие вселило в Суортмора уверенность. С их помощью совсем нетрудно будет держать Джири на крючке, пока полицейский не заберет его. Наверное, стоит попробовать удержать его без их вмешательства: пусть продолжают съемку, получатся сногсшибательные кадры. Поединок сотрудников телевидения с сумасшедшим ученым. Смотрите, что произойдет сейчас прямо на ваших глазах, на вашем экране. Он скинул пальто, готовый к схватке.

Однако Джири не вернулся на мост. Дойдя до края крыши, он подтянулся как раз до того уровня, на котором стоял Суортмор. Но не пошел по плоской балке к перилам моста, а прыгнул на узкую металлическую дорожку, тянущуюся вдоль основной крыши, вдоль купола

из стекла и стали. Затем осторожно прошел к узкому проходу между двумя арками в самом центре крыши.

Джири хотел пойти по этому центральному проходу к противоположному краю, к залу ожидания, а там собирался как-нибудь спуститься и сдать в руки полиции. Он не боялся, что полицейский станет его допрашивать, даже арестует. Он ведь знал, что карабкаться по крыше вокзала запрещено, что он своей прогулкой вызвал на вокзале суматоху, что подал дурной пример мальчишкам. Пусть его отведут в участок и оштрафуют на пять или десять фунтов. А потом он вернется на вокзал, и все пойдет своим чередом, и дробь барабанов умолкнет. Ведь они нещадно бьют из-за кинокамер. Ему обязательно надо скрыться от этих камер, они преследуют его и привлекают любопытные взгляды зевак, они непрерывно его пытаются, пытаются, пытаются.

Джири вскарабкался на четвереньках на металлическую дорожку в центре крыши между двумя арками. Потом выпрямился и пошел не спеша по скату крыши. Но он сделал всего два шага. В ушах грохотали барабаны; он остановился. Память подвела его. Сотни часов он бродил по вокзалу, изучил его вдоль и поперек, но вот не заметил — до этой страшной минуты, — что арки не цельные. В двух точках каждую перерезают стальные перекрытия, соединяющие высокие стеклянные своды. И пройти по крыше из конца в конец невозможно, даже если осторожно продвигаться ползком. Потому что арки обрываются в двух точках, а дальше — лишь высокие стеклянные своды.

Джири замер. Никто теперь не видел его. Арки Паддингтонского вокзала — стеклянные лишь в верхней части. А большая их часть — стальная. Стоящий между арками снизу незаметен, а если отойти подальше от края, то ни с какой точки на перроне его не увидишь. Джири стоял, дыхание его было ровным, из светлой выси на него падал снег. Он посмотрел вверх, дивясь и радуясь перламутровому сиянию неба. Оно сделалось необъятнее, ласковее, таким оно никогда не было. И Джири понял, что вокзал ему больше не помощник и не защитник. Ему захотелось оказаться под этим огромным, открытым небом, смотреть на него, хотелось, чтобы небо ниспослало ему свое благословение. Вокзал был нужен ему, когда он искал малое небо над головой, защищавшее от бурь и невзгод. Но теперь он искал настоящее небо, безмерную вселенскую щедрость.

Он по-прежнему не двигался. Но больше не хотел сдаваться и не испытывал больше страха. Решил, что побудет здесь, пока не уйдут люди с камерами и не рассосется толпа; тогда он сможет слезть и

беспрепятственно уйти с вокзала. Он с ликованием представлял себе, как сложит вещи, потом спустится вниз, оплатит счета и уедет. Уедет куда-нибудь за город. Поселится в деревенской гостинице, и его станет будить по утрам крик петуха, а из окна он будет смотреть на небо, необъятное и ясное. Стайка облаков, позолоченная солнечными лучами, поплывет своей извечной дорогой. Наконец он свободен.

И еще он совсем явственно видел две фигурки, залитые солнцем, они идут по широкому полю: это он и Дэвид. И тут включили мегафоны:

— ДЖЕНТЛЬМЕН, НАХОДЯЩИЙСЯ НА ВОКЗАЛЬНОЙ КРЫШЕ! В ИНТЕРЕСАХ БЕЗОПАСНОСТИ — ЛИЧНО ВАШЕЙ И ДРУГИХ ЛЮДЕЙ — ПРОСИМ НЕМЕДЛЕННО СПУСТИТЬСЯ ВНИЗ!

Кому-то в голову пришла неплохая идея — прибегнуть к громкоговорителю, чтобы связаться с человеком, которого не причислишь ни к какой категории людей: он не пассажир, не контролер, не ожидающий своего поезда, а просто «находящийся на крыше», и этим нехитрым актом он бросает вызов всему нормальному, сильному миру поездов, расписаний, деловых поездок и газетных киосков. Самоуверенный голос теперь успокаивал пассажиров, интонации его обладателя выдавали уроженца бедных кварталов Лондона. Никакой опасности нет. Нет никаких причин бояться, на крыше — не преступник, он не вооружен и ничем не опасен. Вызвано несколько полицейских, они наготове, но всем известно, что человек на крыше ничем не отличается от других, просто ему захотелось полазить по вокзальной крыше.

Потом опять голос обратился к Джири:

— МЫ СНОВА ПРОСИМ ДЖЕНТЛЬМЕНА, НАХОДЯЩЕГОСЯ СЕЙЧАС НА ВОКЗАЛЬНОЙ КРЫШЕ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ АРКАМИ, СПУСТИТЬСЯ ВНИЗ, В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ МЫ ЗАСТАВИМ ЕГО ЭТО СДЕЛАТЬ В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ.

Громкоговорители щелкнули и умолкли, над вокзалом повисла тяжелая тишина. Ни локомотива, ни стука колес багажной тележки. Все слушали и следили за Джири. Он это понял, но как ему поступить — не знал. Не мог он спуститься на растерзание всех этих камер, всех этих глаз. Он должен спастись, убежать куда-то, где огромное небо над головой, где молчат барабаны.

Хорошо, когда тихо, но он-то знал, что в любую минуту громкоговорители снова обрушатся на него, а тишина, которую вот-вот нарушат, ужасна, как шум. Надо двигаться, пока снова не зазвучал этот механический голос; единственный путь — путь вверх. И он рванулся вперед, карабкаясь по крутому подъему, цепляясь за черепицу. Настил был достаточно твердым, он мог, отталкиваясь руками и ногами, продвигаться

вперед; скат стал менее крутым, Джири смог выпрямиться. Он продолжал двигаться дальше, черепица кончилась, началось стекло, но он больше не раздумывал. Стекло под ногами треснуло, он вовремя переступил на другую панель, снова трещина, еще и еще, Джири был в самой верхней точке крыши, под его тяжестью стекло со звоном раскололось, звон отдался эхом во всех уголках вокзала. Ничто уже не удерживало Джири, и он стал падать, на лету повернулся на спину в последней попытке ухватиться за что-нибудь.

Джири казалось, что он падает очень долго. Он ударился спиной о стальные рельсы, сломал позвоночник и раздробил череп. Тело его судорожно дернулось, словно он хотел подняться, но то был лишь последний толчок уже погибших нервов. Он лежал поперек рельсов, и рядом с ним, покружив в воздухе, легла его темная, мягкая шляпа — тульей к земле, словно просила милостыню у неба.

Джири умер. Но, слава богу, барабаны унялись. А снег все падал и падал.